АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Р. Н. КАЦИЯ

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ НАРОДАМИ (конец XIII–XV вв.)

Сухум
2026

УДК 325(5)
ББК 63.3(О)4-69
К 30

Рекомендовано Учебно-методическим советом АГУ

Кация Р. Н.
Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII – XV вв.). – Сухум: РИО АГУ, 2026. – 196 с.

В предлагаемом издании рассмотрены вопросы взаимоотношений итальянской торговой республики – Генуи – с народами Западного Кавказа. Торгово-предпринимательская деятельность генуэзского купечества в Черноморском бассейне в XIII–XV вв. оказала существенное влияние на судьбы народов этого региона. В работе особое внимание уделено воздействию внешнего фактора, в частности генуэзского капитала, на экономическую и социокультурную жизнь народов Абхазского княжества.

Книга будет интересна как для специалистов-историков, так и для студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей Абхазии.

Г/Р 978-5-155-06-02026

© Кация Р. Н., 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 4
ВВЕДЕНИЕ 5
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНУЭЗСКОЙ МОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII–XV вв. 21
§ 1. Западный Кавказ и некоторые проблемы влияния Генуи на его развитие 21
§ 2. Периодизация истории, иерархия и специализация генуэзских факторий 44
§ 3. Типичные черты строения итальянских сеттльментов . . 63

ГЛАВА II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕНУИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ 102
§ 1. Динамика и структура экспортно-импортных операций . . . 102
§ 2. Организация и характер торговли невольниками кавказского происхождения 125
§ 3. О памятниках материальной культуры генуэзской эпохи на территории Абхазии 154

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 166

БИБЛИОГРАФИЯ 171

От автора

Данная работа была защищена как кандидатская диссертация в начале уже далекого 1986 года. Значительное опоздание с ее изданием, помимо всего, было вызвано надеждой подкрепления некоторых предположений и выводов автора документальными материалами из архивов Италии. Однако время шло, за этот период увидели свет несколько работ различных авторов с использованием идей, изложенных в диссертации, и я решил опубликовать свое исследование в первозданном виде, с минимальными исправлениями текста.

Надеюсь, что эта публикация будет интересна как для специалистов- историков и студентов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей нашего благодатного края.

ВВЕДЕНИЕ

Важным направлением в изучении истории Абхазии являются исследования экономических, социально-политических и культурных связей народов нашей страны с другими народами и государствами. Проблемы итальянской колонизации Черноморского побережья Кавказа в конце XIII–XV вв., ее влияния на судьбы народов этого региона представляют существенный научный интерес не только с точки зрения необходимости реконструкции средневековой истории западнокавказских земель, но отчасти потому, что колониальная эксплуатация в разных формах, в том числе восходящих к средневековью, сохраняется в ряде регионов планеты. Вопрос взаимоотношений итальянской торговой республики Генуи с народами Западного Кавказа в указанный период необходимо рассматривать в контексте истории международных связей эпохи средневековья, взаимовлияния Запада и Востока и общей исторической эволюции Кавказского Причерноморья.

В XIII–XV вв. Генуя вела активную торгово-предпринимательскую деятельность на Средиземном и Черном морях. Ее купечество в основном ориентировалось на посреднические операции при обмене товарами между Западной Европой и Востоком. Основную прибыль генуэзцы извлекали не из вывоза и продажи продуктов своей страны, а из посредничества при обмене и из эксплуатации вступивших в обмен производящих стран[1]. Генуэзскому купеческому капиталу удалось добиться на Черном море «монопольной торговли с монопольной прибылью»[2].

Проникновению и закреплению генуэзцев на Западном Кавказе благоприятствовала внутри – и внешнеполитическая обстановка, которая определялась постоянными внешними наше-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 361.

[2] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 477.

ствиями, процессом распада царства абхазов и картлийцев, сепаратистскими устремлениями местных феодалов, феодальной раздробленностью. Весомую поддержку Генуэзской морской республике после Нимфейского договора (1261 г.) оказывала влиятельная в этом регионе Византия.

Адыгские, абхазские и западногрузинские феодалы были заинтересованы не только в экономическом могуществе Генуи, но и в использовании ее политического и дипломатического влияния в Черноморском регионе. Однако экспансия Генуи и ее активное участие в международной работорговле во многом определяла зависимое положение этих земель. Эти и другие факторы обусловливали низкие темпы социальной и хозяйственной эволюции, аграрно-сырьевую специализацию и другие препятствия на пути развития Западного Кавказа.

Вместе с тем, воздействие внешнего фактора, в нашем случае – генуэзского купеческого капитала и его представителей, на экономическую и социокультурную жизнь народов Восточного Причерноморья не следует квалифицировать лишь как негативное. Более высокий экономический и социальный уровень Италии содействовал некоторой позитивной трансформации архаичных хозяйственных и отчасти социальных структур Западного Кавказа.

Научная и практическая актуальность данного исследования определяются, во-первых, необходимостью заполнить имеющиеся лакуны в истории народов, населявших в период развитого средневековья западнокавказские земли, а также подробно исследовать их взаимоотношения и международные связи с Западной Европой, во-вторых, необходимостью в комплексном рассмотрении на современном уровне исторических знаний проблем развития хозяйственной и культурной жизни народностей этого региона в связи с генуэзской экономической экспансией на Черноморское побережье Кавказа и ее действительных последствий.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса «Капитал», «Дополнения к третьему тому «Капитала»», «Первый международный обзор», «Немецкая идеология» и др. дан научно обоснованный анализ истории развития и функционирования купеческого (торгового) капитала Генуи эпохи развитого средневековья. Классики марксизма при всем многообразии своих научных интересов уделили внимание Генуе и в своих работах неоднократно оперировали социально-экономическими примерами, связанными со спецификой торгово-предпринимательской деятельности этой итальянской республики[3]. Они разработали ценнейшие теоретические и методологические установки для современных исследователей вопроса, высказав ряд важных мыслей об экономических и культурных последствиях политики генуэзского и венецианского средневекового экспансионизма, отметив, помимо отрицательных, и положительные его результаты.

Генуэзская экспансия на Черноморском побережье Кавказа до сих пор не выделялась в самостоятельный предмет комплексного исследования ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Отдельные ее аспекты, касающиеся локализации итальянских факторий, ввоза-вывоза некоторых видов продукции, работорговли, прозелитизма, рассматривались – в связи с другими вопросами – в трудах, посвященных более общей тематике (история Грузии, Италии, работорговля в средние века и т. д.). Учеными исследована также сходная тематика, особенно в плане постановки проблемы экономических и политических взаимоотношений ряда государств Востока (Трапезунд и т. д.) с итальянскими торговыми республиками.

Выбор источников и историографических материалов для изучения генуэзских поселений на побережье Кавказа и взаи-

[3] Маркс К. Капитал. Т. 2. Кн. 2; Т. 3. Кн. 3; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24; 25, Ч. 1-2; Энгельс Ф. Дополнения к 3-му тому «Капитала». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2; Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т 7.

моотношений чужеземцев с местными народами определялся автором с учетом следующих факторов: во-первых, специфика постановки вопроса, которая потребовала включения проблемы воздействия генуэзского предпринимательства на общественно-экономическое развитие западнокавказских земель в широкий контекст истории Абхазии, Грузии, Северного Кавказа, международных связей того времени, взаимовлияния стран Европы и передней Азии; во-вторых, необходимостью не изолированно, а комплексно рассмотреть некоторые стороны экспансионистской деятельности Генуи в ситуации XIII–XV вв. не только на Западном Кавказе, но и во всем Черноморском бассейне, связать исследуемый вопрос со смежными проблемами – экономическими, социальными, внутри – и внешнеполитическими принципами организации Западного Кавказа, Генуи и Каффы.

Малочисленность, разобщенность источников о деятельности Генуи на Кавказе, их распыленность по другим темам, к которым часто они имеют лишь иллюстративное отношение, узкий объем информации применительно к Восточно-Черноморскому региону, затрудненный доступ к большинству из них существенно осложняли реализацию задач автора. Использованные источники за редким исключением иностранного происхождения (итальянского, византийского, французского и др.). Таким образом, вынужденная в отдельных случаях трактовка некоторых вопросов по аналогии с процессами, происходившими в других районах Черноморья, объясняется весьма ограниченной по объему фактологической базой. Возможности расширения круга источников по проблеме Генуи и Западного Кавказа, по-видимому, не исчерпаны, и существуют значительные резервы для архивных изысканий и аналитической работы в этом направлении. Имеющиеся в распоряжении автора публикации памятников той эпохи, очевидно, не отражают весь дошедший до наших дней корпус материалов, который мог бы быть проанализирован.

Документы условно можно классифицировать по ряду типологических принципов. До нашего времени сохранилось весьма мало источников, в которых повествуется о деятельности генуэзцев на землях Кавказа. В нашем распоряжении есть свидетельства итальянских консулов и священнослужителей, представленные в таких крупных собраниях как «Сборник венецианско-генуэзских грамот», «Церковные анналы», францисканский архив[4] и др. сведения средневековых хронистов, реляции, мемуары и записки итальянских путешественников по Кавказу и Черноморью, в которых содержатся наблюдения о хозяйственной и политической жизни местных народов, описания процесса торговли, заключения о результатах генуэзской политики[5].

Сравнительно шире круг юридических рукописных памятников. Это административные кодексы и статуты, постановления официальных генуэзских учреждений и Банка св. Георгия[6]. Основными же историческими документами для изучения темы были сохранившиеся регистры нотариальных актов, массарии (расходно-приходные книги), ряд других документов, в которых, по сути, отражается повседневная жизнь черноморских сеттльментов Генуи. Нотариальные акты, фиксировавшиеся различного рода сделки (купли-продажи, долевые обязательства, морские займы под привезенный товар, договоры о фрахте, комменды-кредитные сделки и т. д.) преимущественно содер-

---

[4] Сборник венецианско-генуэзских грамот. – ЗООИД, 1860. Т. IV; Annales ecclesiastici ab anno MCXCVIII, ed. Odoricus Raynaldus, Lucques, 1747; Annali della Republica di Genova, 2 vol., Genes, 1854, etc.

[5] Барбаро и Контарини о России. – *Е.Ч. Скржинская.* – Л., 1971; Сведения итальянских путешественников XV в. о Грузии. – Э.М. Мамиствалишвили. – Тбилиси, 1981; Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. – ЗНУ, Одесса, 1867. Т. I и др.

[6] Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. – ЗООИД, 1863; Codice diplomatico della colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell`Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII-MCCCCLXXV) ordinato ed illustrato dal P. Fmedio Vigna". – Atti della Societa` Ligure di storia patria, vol/ VI – VIII, Genova, 1868-1871, etc.

жат отрывочные сведения по вопросам, имеющим отношение к теме исследования: есть, например, указания о продаже партии шёлка, нет сведений о его цене; проставлена стоимость товара на корабле, направленном в Савастополис, но номенклатура и количество изделий не названы. Практически неизвестны акты, составленные на Кавказе, хотя известно, что в крупных центрах (Савастополисе (совр. Сухуме), Ло Вати (совр. Батуми и др.) действовали генуэзские нотарии. Связь Генуи с этим регионом прослеживается по документам, составленным или в самой метрополии, или в Каффе, Пера. (До нас дошли собрания актов Каффы 1281–1290 гг., 1343–1344 гг., 1371, 1379, 1389 гг. и др.; Пера – 1281 г. и др.)[7] Западноевропейские исследователи в своих работах вводят в научный оборот новый круг выявленных ими источников (таможенных записей, массариев Генуи и Каффы, консульских реляций и т. д.) в Генуэзском государственном архиве, архиве Сегрето, архиве Банка св. Георгия и других хранилищах этих ценнейших памятников. Автор использовал эти источники опосредованно из зарубежных публикаций.

Важной основой для локализации, изучения топонимики и специализации генуэзских факторий в Восточном Причерноморье, отчасти для периодизации вопроса, служат итальянские географические карты типа mappaemundi, морские карты и портоланы, которые уже с середины XIII в. дают весьма подробные географические, до известной степени этнографические и торгово-экономические описания Кавказского побережья.

Эти настоящие произведения искусства средневековых картографов, особенно портоланы, служили ценными навигационными пособиями для генуэзских мореходов, порой с подробностями фиксировали не только рельеф береговой полосы Кавказа, но и давали вполне точные названия местности, рек, бухт, населенных пунктов и т. д. В ряде случаев портоланы содержат даже

[7] Caffa Massaria, 1281–1290; 1343–1344, 1371, 1374, etc.; Peire Massaria, 1281, 1390, etc.

пометки о наиболее распространенном в той или иной местности товаре, сырье для вывоза. Образцом может служить карта начала XIV в., изготовленная в картографической мастерской генуэзца Пьетро Висконти. Портоланы, использовавшиеся как современные лоции, содержат сведения об условиях навигации – расстоянии между портами, удобных для стоянки в заливах и бухтах, реже – направлении господствующих ветров и указания относительно безопасности плавания.

Наиболее полные собрания итальянских карт XIII–XV вв. представлены во французских изданиях де Сантарема, М. Жомара, Ж. Марселя[8] и особенно в венецианском «Собрании географических и навигационных карт XIII–XVI вв.»[9].

Сохранившиеся в Северном и Восточном Причерноморье памятники архитектуры и археологический материал позволяют подтвердить географический ареал, очаги и сам ход генуэзской экспансии.

Историко-методологические основы исследования периода феодализма в данных регионах – Западной Европе и на Востоке, различные хозяйственно-культурные типы жизнедеятельности феодальных обществ, в том числе в Черноморье и на Кавказе, международные экономические и политические связи средневековья обоснованы и раскрыты в монографиях и обобщающих статьях ученых Н.А. Бердзенишвили, В.Н. Габашвили, И.А. Джавахишвили, С.П. Карпова, Г.А. Меликишвили, А.П. Новосельцева и др. (См., например: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии, VI. – Тбилиси, 1973; Габашвили В. Торговля пленными в средневековой Европе. – «Мацне», Тбилиси, 1983, № 4 (на грузинском языке); Джавахишвили И.А. История гру-

[8] Santarem, Viconte de. Ftlas compose` de mappemondes et de cartes hidrographiques et historicues de`puis XI-e jusqu`au XVII sie`cle, Paris, 1842; Jomar M. Les monumente de la geogrphie. Parigi, 1886; Marcel G. Choix de cartes et de mappamondes des XIV-e et de XV – e sie`cles, Paris, 1896.

[9] Raccolta di Mappamundi e carte nautiche del XIII el XVI secolo. Venezia, 1881.

зинского народа. Кн. III, ч. I, II. – Тбилиси, 1982; Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. – М., 1981; Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тбилиси, 1973; Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. – М., 1980 и др.) Современный уровень постановки и разработки проблем истории в сочетании с вводом в научный оборот новых материалов позволили авторам дать подлинно научное обоснование событий и явлений, имеющих прямое отношение к предмету нашего исследования. Тем не менее проблема идентификации феодальных отношений в конкретно-исторических условиях Западного Кавказа XIII–XV вв., развития экономической базы этого региона под влиянием внешнего фактора еще не полностью решена в нашей науке.

Истории народов Кавказа периода феодализма, характеру международных связей Черноморья со странами Западной Европы, торговой активности Лигурии в этом регионе в XIII–XV вв. посвящен ряд научных трудов медиевистов. В работах авторов дореволюционного периода Ф.К. Бруна, М. Волкова, М.М. Ковалевского, Л. Колли, И.В. Лучицкого, Н. Мурзакевича и др.[10] представлены интересные выводы о локализации генуэзских поселений на Черном море и атрибуции их названий, богатый фактический материал и комментарии к источникам, систематизированы и даны толкования ряда исторических событий. Плодотворно работали и работают в этой области советские и современные ученые Г.А. Амичба, И.П. Антелава, З.В. Анчабадзе, В.В. Бадян, Т. Берадзе, Ю.Н. Воронов, И.А. Гольдшмидт, Э.В.

[10] См., например: Брун Ф. Черноморье I-II. – Одесса, 1879; его же, Восточный берег Черного моря по древним периплам и компасным картам. – ЗООИД, т. 9, Одесса, 1875; Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV–XV вв. – Киев, 1886; Колли Л. Каффа в период владения Банком св. Георгия. – ИТУАК, 1912, т. 47; Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. – Одесса, 1837 и др.

Данилова, Е.С. Зевакин, Н.А. Пенчко, И.Г. Коновалова, Э.М. Мамиствалашвили, Е.Ч. Скржинская, М.К. Старокадомская, А.М. Чиперис, С.А. Чурсина и др.[11]

[11] *Амичба Г.А.* Сведения средневековых нарративных источников об Абхазском царстве и Абхазском княжестве. Автореф. дисс. к.и.н. – Тбилиси, 1969; *Антелава И.П.* Вопросы социально-политической истории Грузии XI–XV вв. – Тбилиси, 1969; *Бадян В.В.* Генуэзская феодальная колонизация Северного Причерноморья в историографии дореформенной России. – Вопросы истории народов СССР, вып. 6. –Харьков, 1969 (на укр. яз.); его же. Генуэзская феодальная колонизация Северного Причерноморья в русской историографии капиталистического периода (1861–1917). – Вестник Харьковского университета, 1970, № 45 (на укр. яз.); его же. Советская историография генуэзской колонизации Северного Причерноморья в XIII–XV вв.– Вестник Харьковского университета, 1967, №22 (на укр. яз.); *Бадян В.В., Чиперис А.М.* Торговля Каффы в XIII–XV вв./Феодальная Таврика. – Киев, 1974; *Берадзе Т.* Из истории морской торговли в Грузии в XIII–XV вв. –"Мацне", Тбилиси, 1983, 2; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980; *Гольдшмидт И.А.* Каффа-генуэзская колония в Крыму в конце XIII –первой половине XV в. Автореф.дисс. к.и.н.,– М.,1952; *Данилова Э.В.* Каффа в начале второй половины XV в. (по документам Codice)/ Феодальная Таврика. – Киев, 1974; *Зевакин Е.С.* и *Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. – "Исторические записки", 1938, № 3; *Коновалова И.Г.* Итальянские навигационные пособия XIII-XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья /Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. – М., 1983; *Мамиствалишвили Э.М.* Сведения итальянских путешественников о Грузии. – Тбилиси, 1981; *Скржинская Е.Ч.* Генуэзцы в Константинополе в XIV в. – "Византийский временник", 1947, № 1; *Старокадомская М.К.* Очерки по социальной экономической истории генуэзской Каффы конца XIII – первой половины XV в. Автореф. дисс. к.и.н. – М., 1950; *Чиперис А.М.* К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья. Вторая половина XIII в. – УЗ ТГУ, вып. 27, сер. истор.наук. – Ашхабад,1964; *Чиперис А.М.* Социально-экономическое положение и движение моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV–XV вв. – УЗ КЕМ, Нальчик, 1956; *Чурсина С.А.* Акты генуэзских нотариусов как источники для изучения средневековой торговли. – УЗ ЯГПИ, 1970, вып. 76; Генуэзская торговля сукном в XIII – начале XIV веков (По записям генуэзских нотариусов). – Средневековый город. Саратов, 1981, вып. 6.

Публикации медиевистов в своей совокупности дают достаточно полную и богатую картину социально-экономической и политической истории присутствия Генуи на Черном море, ее взаимоотношений с местными народами.

Однако в трудах отечественных медиевистов, посвященных исследованию характеристик итальянских сеттльментов в Причерноморье, сравнительно небольшое внимание уделяется проблематике генуэзской активности на Западном Кавказе. Основным предметом изучения являются такие крупные опорные пункты «латинян» на Черном море как Каффа, Пера и Хиос. Научный интерес к этим городам во многом объясняется и наличием содержательных собраний источников. Только в разделах книг З.В. Анчабадзе и статье Е.С. Зевакина и Н.А. Пенчко, опубликованной в 1938 г., нашли свое освещение некоторые вопросы, касающиеся генуэзских факторий на Западном Кавказе.

Отдельную группу отечественных научных трудов составляют исследования по археологии, этнографии, нумизматике Западного Кавказа XIII–XV вв., в которых содержатся важные сведения о памятниках материальной культуры эпохи контактов этого региона с Генуей[12].

---

[12] Абрамишвили Т.Я. Западногрузинские монеты XIII–XV вв. (Кирманеули). – Тбилиси, 1959; Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии XIII–XIV вв. – Сухуми, 1977; его же. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н.э. – XV в. н.э.). – Тбилиси, 1983; Голенко К.В. Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957–1958 гг. – ВВ, т. 24; Джалагония И.Л. Монетное дело и денежное обращение Грузии V–XV вв. (по нумизм. данн.). Автореф. дисс. д.и.н. – М., 1981; *Дундуа Г.Ф.* Монетное обращение и торгово-экономические связи Грузии XV века (историко-нумизматический очерк). Автореф. дисс. к.и.н. – Тбилиси, 1965; Капанадзе Д.Г. Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1953–1959 гг. – ВДИ, 1966, № 4: Кебуладзе Р.В. Обращение европейских монет в Грузии. Автореф. дисс. к.и.н. – Тбилиси, 1966; Леквинадзе В.А. Оборонительные сооружения Себастополиса. – Сов. археология, 1966, № 1. *Леквинадзе В.А.* Монументальные сооружения Лазики. Автореф. дисс. к.и.н. – Тбилиси, 1962;

Ценный фактический материал, содержательные выводы и результаты исследований о Генуэзской морской республике и Черноморском бассейне в XIII–XV вв. имеются в трудах зарубежных ученых.

Из ряда работ об организации общественно-политической и экономической жизнедеятельности Генуи необходимо выделить книги известного историка К. Эера[13]. Общеизвестны и стали классическими труды В. Гейда о международной торговле в средние века[14] и румынского историка Г.И. Брэтиану, особенно его комментарии к нотариальным регистрам[15].

Высоким научным уровнем, огромным объемом проделанной источниковедческой работы, тщательным подбором, систематизацией фактов и исторических документов отмечены труды итальянских авторов Г. Айральди, Дж. Муссо, Дж. Пистарино, В. Полонио[16].

Богатый фактический и аналитический материал, ряд интересных теоретических положений предложены в фундаментальной двухтомной монографии видного ученого М. Балара «Генуэзская Романия в XII – начале XV вв.»[17]. Новаторский и

Рогава Г.В. К происхождению некоторых географических названий в Западной Грузии. – Труды ТГУ. 1960. Т. 93.

[13] Httrs J. Gene`s au XV-e sie`cle. Activite` `economique et proble`mes sociaux. Paris, 1961 etc.

[14] Heid W. Histoire du commerce du Levant au moyen age. Leipzig, 1885-1886, vol. I-II.

[15] Bra`tiany G.I. Actes des notaires ge`nois de Pera et de Caffa de la fin du troizie`me siecle (1281–1290). Bucuresti, 1927; Recherches sur le commerce ge`nois dans la Mer Noire au XIII siecle. Paris, 1929, etc.

[16] Musso G.G. Navigazione e commercio genowese con il Levante nei documenti dell`Archivio di Stato di Genova (secc. XIV-XV). Roma, 1975; Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. – Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponno (1360–1361), Ge`nova 1971; Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l`Oltremare. Genova, 1974; Polonio V. L`amministrazione della Respublica genovese fra Tre e Quattroce. L`arcyivio "Antico Commune". Genova, 1977, ect.

[17] Balard M. La Romanie ge`noise (XII-e – de`but du XV-e siecle), I-II. Rome, Genova, 1978.

комплексный подход профессора Балара к предмету исследования сделали этот и другие его труды весьма ценными для историков, специализирующихся на изучении деятельности Лигурии в средние века на заморских территориях.

Из зарубежных монографий и статей по проблемам работорговли в период феодализма привлекает внимание убедительный и глубокий анализ вопроса в динамике, данный в трудах авторитетных историков француза Ш. Верлиндена[18] и итальянца Дж. Балби[19]. Ценный с точки зрения исследования института рабства в самой средневековой Италии материал обобщен и прокомментирован в фундированной монографии Д. Джоффре, где основное внимание уделяется проблемам рекрутирования рабов, их этническому происхождению, конъюнктуре невольничьего рынка в Генуе XV в.[20]

Развитие историографической базы проблематики, имеющей отношение к настоящей работе, прямо связано с вводом в научный оборот и осмыслением новых исторических документов. Упомянутые исследователи проделали огромную работу в архивах, издали и прокомментировали целый ряд собраний дипломатических, нотариальных и других источников, сгруппировали и классифицировали их по отдельным вопросам. Однако зарубежные ученые, в частности М. Балар и Д. Джоффре, отмечают малое количество исторических данных по деятельности Генуи на Западном Кавказе и обращаются к этому вопросу лишь эпизодически. В зарубежной науке вне конкретного рассмотрения остались структура, динамика и формы взаимоотношений Генуи с народами Западного Кавказа, в том числе торговля невольниками кавказского происхождения.

Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe megie`vale, t.2, Gent, 1977, etc.

[18] Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe megie`vale, t.2, Gent, 1977, etc.

[19] Balbi G. Notai genovesi in Oltrevare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (see XIV0, Ge`nes, 1973; La schiavitu e Genova fra secoli XIIe XIII. – Me`langes offerts a` Rene` Crozet, 1966.

[20] Gioffre D. Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Gtnova, 1971.

В зарубежной исторической литературе преобладают тезисы о ненасильственном, «абсолютно благотворном» для местного населения характере генуэзской деятельности на берегах Черного моря, о ее кардинальном значении для всего последующего развития региона. История торговли итальянцами местным живым товаром преимущественно подается лишенной не только какой-либо этический, но и научной оценки ее влияния на социальные судьбы этих земель. Историки дают в основном идеализированную или внешне объективистскую трактовку экспансионистской деятельности Генуи на заморских территориях, часто ограничиваясь пассивной регистрацией фактов, событий, процессов. Исследователи работоргового промысла этой республики (Д. Джоффре, Ш. Верлинден) в принципе уклоняются от каких-либо выводов о его негативных последствиях для колонизированных районов. Историографы констатируют позитивные элементы насильственного включения в международный торговый обмен материальных ресурсов Черноморья, воздействия Генуи на общественно-экономическую жизнь населения причерноморских земель (М. Балар) или кратко останавливаются на социальном и моральном аспектах работорговли (Дж. Балби). Абсолютизируя все положительное в колониалистской практике средневековой Генуи, ее представляют прообразом многих внешнеполитических и внешнеэкономических тенденций современного капитализма (Ж. Эер). Зарубежная историография, по сути, отражает только одну сторону исторической действительности, что в итоге приводит к неоправданной диспропорции в исследовании взаимодействия культур Запада и Востока в пользу Запада. Редко встречается объективная оценка негативных аспектов эксплуатации Генуей народов и природных богатств Черноморского региона для развития их хозяйственной базы. Они указывают на положительное значение работорговли для коммерческого баланса, накопления капитала в самой Генуе (Ж. Эер, Д. Джоффре), однако за рамками их исследований

остаются экономика, социальные и этнические судьбы народов – непосредственных жертв работорговли.

В свою очередь, советские историки концентрировали свое внимание на влиянии торговли «пленными», на социально-этническом становлении народностей Западного Кавказа, рассматривали политические причины и последствия работоргового промысла (В.Н. Габашвили). Опираясь на марксистско-ленинскую методологию исторических исследований, историки советского периода строили свои работы более комплексно, с учетом двух вступивших в международный обмен и отношения сторон (Э.В. Данилова, М.К. Старокадомская, А.М. Чиперис и др.). Особое внимание они обращали на историко-политические причины, которые облегчили генуэзцам проникновение в прибрежные области Черноморья, в частности, на Западный Кавказ (Н.А. Бердзенишвили, И.А. Джавахишвили, Г.А. Меликишвили и др.), в отличие от зарубежных авторов, приписывавших сравнительную «легкость» этого процесса исключительно экономическому и политическому могуществу средневековой Генуи. Тем не менее в некоторых работах дореволюционных русских историков и исследователей периода 20-х–50-х годов XX в. встречаются не всегда обоснованные заключения об абсолютно негативной роли генуэзского купечества в Северном и Восточном Причерноморье, не прослежен процесс взаимоотношений Генуи с местными народами в необходимой диалектической взаимосвязи, то есть с учетом и его положительных аспектов.

Таким образом, историография вопроса обусловила предмет исследования данной работы – проблемы эксплуатации со стороны средневековой Генуи материальных и людских ресурсов Черноморского побережья Кавказа, позитивные и негативные стороны экономического и культурного воздействия итальянской республики на историю народов этого региона. В работе рассматриваются общие и специфические вопросы деятельно-

сти генуэзского купечества на Западном Кавказе в XIII–XV вв., прослеживаются структура и динамика коммерции, типология политических и социокультурных связей с местным населением, в том числе на базе археологического материала.

Цели настоящей работы: а) уяснить ряд коренных проблем, связанных с внедрением и деятельностью иностранного, в нашем случае генуэзского, предпринимательства у берегов Кавказа и роль итальянцев в развитии этого региона; б) комплексно изучить в развитии характер и специфику социально-экономических и политических взаимоотношений народностей, населявших Восточное Причерноморье, с Генуэзской морской республикой; в) дать периодизацию истории итальянских торговых факторий, рассмотреть их размещение, специализацию и типологию; г) исследовать систему, динамику и структуру итальянского предпринимательства, в том числе торговлю невольниками кавказского происхождения; д) с помощью данных археологических изысканий подтвердить характер и формы торгового обмена Генуи с местными народами.

Два с половиной столетия существования итальянских факторий в Восточном Причерноморье условно распадаются на четыре неравных по времени, но обусловленных исторически основных периода: I) 30-е – начало 60-х годов XIII в. — ознакомление, первичная инфильтрация генуэзского торгового капитала в исследуемый регион; II) 1261 г. – 30-е годы XIV в. — экономическое и институциональное закрепление генуэзцев; III) 40-е годы XIV в. – середина 50-х годов XV в. — интенсивная эксплуатация со стороны Генуи ресурсов региона; IV) с середины XV в. до 1475 г. — время упадка, свертывания экономических связей Генуи и Кавказа.

Выделенные нами периоды в истории реализации Генуей своих интересов на западнокавказских землях в целом хронологически совпадают с периодизацией итальянской работорговли в этом регионе.

Ареал исследования определен фактическими данными по локализации генуэзских факторий. Он ограничен на северо-западном побережье Большого Кавказа поселением Мапа (Анапа), на юге региона – Ло Вати (Батуми), а также ближними нагорными районами. Ключевыми генуэзскими сеттльментами и крупными торговыми центрами являлись Мапа, Савастополис (Сухум), Фазо Фасция (Поти) и Ло Вати (Батуми). В XIII–XV вв. по этим землям расселялись народности, в основном принадлежавшие к абхазо-адыгской этнической группе (на севере региона – черкесы (или зихи), далее абазины и собственно абхазы (самый распространенный этнос) и южные соседи абхазов – мегрелы).

Комплексный анализ собранных в работе исторических сведений позволил уточнить или пересмотреть ряд существующих в отечественной и зарубежной литературе традиционных точек зрения о генуэзской деятельности на Западном Кавказе.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНУЭЗСКОЙ МОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII–XV вв.

§ 1. Западный Кавказ и некоторые проблемы влияния Генуи на его развитие

История реализации экономических интересов генуэзских предпринимателей на западнокавказских землях в XIII–XV вв., а также попытки правительства Коммуны укрепить свой политический престиж в этом регионе – двухвековой опыт экспансии, осуществленный семь столетий назад.

В XIII–XV вв. экономическая жизнь Генуи, в том числе в ее внешнеэкономическом аспекте, в некоторых отношениях имела современный (капиталистический) характер, а методы и принципы действия генуэзских коммерсантов опередили свою эпоху. В их направляемой и контролируемой государством политике на зависимых в той или иной степени землях, находящихся далеко за пределами Лигурии, угадывается ряд характерных черт нынешнего экономического и политического экспансионизма, проступает методика полуколониального подчинения. «...Способ грабежа опять-таки определяется способом производства», – писал К. Маркс[21]. Население западнокавказских территорий использовалось генуэзцами как *пастушеские народы*.

Методы колонизации со стороны Лигурии Черноморского побережья Кавказа были обусловлены политической и экономической ситуацией XIII–XV вв. в этом регионе.

Именно исторические условия и характер экономики народов Западного Кавказа определили специфику эксплуатации местных ресурсов со стороны итальянских негоциантов и их стратегию.

[21] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С.724.

После монгольского нашествия по сути дела начал оформляться распад единой абхазо-картлийской монархии из-за стремления крупных феодалов к партикуляризму – возможно большей независимости своих сеньорий от центра, неприкосновенности своих локальных прав. Центробежные тенденции были обусловлены укреплением экономического могущества и политического влияния отдельных феодальных кланов при определенном торможении естественно-исторического процесса развития народа, истощенного бесконечными поборами и войнами.

Феодалы управляли своими провинциями почти в полном объеме этого понятия. Они осуществляли свою власть в административной, военной, финансовой и юридической областях, ведали вопросами внешней политики, то есть фактически добились иммунитета своих владений.

Несмотря на унитарные усилия Георгия Блистательного (1314–1346), предпринятые им во второй четверти XIV в., все столетие в целом отмечено дальнейшим расширением суверенитета боровшихся не только с центральной властью, но и между собой княжеств – их владетели фактически превратились в «государей». Некоторые исследователи считают, что образование отдельных владетельных «уездных» сеньорий, знаменовавшее победу феодальной раздробленности, было следствием экономического упадка Грузии, вызванного непрерывными внешними нашествиями[22].

Особого могущества в это время добилось мегрельское княжество во главе с родом Чиковани (Дадиани). Расширив свои границы, они правили на значительной территории, прилегающей к Черному морю. Военно-политические усилия абхазских князей Шервашидзе (Чачба) особого успеха не имели, и Цхумское эриставство – значительная часть Абхазии с центром в Са-

[22] Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. – Тбилиси, 1973. Т. 6. С. 18.

вастополисе – в 1330 году по решению царя Георгия Блистательного было закреплено за Дадиани[23]. Для нашего исследования существенно то, что в конце XIII – начале XIV вв. феодалы Западного Кавказа стремились и к самостоятельной внешней политике. Очевидно, что в борьбе за свою автономию (особенно с учетом объединительных усилий Георгия Блистательного) крупные западногрузинские и абхазские феодалы возлагали большие надежды на свои внешнеполитические связи. Они искали сильных, влиятельных, а главное, богатых союзников не столько на востоке, сколько на западе.

Сепаратистские устремления западнокавказских феодалов, к тому же в начале XIV в. избавившихся от опеки монголов, были, вероятно, отмечены генуэзской дипломатией, охотно двинувшейся им навстречу и по сути дела экономически поддержавшей их партикуляризм. Центральной власти, даже умному политику Георгию Блистательному, явно не хватило сил навязать лигурийцам свои, более выгодные условия экономического «сотрудничества». Неизвестно, что именно послужило основной причиной «ослабленного» внимания грузинских царей к проникновению Генуи на Западный Кавказ и что заставило их пойти на столь невыгодные условия «партнерства» или по крайней мере не воспрепятствовать силой генуэзской экспансии. Видимо, здесь действовал целый комплекс причин, внешних и внутренних обстоятельств, среди которых монгольское владычество, постоянные междоусобицы, явное нежелание нажить нового могущественного и влиятельного противника в лице Генуи и, наоборот, поиск сильного союзника, к тому же поддержанного Византией и т. д. Особую роль сыграл экономический фактор, в том числе слабость хозяйственного базиса этого региона из-за внешних нашествий и междоусобиц. О напряженной внутриполитической обстановке, частых межфеодальних столкновениях на Западном Кавказе в начале XIV в. свидетельству-

[23] См.: Вахушти. История Грузии. – Тбилиси, 1885. Т. I. С. 278.

ют грузинские нарративные источники, в частности известные под общим названием «Ахали Картлис Цховреба» («Новая история Грузии»)[24].

Если в XI–XII вв. государство абхазов и картлийцев выходило из внутриполитических кризисов за счет внешних войн, захваченное в ходе которых имущество являлось для знати значительным источником дохода, то с XIII в. страна была вынуждена в основном обороняться, теряя при этом земли и, следовательно, доходы. Феодальная знать утрачивала интерес к централизующей власти, которая не могла больше стимулировать их верность распределением новых земель и военной добычи[25]. Внешнеполитическое давление со стороны монголов и, в меньшей степени, Генуи способствовало ускорению процесса выделения некоторых сеньорий. Нужно отметить, что феодальная раздробленность для данной эпохи и региона была закономерным процессом развития общества, в котором росли производительные силы. Крепостническая эксплуатация влияла на рост производительности труда, расширялся товарообмен (как внутри сеньорий, так и между ними), а также развивались внешние экономические связи княжеств.

Закреплению генуэзцев на берегах Кавказа, весьма успешному осуществлению здесь их коммерческой деятельности в значительной мере способствовало и то, что дипломатия Восточной Грузии того периода была повернута на Восток, сконцентрирована на решении сложных и острых, постоянно чреватых тяжкими военными конфликтами, отношениях с монголами и другими захватчиками. Западным же княжествам удалось пере-

---

[24] См. Амичба Г.А. Сведения средневековых грузинских нарративных источников об Абхазском царстве и Абхазском княжестве. Автореф. дисс. к.и.н. – Тбилиси, 1969. С.. 5.

[25] См. Антелава И.П. Распад единой монархии и проблема периодизации истории средневековой Грузии // Мацне. 1978. № 2. С. 169.

ориентироваться и принять навязывавшееся им Генуей «союзничество» и партнерство.

Кратко рассмотрим теперь внешнеполитическую ситуацию, в контексте которой Генуэзская морская республика реализовала свою экспансию на побережье Кавказа.

XIII–XV вв. – время интенсивного развития предпринимательской деятельности Генуи, целых два столетия практически осуществлявшей монополию на торговлю в Черноморском бассейне. Ее основные конкуренты – Венеция и Трапезунд – были существенно ограничены в своих политических правах и внешнеэкономических связях.

С X в. и до середины XIII в. Черное море считалось вотчиной византийских императоров. Впервые право на свободную навигацию по Черному морю Генуя получила от базилевсов в 1169 г.[26] Полученные навигационные привилегии генуэзцы толковали как разрешение закрепляться на берегах, создавать опорные торговые пункты. Утверждению генуэзского купечества на берегах Черного моря благоприятствовал ряд факторов – политические уступки, сделанные Коммуне Византией, торговые и отчасти военные завоевания[27].

Для нас значим тот факт, что после крупного наступления монголов в 1236–1243 гг. византийское господство над Понтом сменилось на десятилетие (50-е годы) татарским.

В свою очередь, *монгольский мир* и сам процесс фрагментации монгольской империи создали предпосылки для того, чтобы регион Черного моря вновь взял на себя функции связующего звена в торговле Восток – Запад.

---

[26] См.: Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. С. 30. Оно неоднократно подтверждалось в 1218 г., 1228-1232, 1238, 1251 гг./Bra'tiani G. R'echerches sur le commerce g'enois dans la Mer Noi au XIII siec'le, Paris, 1929. P. 79–80.

[27] Balard M. Romanie g'enoise, vol. I, p. 105.

После Нимфейского договора 1261 г. между Византией и Генуей, который М. Балар справедливо назвал «гениальным поворотом событий» в истории средневековья, генуэзцы добились на Черном море преимуществ и отчетливо выраженного экономического господства: они в большинстве районов взимали таможенные налоги, контролировали процесс торгового обмена на побережье, основали центр заморской торговли – Каффу, другие центральные и периферийные сеттльменты, распоряжались автономными кварталами в основных городах Византии и при этом фактически уклонялись от строгого выполнения перед ней своих военных обязанностей, которые были предусмотрены соглашением в Нимфее.

Эксплуатация черноморских регионов со стороны Генуи интенсивно начала развиваться в период царствования в Византии Андроника II (1282–1328 гг.), который полностью покровительствовал её экспансии. В последующее десятилетие (1328–1341 гг.) Коммуна Генуи буквально разрывалась борьбой между гвельфами и гибеллинами, позднее ей угрожали военной силой каталонцы. До прихода к власти в 1339 г. народного дожа Симона Бокканегра, метрополия вынуждена была устраниться от контроля над политикой консулов и коммерсантов в Северном и Восточном Причерноморье, фактически отдав ее на откуп последним. С 1339 г. более стабильные правительства в Генуе придали новый импульс развитию связей с Востоком. Они весьма четко и дипломатично действовали на разные фронты, но все время под знаком военной и экономической конкуренции с Венецией. Экономическому и политическому процветанию Генуи в бассейне Черного моря в известной мере благоприятствовали ее неплохие, за исключением нескольких сравнительно кратких периодов, отношения с ханством. Показательно, что в 1369 г. венецианцы платили налог татаро-монголам в 60 % стоимости товаров, в то время как генуэзцы отдавали только 3 % скорее символической дани[28].

[28] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 36.

Тем не менее соперничество Генуи и Венеции за господство над черноморскими рынками, хотя и принявшее гораздо менее острый характер, продолжалось до конца XIV в. С 1397 г. Генуя перешла под юрисдикцию короля Франции. Ее черноморская политика, в духе крестовых походов, стала еще более прагматической и жесткой, – первая половина XV в. знаменовала новый подъем генуэзской торговли в исследуемом регионе.

Таков лаконичный исторический контекст, в котором происходило экономическое и политическое утверждение Генуи в Черноморском бассейне, развитие ее отношений с местными народами. Эксплуатация ресурсов прибрежных областей Черного моря явилась базисом экономического могущества Лигурии в средние века.

Во многом за счет высочайшей активности в международной торговле «генуэзская экономика уже в XV в. является примером всех форм, характерных для современного капитализма»[29], в том числе с точки зрения структуры, что сближает её внешнеэкономическую деятельность с экспансионистской практикой капитализма и позволяет выявить между ними известные аналогии. Ее финансовая техника далеко опередила свою эпоху: уже до середины XV в. в Генуе имели хождение бумажные деньги, банковские чеки, функционировали биржи, использовавшие обменные курсы валют. Рынок движимых ценностей был чрезвычайно активен (государственная или общественная рента, существование различных частных обществ, в том числе специализировавшихся на торговле с народами, населявшими побережье Черного моря) и организован в соответствии со строгими правилами. Отмечено широкое развитие системы кредитования, а быстрое обращение капитала имело огромное значение для жизни города.

В сфере внешней политики генуэзцы прежде всего стремились к упрочению автономии или даже экстерриториальности

[29] Heers J. Ge'nes au XV-e siec'le. Activite' 'economique et probl'emes sociaux. Paris, 1962, p. 339.

своих сеттльментов на Черном море, в том числе на Западном Кавказе, по отношению к властям «страны пребывания». При этом они гибко использовали внутриполитическую конъюнктуру интересовавших их районов, межфеодальные разногласия и распри (преимущественно без военного вмешательства в конфликт), трудности локальной экономики, социальные противоречия и т. д. В результате лигурийское купечество добивалось существенных торговых привилегий, реже – территориальных уступок. Экономическое «партнерство» западнокавказских феодалов с генуэзскими негоциантами, осуществлявшееся на началах, которые были далеки от равноправия, фактически содействовало усилению дипломатических связей этого района с Западной Европой, что, как указывалось, было выгодным крупным феодалам Западного Кавказа, испытывавшим сильное монгольское давление. Таким образом, Генуя с историческим ослаблением Византии сначала экономическим и, почти параллельно, политическим путем постаралась заполнить торговый вакуум в Северном и Восточном Причерноморье. Допустимо предположение, что в глазах местных феодалов Лигурийская морская республика с середины XIII в. выступила в роли своеобразного политического и экономического представителя Византии. На нее, образно говоря, упал отблеск былого величия Византийской империи, пользовавшейся в этом районе особым историческим престижем.

В реляциях итальянских путешественников XIV–XV вв., на которые часто ссылаются исследователи, неоднократно отмечалось, что генуэзцев привлекали на берега Кавказа две главные причины: во-первых, прозелитизм, то есть стремление обратить возможно большее число местных жителей в католицизм, и во-вторых, торговля с богатым Востоком[30]. И если прозелитистская деятельность итальянцев в целом имела довольно скромные результаты, то в экономическом смысле Генуя добилась многого.

[30] См. в частности: «Кавказ». 1867. № 4. С. 25.

Одной из причин ограниченного распространения католицизма в Восточном Причерноморье была энергичная и самостоятельная деятельность абхазского католикосата как проводника идеи православного христианства. Он всячески укреплял свои позиции, развивал систему своих церквей и монастырей, всеми силами сопротивляясь наступлению католических миссионеров. Таким образом, по этим и другим причинам на Западном Кавказе не произошло расширения прав папства.

Экономически «просвещенная» Генуя для эксплуатации людских и материальных ресурсов прибрежных областей Понта фактически применяла принципы, которые, если опираться на современную терминологию, можно обозначить как полуколониальные. Это соответствует специфике экспансионистской деятельности Лигурийской морской республики в Восточном Причерноморье, где генуэзские сеттльменты и фактории были созданы на землях зихских правителей, абхазских и мегрельских сеньорий и не пользовались ни прочной экстерриториальностью в широком смысле этого понятия, ни реальной политической автономией.

Если граждане Генуи считались неподсудными для властей Западного Кавказа и были освобождены от местных повинностей и налогов, то неприкосновенность их личности и жилища была весьма условной и во многом зависела от настроений местных сеньоров.

Коммуна Генуи (со специализированными учреждениями типа Оффициума св. Антония, контролировавшего весь работорговый промысел, Оффициума Романии, наблюдавшего за торговлей с Черноморским регионом, Оффициума виктуалиум, монополизировавшего торговлю зерновыми, устанавливавшего оптовые закупочные цены и имевшего представителей на местах) выступала в известной степени как аналог современной монополии, как своего рода *пра-монополия*, осуществлявшая (естественно, в зачаточных формах) экономическую (вывоз ка-

питала и т. д.) и внеэкономическую экспансию (захват земель под угрозой применения силы и т. д.) на побережье Западного Кавказа. С XIV в., указывал К. Маркс, в Генуе существовали даже кредитные ассоциации для избавления от господства над колониальным оборотом отдельных крупных ростовщиков[31]. Еще больше аналогий с деятельностью современной транснациональной корпорации можно усмотреть в функциональной активности финансового гиганта средневековья, знаменитого генуэзского Банка св. Георгия, монопольно эксплуатировавшего в сговоре и с опорой на привилегии, данные ему местными феодалами, с 1453 г. причерноморские поселения и народы и явно извлекавшего повышенную норму прибыли на пущенный в оборот капитал. Эти земли достались Банку св. Георгия весьма поздно, непосредственно перед их оккупацией османами, поэтому банку, очевидно, не удалось в полной мере провести там присущую ему типично колониальную политику. Банк фактически только приступил к интенсивной эксплуатации Кавказского побережья, как этот процесс был прерван турками. Тем не менее исследователями исторически признана коммерческая ловкость и расчетливость хозяев Банка св. Георгия, поэтому мы вполне можем предположить, что это предприятие – эксплуатация материальных и людских ресурсов Кавказского побережья – было для банка безусловно выгодным начинанием.

Исследования французского ученого Е. Эера еще раз подтвердили, что Генуя была обязана своими богатствами посреднической торговле между Востоком и городами Фландрии, Франции и Англии[32].

В отличие от практики Венеции, коммерческо-предпринимательская активность коммуны Генуи не сопровождалась ни сильным латинским проникновением, ни сельскохозяйственной колонизацией заморских территорий. Генуя, как показывают

[31] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 151.

[32] Heers J. Op. cit., p. 259.

исторические документы, не рассматривала причерноморские поселения на Кавказе как центры для широкомасштабного переселения своих сограждан или рассчитанной на века эксплуатации местных ресурсов[33]. Генуэзцев, даже если они и занимали плодородные земли на побережье, в принципе не интересовало ни участие в производстве местных продуктов питания, то есть развитие агропродовольственных отраслей хозяйства, ни экстенсивное социальное развитие своих сеттльментов. Фактически не шла речь и об установлении полной политической зависимости западнокавказских земель от Генуи.

Опять же, используя современные представления, мы можем уподобить политическую организацию западнокавказских земель в период «пика» генуэзской экспансии своего рода кондоминату, где осуществлялось совместное господство местными сеньорами и представителями Коммуны.

Реализация экономических интересов республики в целом и ее граждан в частности были основными практическими задачами Генуи. Следовательно, активность Коммуны на побережье Кавказа носила скорее экспансионистский, чем колониальный характер в современном смысле этих понятий. Фактический отказ Генуи от полной колонизации черноморских земель отмечает и М. Балар[34]. Тем более не могла идти речь о военной оккупации западнокавказских земель, которая сама по себе подразумевает фронтальное столкновение двух народов, двух государств.

Ж. Эер в монографии «Генуя в XV веке: среднеземноморская цивилизация, крупный капитализм, «народный капитализм»», отметил, что «присутствие значительных и активных итальянских колоний (на Востоке – Авт.) явилось настоящим стимулом для развития этих регионов», но колонизация носила преимущественно торговый и спекулятивный характер[35].

---

[33] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 701.

[34] Idem., p. 887.

[35] Op. cit., p. 259.

Используя термин «спекулятивный», в данном случае французский ученый подразумевает «рассчитанный на скорую и легкую наживу», быстрый оборот вложенных в товар капиталов.

Именно финансовое могущество было основой господства находившихся в абсолютном этническом меньшинстве официальных служащих центральной администрации, генуэзских купцов, других поселенцев латинского происхождения. Со второй половины XIV в. отмечены достаточно развитые для того времени инвестиции лигурийцев в локальную экономику. Таким образом, называть Геную метрополией в отношении земель Западного Кавказа можно лишь условно.

Генуэзцы ориентировались прежде всего на укрепление торговых связей с местными феодалами, постоянно стремились к монополии на кавказские рынки сбыта и вывоза продукции. Сельскохозяйственное и другое сырье лигурийское купечество рассматривало в основном как поддающуюся коммерциализации продукцию. Коммерсанты экспортировали из кавказского Причерноморья так называемые излишки (по сути дела отнятые местными феодалами у народа), однако они и изыскивали дополнительные ресурсы, когда количество или ассортимент, например, сырья, продовольствия, годного для продажи в Западной Европе или в Средиземноморье, были недостаточными. Продукты моря интересовали купцов также исключительно на стадии продажи.

Процессы укрепления экономических позиций Лигурии на Кавказском побережье, изменения структуры экспортно-импортных операций, естественно, обусловили перемены в облике генуэзского коммерсанта. Из купца-морехода, путешественника, вложившего, по всей вероятности, все свое состояние в корабельный или караванный груз, фрахт судна, то есть в одну, редко в несколько торговых сделок, генуэзцы на протяжении двух столетий превратились в предпринимателей, обладавших недвижимостью, иногда даже взимавших земельную ренту или

пытавшихся непосредственно эксплуатировать труд местного населения. Торговля стала регулярной и в основном зависела не от отсутствия инициативы, а от флуктуаций политической или экономической конъюнктуры.

Если в XIII в. финансовой основой генуэзской торговли на Западном Кавказе были личные средства купцов, то в ходе ее развития в XIV–XV вв. в коммерцию с народами побережья Черного моря вкладывали свои средства, наряду с государством и купечеством, многие слои лигурийского общества.

Росту торгового обмена способствовало развитие ремесленного производства на местах. Его структура на Западном Кавказе была в общих чертах сходна с корпусом процессий и номенклатурой изделий в Каффе и Генуе, поскольку ремесленники ориентировались не только на удовлетворение локальных потребностей, но в известной мере на подготовку к экспорту в Геную и Каффу готовой продукции и полуфабрикатов.

Об организации ремесел в городах кавказского Причерноморья сведений осталось чрезвычайно мало. Известно, что ремесленные гильдии возглавлялись *министрами*, назначавшимися властями метрополии. Процессы купли-продажи, оплаты труда, ценообразования строго регламентировались нотариусами генуэзского или вообще латинского происхождения. Особо оберегались «секреты» производства редких и ценных товаров, которым генуэзцы обучили местных ремесленников. Таким образом, присутствие генуэзцев в этом регионе в определенной мере позитивно повлияло на развитие его производительных сил, и, экстраполируя дальше, на уровень производственных отношений, и на общественное сознание народов Западного Кавказа в целом.

Сочинения и отчеты итальянских странствующих купцов свидетельствуют, что коммерция Генуи, несмотря на все усилия, имела «малоудачные политические последствия»[36]. .и не могла

[36] «Кавказ». 1867, № 53. С. 25.

утвердиться на Кавказе надолго, поскольку ее связи с этим регионом имели скорее случайный, конъюнктурный характер. Генуэзцам не удалось проникнуть в глубь «богатого» Кавказа, а осуществлению других замыслов Коммуны воспрепятствовали сложные политические обстоятельства, военные и дипломатические конфликты (например, взятие турками Константинополя в 1453 г., специфика отношений с ханством и местными феодалами и т. д.)[37].

Однако целый ряд политических и дипломатических мероприятий центральной администрации Генуи, проведенных на протяжении XIV – первой половины XV вв., свидетельствовал о стремлении итальянской республики поставить западнокавказских владетелей, феодалов и население в более жесткие политические рамки. Для этих заморских земель издавались различные уставы, назначались в поселения официальные представители. Для управления черноморскими сеттльментами правительством Коммуны в 1413 г. был учрежден Оффициум Романии (Коллегия Романии). Упоминание о деятельности этого Оффициума можно встретить в ряде исторических документов, а наиболее существенные сведения содержатся в издании «Дипломатический кодекс колоний Тауро-Лигурии в период владения Банка св. Георгия (MCCCCLIII–MCCCCLXXV)...»[38]. Примерно полувеком раньше начал действовать Оффициум св. Антония (Коллегия св. Антония), чьи основные функции, судя по документам «Кодекса», состояли в сборе налогов от работорговли[39]. Это учреждение имело

---

[37] «Кавказ». 1867. № 53. С. 27.

[38] Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio. – Atti della Societa Ligure di storia. Vol. IV. Geneva, 1868-1871; См.: Codice... vol. I, p. 37.

[39] Верлинден Ш. Торговля на Черном море с начала Византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. Тезисы доклада на Московском конгрессе исторических наук. – М., 1970. С. 9.

своих постоянных агентов в Савастополисе и Фазо Фасции[40].

С осени 1453 г. все права на Черноморские фактории, в том числе и расположенные на восточном берегу, правительство Коммуны передало Банку св. Георгия – крупнейшему финансовому учреждению средневековой Европы XV в.[41] – в счет погашения государственного долга Генуи. По всей вероятности, извлечь ресурсы из Кавказского региона банку так и не удалось, поскольку уже в 1454 г. Генуя лишилась своего консульства в Савастополисе и экономическая власть генуэзцев была основательно подорвана. Представитель банка продержался в Савастополисе вплоть до 1474 г., так что определенную компенсацию от торговли на абхазском берегу Банк св. Георгия все же получал, но отсутствие достоверных данных не позволяет дать должную оценку размерам его доходов.

На практике генуэзские власти преимущественно довольствовались в политическом отношении требованием «верности» от местных феодалов и населения, а также сбором небольших податей в обмен на скорее символическую, чем эффективную военную защиту.

Одной из причин того, что Генуе не удалось конституировать свою «заморскую империю», было отдаленное расположение региона – невозможно было постоянно осуществлять власть и контроль над Причерноморьем. В этой связи не кажется парадоксальным вывод М. Балара: «Провал планов на создание генуэзской восточной империи означал провал самого Генуэзского государства»[42], если вспомнить о жизненном значении этих земель для лигурийской торговли и для поддержания финансового могущества Коммуны.

---

[40] Там же.

[41] См.: подробнее о Банке св. Георгия: *Данилова Э.В.* Каффа в начале второй половины XV в. – Федальная Таврика, Киев, 1974, с. 191–192, 196–200.

[42] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 892.

В отдельные периоды фактически автономные латинские власти причерноморских торговых городов, особенно Каффы, Солдайи и Савастополиса, тяготели к более реалистической и последовательной, чем Генуя, социально-экономической политике, способствуя удовлетворению, помимо собственных интересов, также интересов местной элиты. В конце XIV в. даже локальные политические конфликты не препятствовали оживленной торговле, а в основном влияли только на перемещение региональных рынков – центров сбыта той или иной продукции.

Основными пунктами контакта генуэзцев с местным населением были города-порты или поселения на западном побережье Кавказа и в ближних нагорных районах. Портовые генуэзские фактории или торговые конторы находились на завершении крупных континентальных и речных дорог, в удобных для навигации и стоянки кораблей местах (бухтах, заливах), где и происходило подавляющее большинство коммерческих сделок (Приложение I. Рис.1, 2).

В. Гейд в своем труде «История торговли Востока в средние века» писал, что средневековые карты доказывают знание итальянцами до мельчайших подробностей побережья Кавказа и Колхиды, поскольку достаточно полно покрыты названиями местностей, рек, мысов и заливов[43].

По мнению историка К. Кудрявцева, уже на карте Пьетро Висконти, изданной в самом начале XIV в., Абхазия была вполне точно изображена географически, а ее населенным пунктам были даны правильные названия. Ученый считает, что найденное в Карачае городище, приписываемое генуэзцам, свидетельствует о том, что эти торговцы проникли и вглубь Кавказа[44]. В свою очередь, Ж. Эер упоминает о том, что генуэзцы имели консулов в Мапе (Анапе), в Савастополисе (он называет этот го-

[43] Heid W. Op. cit., vol. II, p. 110.

[44] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми, 1926. С. 134.

род так же Искурией или Исгау-Jskuria, Jsgaou), возвели солидные каменные фортификации в Анакрии и в Лентине, на юг от Батуми. Он также подтверждает, что лигурийские негоцианты проникли и вглубь Кавказа – в Имеретию, где Кутаиси, укрепленный генуэзцами, «стал их колонией»[45].

Впрочем, мнение Ж. Эера в отношении Кутаиси вряд ли основано на достоверных данных.

В географическом отношении исследуемый нами регион ограничен с севера черкесским поселением Мапа (ныне Анапа), где (по Уставу Каффы 1449 г.) имелся комендант-генуэзец (административная должность на ранг ниже консула). (Брун Ф. Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, с. 293.) Далее по побережью активно функционировали такие поселения с итальянскими конторами как Суджук, а также Мавролако (ныне Геленджик) и станция Альба Зихия.

Ниже – по ареалу расселения убыхов, абазин и абхазов – генуэзские порты Коста (Хоста) и Абаза.

На месте современной Гагры находилась крупная фактория Хакари (или Какари); в долине реки Алахадзы – Санта-София; Пезонда (близ Пицунды); в районе Гудауты – на берегу Бомборской бухты – фактория Каво ди Буксо, специально созданная для вывоза леса, в устье реки Псырцха существовало известное генуэзское поселение Никоффа. В устье реки Гумиста генуэзцы разрабатывали залежи свинцово-серебряных руд при поселке Сант-Анджело.

Наиболее крупным центром генуэзской коммерции и посреднических операций на Западном Кавказе являлся Савастополис (написание «Савастополис» в отличие от чаще используемого в исторической литературе «Севастополис» дано нами по итальянским портоланам)[46], расположившийся на территории со-

[45] Heers J. Op. cit., p. 260-261.

[46] Raccolta di Mappamundi e carte nauticye del XIII al XVI secolo. Venezia, 1881, p. 130-136.

временной столицы Республики Абхазия – Сухума. В этом городе заканчивались древние торговые пути через Кавказ и Закавказье. После генуэзской Каффы, крупнейшего торгового города средневековья на Черном море, Савастополис с конца XIII в. и до середины XV в. по праву считался в этом регионе одним из основных центров международных торговых связей Западной Европы и Востока, важнейшим звеном в трансконтинентальных и черноморских маршрутах. Ф.К. Брун писал: «Главным же центром торговых их (генуэзцев – Авт.) сношений с туземцами был Savastopoli, совпадавший как по имени, так и по местоположению своему с крепостью Севастополис, построенной римлянами в ближайшем соседстве со славной милетской колонией Диоскуриас»[47]. Савастополис был не только местом постоянного пребывания лигурийского консула — в нем располагалась также резиденция протектора – главы всех поселений генуэзцев на Кавказе.

Далее на восток, близ мыса Кодор, была расположена фактория Цикаба, у селения Тамыш – Санто-Томассо, около нынешнего города Очамчира – фактория Коребендия, в устье реки Ингури – Анакрия (Анаклия).

По историческим документам можно судить и о существовании в этом районе других факторий генуэзского происхождения (Негропонтия и т. д.)[48].

На земле Колхиды крупными портами и торговыми центрами генуэзского периода были Фазо Фасция (Фазис, ныне Поти) в устье реки Риони, Ло Вати (Батуми).

Таким образом, ареал нашего исследования в целом и составляют такие приморские города и поселения с ключевыми генуэзскими сеттльментами, как Мапа, Суджук на северо-западном побережье Большого Кавказа, Коста, Пезонда, Савастополис, Фазо Фасция и южный предел исследования – Ло Вати на вос-

[47] Брун Ф.К. О поселениях... С. 387.

[48] Heers J. Op. cit., p. 260.

точном побережье Черного моря, а также некоторые нагорные районы.

Остановимся отдельно на проблемах работорговли. В условиях развитого феодализма в итальянских государствах, как и почти во всей Западной Европе, наряду с основными классами (господствующим классом феодалов и эксплуатируемыми свободными и полусвободными мелкими производителями – крестьянством) в различных сочетаниях сохранились элементы разлагавшегося рабовладельческого строя. Труд невольников был менее производителен, чем результаты функционирования системы феодальных экономических отношений, в которую необходимо было включить и городские слои населения. Однако работорговческий промысел помогал составлять богатство Генуи. Основоположники научного социализма указали на работорговлю как на один из основных компонентов экономической активности средневековых итальянских республик.

Фактический материал, касающийся некоторых аспектов торговли на генуэзском, черноморских и средиземноморских невольничьих рынках представителями западнокавказских народностей, показывает, что, во-первых, в исследуемый период работорговля, одним из основных организаторов которой в XIII–XV вв. являлось именно лигурийское купечество, была существенной составной частью межрегиональных экономических связей средневековья, и во-вторых, обращенные в рабство зихские, абхазские, мегрельские, реже имеретинские, гурийские и лазские крестьяне (или их дети) по-разному использовались в Европе и на мусульманском Востоке. В христианской Европе в то время было преимущественно распространено так называемое домашнее рабство, под гнет которого в равной степени попадали и женщины, и мужчины, причем последним отводились тяжелые физические работы. В свою очередь, основной контингент мужчин, представленных к продаже европейскими негоциантами на восточных рынках, пря-

мо направлялся в армию, а женщины – в гаремы, в домашнее услужение.

В XI–XV вв. феодальные войска в Западной Европе состояли из свободных наемников, армии мусульманских правителей, из рабов – часто представителей западнокавказских народов. Известно, что мамлюки – личная гвардия египетских султанов – набиралась с XIII в. преимущественно из невольников кавказского и тюркского происхождения. В середине XIII в. мамлюки возвели на престол собственную династию. В Европе же выходцев с Востока, по ряду многих причин, одну из которых достаточно красноречиво объясняет прозвание, данное итальянским поэтом Ф. Петраркой рабам – «домашний враг», не использовали как воинов.

Если европейцы высших сословий – феодалы, именитые горожане, купцы – сравнительно широко вплоть до того момента, как Западная Европа встала на новый путь развития, использовали домашнее рабство, то в гораздо меньшей степени иноземные рабы были заняты в сельском хозяйстве. Отдельную категорию составляли церковные рабы, то есть прикрепленные к монастырям, в чьи функции входило обслуживание духовных феодалов.

Верхняя ступень рабовладельчества, непосредственно предшест – вовавшая его распаду в период, когда Европа медленно приближалась к порогу буржуазных революций, частично и своеобразно была связана, как справедливо полагает В. Габашвили, с предпосылками крепостного права; существовала и определенная связь между прежними «колонами» и позднейшими «батраками-крестьянами», но крепостничество возникло и развивалось на совершенно иной социально-экономической почве, чем рабовладельчество античного и эллинского периодов[49]. В свою очередь некоторые западноевропейские медие-

[49] Габашвили В. Торговля пленными в средневековой Европе // Мацне. 1983. № 4. С. 38 (на груз. яз.).

висты склонны видеть в рабстве средневековья прямое продолжение античного рабства. Они отмечают неразрывность цепи исторической эволюции рабства, так как считают, что средневековое рабовладение постепенно переросло в крепостничество или *колониальное* рабство.

Однако и в развитом феодализме уже разлагающийся институт рабства находился в прямой связи с экономикой. По своему социальному статусу невольник был заключен в жесткие законодательные рамки, а труд его в домашнем хозяйстве или, реже, в земледелии, ремесленничестве – крайне тяжел.

В Европе и на Востоке покупали рабов обычно высшие сословия, в роли контрагентов работорговцев на Западном Кавказе также выступали светские и духовные феодалы.

В. Габашвили пишет, что ни в Европе, ни на Кавказе купленного пленника никто не отличал от раба. Очевидно, что и в средневековой Европе его судьба никого не тревожила, никто не стремился облегчить положение этих несчастных людей. Наоборот, феодальная знать и церковь в одинаковой степени принимали участие в их эксплуатации, и с этой точки зрения не было никакой разницы между Европой и Грузией[50]. Интересно высказывание католического миссионера Пьетро Авитабила, который описывал явление работорговли в Западной Грузии следующим образом: «Они (работорговцы) их покупают под всевозможными истинными и ложными клятвами, будто этих пленных будут использовать как домашнюю прислугу сами или их родственники, друзья, а на деле дорого продают туркам. С этим ежедневно сталкиваются монахи, митрополиты и патриархи, но они молчат в расчете на выгоду с обеих сторон – от тех, кто продает и от тех, кто покупает»[51].

Для исследования проблематики работорговли Генуи представителями западнокавказских народностей в XIII–XV вв.

[50] Габашвили В. Указ. соч. С. 40.

[51] Цит. по: Габашвили В. Указ. соч. С. 40.

важным показателем является постепенное развитие этого вида коммерции по мере политического распада единой Грузинской монархии. Особо значительные объемы поставок кавказских пленников на каффинский и генуэзский рынки совпадают с периодами острых внутренних кризисов в Грузии.

Скорее всего, центральные власти проводили мероприятия, направленные против торговли рабами с побережья Кавказа, и были поддержаны в этом деятелями национальной церкви. Объединительные усилия Георгия Блистательного совпали по времени с «кризисом» поставок на каффинский и генуэзский рынки рабов абхазского и мегрельского происхождения в 20–30-е годы XIV в. Таким образом, стремление грузинских царей к консолидации Грузии серьезно препятствовало развитию генуэзского работоргового промысла на берегах Кавказа, и наоборот – успешный ход сепаратизма западнокавказских эриставов фактически поощрял работорговцев и их черноморских контрагентов к расширению вывоза невольников с Кавказа.

Для дальнейшего исследования данной проблемы существенно замечание В. Габашвили о том, что институт рабства комплексно изучен в западноевропейской историографии, но вне сферы внимания этих медиевистов остались вопросы, связанные с историческим положением в странах, где рекрутировались рабы, в частности Западного Кавказа. Проблема еще не рассмотрена на должном комплексном уровне в отечественной историографии[52].

Периоды расцвета и упадка средневековых итальянских городов – государств во многом совпадают с основными историческими этапами международной торговли. Базисом активности Лигурии на Западном Кавказе была именно коммерческо-предпринимательская деятельность.

В историю международной торговли генуэзские купцы и мореходы вошли как искусные практики своего дела, гибко ори-

[52] Габашвили В. Указ. соч. С. 43-44.

ентировавшие торговую политику и тонко чувствовавшие все колебания конъюнктуры на мировом рынке. Большой опыт, личная отвага и заинтересованность позволяли генуэзским коммерсантам находить все новые и новые пути к источникам прибыли. Специалисты по средневековой истории итальянских республик отмечают подвижную структуру генуэзской торговли, ее быструю адаптацию к изменению экономических или социально-политических условий в регионах экспорта-импорта. Для нашего исследования существенно то, что по мере падения уровня торговли, сужения емкости крупных региональных рынков в Пера и Хиосе, постоянно рос интерес Генуи к Савастополису и Ло Вати.

С.П. Карпов отмечает, что не всегда инициатива местных торговцев подавлялась генуэзской конкуренцией; они – иногда самостоятельно, иногда вместе с итальянцами – осуществляли торговые операции в региональных масштабах[53].

Ф. Энгельс указывал на то, что норма прибыли генуэзских купцов в их морской торговле была чрезвычайна высока в силу рискованности самого предприятия, а также отмечал стремление генуэзцев сделать эту норму равной для всех итальянских торговцев. Однако условия сбыта генуэзских товаров основывались на данных «чужеземными князьями» привилегиях, которые довольно часто нарушались или вообще отменялись, к сиюминутной выгоде местных феодалов[54].

Огромные торговые барыши генуэзского купечества послужили не только причиной расцвета средневековой Генуи, но и причиной ее упадка. «Изгнанная» османами из международной торговли на Востоке, Генуя с конца XV в. не смогла найти применения огромным капиталам в своих пределах, то

[53] Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. С. 42.

[54] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 477.

есть в рамках Европы, и фактически задохнулась «во власти денег»[55].

Как конкретный историко-экономический процесс, деятельность генуэзцев в исследуемом регионе имела отрицательные и положительные стороны. Для комплексной оценки влияния деятельности Генуэзской республики на народы Кавказского побережья исключительно важное значение имеет сделанное К. Марксом и Ф. Энгельсом сравнение последствий морской торговли средневековой Генуи с современным основоположником научного социализма – предпринимательством Нью-Йорка и Калифорнии. В работе «Первый международный обзор» говорится, что и в том и в другом случае торговое «золото разливалось потоком» и втягивало даже самые «непокорные варварские народы в мировую торговлю и цивилизацию»[56]. В этом сравнении содержится не только косвенная оценка роли Генуи в развитии международной торговли, но и указано на важные аспекты ее социального и культурного влияния.

Генуэзцам, которые не имели реальной возможности основать классические колонии в этом регионе, очевидно, удалось все же оказать прямое или косвенное воздействие на практически всю совокупность социально-экономических и культурных процессов на Западном Кавказе.

§ 2. Периодизация истории, иерархия и специализация генуэзских факторий

Историю торгово-предпринимательской деятельности и социально-политических отношений Генуэзской морской республики с народами Черноморского побережья Кавказа условно можно разделить на четыре периода или этапа, хотя и не всегда они будут очерчены конкретными датами.

---

[55] Там же. Т. 12. С. 378.

[56] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 232.

Начало первого этапа – периода ознакомления, первичной инфильтрации генуэзского купеческого капитала на Западный Кавказ – мы связали бы с возникновением и укреплением генуэзского поселения Каффы в Северном Причерноморье, то есть 30-е годы – начало 60-х годов XIII в.[57] Вероятнее всего, от Каффы протянулись пути итальянского каботажного плавания к богатым поселениям на Кавказских берегах – Мапе, Савастополису, Фазо Фасции, вплоть до Ло Бати. Это был сравнительно недолгий период проникновения лигурийских купцов-мореходов на Северо-Западный и Западный Кавказ скорее с ознакомительными, чем коммерческими или политическими (колонизаторскими) целями. Примерно этим же временем датируются генуэзские портоланы с весьма тщательными географическими, этническими и отчасти «экономическими» описаниями этих земель.

Нимфейский договор 1261 г., с которым связано сосредоточение Черноморских путей в руках коммуны Генуи, мог бы рассматриваться как четкая нижняя граница второго периода – периода экономического, институционального – и попыток религиозного закрепления генуэзцев в восточном регионе Черного моря. Данный этап включает в себя такие события, как создание в 1313 г. в Генуе Оффициума (или Коллегии) Газарии, которому было вменено в обязанность распространение деятельности за пределы Крыма – на восточное побережье моря[58].

Первые упоминания о генуэзском консулате в Савастополисе датируются 1354 г. – туда был назначен консулом Амброджио ди Пьетро[59]. Однако ученые-историки справедливо полагают, что

---

[57] См.: Ведров В.М. Об итальянских колониях в XIII в. в Хазарии // Труды I археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871. С. 406.

[58] См.: Брун Ф. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды I археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871. Т. 2. С. 376.

[59] Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen a'ge. Vol. I, Leipzig, 1886, p. 111$ Брун Ф. Указ соч. С 387.

Генуя, претендовавшая на роль метрополии в отношении этих территорий, учредила административные посты и способствовала созданию католических епархий на побережье Западного Кавказа несколько раньше. Известно распоряжение понтификата о назначении архиепископа Франко из Перуджи наместником Ватикана в Трапезунде с 1318 г., ему было поручено «заботиться» и о католической церкви во «владениях абхазских князей»[60]. Франко из Перуджи продержался на этом посту примерно до 1323 г., а через 6–7 лет уже прямо в Савастополис был послан латинский епископ Петр, о чем свидетельствует его письмо к архиепископу Кентерберийскому, датированное 1330 г.[61] Назначение священнослужителя столь высокого иерархического уровня в Савастопольскую епархию говорит и о возросшем значении в глазах понтификата и самой Генуи этого города, как опорного пункта латинян на Западном Кавказе. Следовательно, допустимо считать верхней границей второго периода – периода закрепления Лигурии в Восточном Причерноморье – 30-е годы XIV в.

Уставом Каффы 1316 г. (Ordo de Caffae) косвенно подтверждается, что институциональное и, следовательно, экономическое закрепление Лигурии, насаждение консулов, «президентов», то есть комендантов поселений, других «латинских властей» в зихских, абхазских и мегрельских населенных пунктах произошло, по-видимому, в двадцатые – тридцатые годы XIV в.

Третий этап реализации экономических интересов Генуи на побережье Западного Кавказа можно назвать периодом процветания генуэзского торгового капитала на этих берегах, интенсивной эксплуатации местных сырьевых ресурсов и народов, активного торгового обмена между итальянской республикой и прибрежным Кавказом. Нижняя граница этого периода – 40-е

---

[60] Брун Ф. Указ. соч. С. 378.

[61] См., например: Брун Ф. Указ соч. С 387; его же, Черноморье. Ч. I. С. 217.

годы XIV в. Начавшаяся в 1376 г. война с Венецией несколько пошатнула уверенность Лигурии в монопольном контроле над торговым обменом с народностями Западного Кавказа, тем не менее другие, более поздние политические события дали новый импульс торгово-предпринимательской деятельности Генуи в этом регионе. Верхняя граница периода – середина 50-х гг. XV вв., когда было отмечено первое нападение османов на Савастополис (1451 г.), разрушения генуэзской фактории в этом городе местными князьями в 1453–1455 гг. С 1453 г. все права на эксплуатацию ресурсов Восточного Причерноморья генуэзское правительство передало Банку св. Георгия[62]. В распоряжениях администрации правления Банка св. Георгия в Каффе от 1 декабря 1465 г. значится: «Мы довольны тем, что хорошо уладились дела с князем Мегрелии Бендиано[63]. (В тот период Савастополис находился в ведении мегрельских князей (Авт.)). Но имевшиеся расходы приказываем сразу, либо по частям распределить между купцами, торгующими на его территории»[64]. Последнее упоминание о генуэзском представителе в Савастополисе относится к 1473 г.[65] В этот период – время упадка экономических связей итальянской республики с Кавказом – значительно окрепли связи коренных жителей с Каффой, захваченной турками в 1475 г. Последней датой можно обозначить истощение и далее – разрыв торговых и политических отношений Лигурии с Восточным Причерноморьем.

Для периодизации истории закрепления генуэзцев в Восточном Причерноморье немаловажное значение имеет целый ряд конкретных фактов и процессов с четко очерченными временными границами. Полемику медиевистов вызывают особенно

---

[62] Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам Codice) – Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 191.

[63] Atti della Scieta' Ligure di storia patria, vol. V. Geneva, 1866, f. I, 184.

[64] Atti..., vol VII, 1871, f. I, 357.

[65] См.: Брун Ф. О поселениях .. С. 387.

две даты – основание генуэзской Каффы как отправного, видимо, пункта экспансии генуэзцев на Кавказ и время окончательного исхода лигурийцев из этих районов. Итальянский историк М. Канале указывал, что в Крым генуэзские купцы-мореходы проникли в самом начале XIII в., этим же примерно периодом он датировал и появление первой каффинской итальянской торговой конторы[66]. С точки зрения М. Балара, лишь уступки Михаила VIII Палеолога (Нимфейский договор 1261 г. и последующие акты) сделали возможной экспансию генуэзцев на Черном море[67]. Этот довод вполне правомерен, но ученый пишет уже именно о целенаправленном и открытом процессе закрепления Генуи на данных территориях. Таким образом, вопрос о первых признаках проникновения, первых опытах коммерческих сделок, первых контактах генуэзских купцов-мореходов с народами Северного и Восточного Причерноморья по-прежнему остается дискуссионным из-за отсутствия письменных источников.

У В. Гейда дата основания генуэзской Каффи отнесена к 1266 г.[68]

Выяснение сроков основания генуэзской колонии в Каффе позволило бы более точно датировать начальный период проникновения и закрепления генуэзцев на восточном побережье Понта, в частности, в районах Мапы, Савастополиса, Фазо Фасции и далее.

В целом, современные работы отечественных и зарубежных медиевистов относят закрепление генуэзцев в Каффе и распространение их далее по северному и восточному побережью Черного моря к 1266–1270 гг.[69] Однако тот же М. Балар, например, отмечает значительный рост экономической активности Лигу-

[66] Canale M.G. Commentari storici della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori. Ge'nes, 1855, t. 2, p. 154.

[67] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 115

[68] Heyd W. Op. cit., II, p. 158-165

[69] См.: Balard M. Op. cit., vol. I, p. 114–117.

рии на берегах Понта с 1281 г.[70] Здесь речь идет о периоде, когда генуэзцы уже создали на побережье активно функционировавшие опорные торговые пункты и сосредоточили свое внимание на развитии сети их коммерческих филиалов.

Немаловажной причиной интенсификации деловой активности Генуи в Восточном Причерноморье являются изменения в отношении генуэзцев к факториям на Азовском море, в частности к Тане, из-за «диалектики» генуэзско-монгольских связей. В промежутке между 1280 и 1358 гг. Азовское море с торговым форпостом генуэзцев – Таной – было для Лигурии коммерческим районом первостепенного значения, так как именно там заканчивался знаменитый монгольский караванный путь «шелка и специй». В конце XIII в. Тана ещё превосходила генуэзские фактории на Черном море по объему капиталовложений и товарообороту. Однако в 1316 г., чтобы не создавать излишней конкуренции более перспективной в глазах правительства Коммуны Каффе, Оффициум Газарии запретил итальянским гражданам покупать в Тане, постоянно находившейся под угрозой нападения монголов, недвижимость (дома, земли и т. д.)[71].

Во второй половине XIV в. (точнее, в 1365 г.) генуэзцы сделали попытку воспользоваться упадком Орды и ее внутренними конфликтами, связанными со смертью хана Бердибега. После дипломатических маневров Лигурии ханство вынуждено было признать абсолютную власть «латинян'' над узкой полоской крымского побережья – Газарией[72]. После 1395 г. генуэзская фактория в Тане практически умирает во многом из-за недружественной политики хана Кунчака[73] и набегов войск Тимура. Генуэзцы вынуждены уже окончательно, но, как свидетельствует история, весьма ненадолго сосредоточить свое внимание на

[70] Idem., p. 118.
[71] Idem., p. 152.
[72] Balard M. Op. cit., vol.I, p. 151.
[73] См.: Heyd W. Op. cit., t. II, pp. 374–375.

Кавказском побережье Черного моря, прежде всего как на обильном источнике рабов. К достижениям Генуи можно отнести организацию, несмотря на все трудности, достаточно гибкой и прочной сети факторий на восточном побережье Черного моря, формально подчиненных централизующему коммерческую деятельность пункту – Каффе. Наступил век активной экономической эксплуатации Западного Кавказа со стороны Лигурии.

В XIV–XV вв. Каффа уже не являлся просто перевалочным пунктом по дороге на Восток: этот крупный город, обоснованно претендовавший на роль региональной метрополии, контролировал очень сложную и разветвленную сеть торговли на Черном море. Каффа выделялся в финансовом отношении, поскольку в ней были представлены все крупные банкиры[74].

Процветанию факторий Генуи на берегах Кавказа положили конец ее мусульманские соперники – османы.

В 1451 г. Савастополис был основательно разрушен подошедшим к его берегам турецким флотом из нескольких десятков судов[75].

Опустошения Кавказского берега османами происходило под предводительством амасийского паши Хитира, командовавшего частью турецкого флота султана Мухамеда II Фаттиха. Его разрушение было довершено напавшими на сеттльмент 28 июня 1455 г. абхазами. Однако генуэзская часть города вскоре была восстановлена. По-видимому, для ее отстройки была оказана определенная помощь со стороны Банка св. Георгия, так как протекторы этой корпорации в 1456 г. назначили туда своего непосредственного представителя – Оливьеро Кальви.

Абхазы, напавшие на савастопольский сеттльмент в конце июня 1455 г., взяли в качестве пленных всех находившихся там генуэзцев, включая, видимо, консула Герардо Пинелли, из-за разграбления сеттльмента абхазами потерявшего все свое со-

[74] Heers J. Op. cit., p. 263.

[75] Брун Ф. О поселениях... С. 387.

стояние, но, по мнению В. Гейда, несколько позже искавшего убежища в Каффе. Известно однако письмо Герардо Пинелли протектору Банка св. Георгия от 22 июля 1455 г., в котором значилось, что в городе «сложилась трудная ситуация» для продолжения коммерческой деятельности[76].

Каффинские власти решили временно прекратить все торговые сношения с Савастополисом, вплоть до нового приказа, по-видимому полученного от правления Банка св. Георгия.

Из письма, адресованного 1 ноября 1455 г. протекторами Банка св. Георгия папе Калисту IV, видно, что лигурийские финансисты еще пытались отстоять свои владения в Тавриде и на Кавказе и привлечь к их защите добровольцев из Западной Европы. Банк, по мнению Ф.К. Бруна, делал все от него зависящее, чтобы вывести свои Черноморские владения из-под оккупации Порты. Он жертвовал все возрастающие суммы на покрытие бюджетного дефицита Газарии, пытался заново укрепить города, отправлял в них морем (а в Каффу и сушей) отряды наемных «легионеров». Но эта помощь – из-за удаленности метрополии – была, вероятно, мало существенной. Например, властям Кафы удалось набрать в 1465 г. отряд, состоявший из 500 украинцев, но он был разгромлен еще на реке Буг литовцами[77].

Общая для севера, востока и юга Черного моря опасность в лице стремительно набиравшей мощь Порты, видимо, стимулировала политические власти различных приморских стран к координации антиосманских усилий, но безуспешно. Однако показательно, что Трапезунд в процессе поиска союзников обратился к Абхазии, как могущественному с военной точки зрения соседу. К. Кудрявцев приводит письмо трапезундского императора Давида (1458–1462 гг.) к папе Пию П и герцогу Бургундии с просьбой о помощи против османов. Из текста обращения следует, что в числе стран, к которым Давид обращался за военной

[76] Vigna A. Codice..., p. 317.

[77] Брун Ф. О поселениях... С. 400.

поддержкой, была и Абхазия. В его послании к бургундскому герцогу Филиппу Доброму от 22 апреля 1459 г. говорится, что в союзе с Давидом обещал выступить со своей армией в 30 тыс. человек владетель Абхазии Ребиа[78].

Спасению Каффы, к середине XV в. практически обособившейся от итальянской метрополии, от захвата османами не способствовал и ловкий политический маневр: во время войны турок с Венецией, начавшейся в 1463 г., торговцы Каффы поддержали людьми, пшеницей и немецким оружием мусульман, а не христиан. К этому времени Каффа таким образом делала попытки интегрироваться в политический и коммерческий мир Востока[79].

Принято считать, что окончательно генуэзцы были изгнаны из бассейна Черного моря османами весной 1475 г., когда великий визирь Гедик-Ахмед-паша, прибыв в гавань Каффы с огромным по тем временам флотом, начал перекрестную бомбардировку города и высадил десант. Жители города – христиане были, пишет Ф.К. Брун, окованы и обращены в рабство, однако итальянцам было оказано снисхождение. Невольниками стали исключительно русские, валахи (молдаване), поляки, грузины, зихи, проживавшие в городе[80]. Итальянцам впоследствии удалось спастись и вернуться в Европу.

С утверждением владычества Порты над Северным и Восточным Причерноморьем этот регион фактически лишился своего коммерческого значения для Западной Европы.

Сходным образом описывается ситуация с покорением османами генуэзских поселений на Черном море в реляциях итальянских путешественников. С разрушением Каффы турками в 1475 г. до 14 тыс. «христианской молодежи» было взято в плен

---

[78] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1926. С. 138.

[79] Heers J. Op. cit., p. 264.

[80] Брун Ф. О поселениях... С. 402.

и часть из них обращена в янычары (всего в городе насчитывалось тогда 60 тыс. жителей), 300 купцов казнены. Сам город был разграблен и разрушен. Такой же участи подверглись все итальянские фактории на восточном берегу Черного моря, на котором постепенно утвердилось господство турок[81].

Некоторые историки утверждают, что генуэзцы посещали берега Абхазии и в XVI в. В Пицундской часовне имелся генуэзский колокол, датированный 1529 г., на котором были отлиты изображения Богоматери, а также митрополита[82]. По мнению А.В. Фадеева, генуэзские корабли можно было увидеть у берегов Абхазии даже в XVIII в., но они были «принуждены уступать» купцам, плававшим под турецким флагом[83]. Скорее всего, эти посещения носили эпизодический характер.

Выделенным нами этапам истории отношений Генуи с народами Западного Кавказа – инфильтрации, закрепления, процветания и упадка торгово-предпринимательской деятельности Генуи на западнокавказском побережье – в целом соответствует эволюция структуры и динамика экспортно-импортных операций генуэзского купечества, изменения объема коммерции.

Процесс развития работорговли, как главного компонента деловой активности лигурийских негоциантов в исследуемом регионе, имеет несколько иную периодизацию при основных совпадающих хронологических границах.

История торговли Лигурии невольниками – выходцами с Западного Кавказа – также распадается на ряд достаточно четко очерченных периодов, характеризовавшихся ростом или падением спроса на живой товар, которые были связаны с колебаниями коммерческой или социально-политической конъюнктуры, увеличением или снижением потребности в рабочей силе, военными и дипломатическими конфликтами, стихийными бедстви-

---

[81] См.: «Кавказ». 1867. №.7. С. 25.

[82] См., например: Брун Ф. О поселениях... С. 388.

[83] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Сухуми, 1934. С. 109.

ями (чума, т. д.). Необходимо сразу отметить, что флуктуации конъюнктуры работорговческого промысла не всегда идентичны на различных крупных рынках (Генуя, Каффа, Александрия, Константинополь). Это по мере возможности отражено в предложенной нами периодизации вопроса.

В 30-е – 60-е годы XIII в. – период инфильтрации генуэзского купеческого капитала преимущественно через северное Причерноморье (Каффу) на Западный Кавказ и окончательного формирования крупного невольничьего рынка в самой Генуе – рабы кавказского происхождения в Западной Европе были сравнительно редки и в исторических документах сведений о них практически не сохранилось. Эти годы можно назвать начальным периодом темы «работорговли» нашего исследования. С начала и до середины XIII в. на международном рынке рабов в Генуе преимущественно были представлены сарацины[84]. В последующие десятилетия генуэзский рынок рабов стал пополняться и за счет кавказских народностей. Генуя не только перекупала невольников, но и начала их экспортировать, в частности в Египет (в Александрию, где они предназначались для пополнения войска мамлюков), Сирию с включением Палестины, Константинополь[85].

Следующим периодом – временем интенсивного пополнения международного, генуэзского и быстро сформировавшегося каффинского, работоргового рынка за счет невольников абхазо-адыгейских народностей, мегрелами, а также грузинами – можно считать 70-е годы XIII в. – 20-е годы XIV в. На этом историческом этапе Генуя и несколько позднее Каффа стали одним из наиболее крупных мировых работорговческих центров. Начиная с 1270–1275 гг. на рынок Генуи часто поступали неволь-

[84] Сарацины – название древних кочевых племен Аравии, распространившееся в средние века на всех арабов и ряд других мусульманских народов Ближнего Востока.

[85] См.: Брун Ф. О поселениях... С. 379.

ники – выходцы из северо-восточных регионов Черного моря. В конце XIII – начале XIV вв. эти рабы через посредничество Лигурии распространялись по многим городам средневековой Италии (в частности, во Флоренцию)[86], Испании, другим центрам Западной Европы, по-прежнему в них был заинтересован Константинополь, а также такие страны, как Египет и Сирия.

По подсчетам М. Балара, в Каффе в 1289–1290 гг. корпус продававшихся рабов на 44 % был представлен зихами, 23 % – лазами, 11 % – абхазами[87], то есть выходцами из прибрежных и ближайших нагорных районов Кавказа, составлявших на этом рынке абсолютное большинство живого товара, – 78 %. В этот же период формировались крупные работорговческие центры на Черноморском побережье Кавказа – в Савастополисе, Фазо Фасции, Ло Вати[88].

В 1320 – 1370-1375 гг. на генуэзском рынке отмечено падение спроса на рабов-зихов, упоминания о которых практически исчезли из нотариальных актов, фиксировавших продажи, массариев (счетных книг). Очевидно, наступило определенное насыщение даже столь емкого, как каффинский, работоргового рынка. Тем не менее, невольники из Северного и Восточного Причерноморья, чья рабочая сила и услуги использовалась непосредственно в Генуе, вместе составляли в метрополии довольно многочисленную и этнически разнообразную группу – в 1350 г. до 40 % всего контингента рабов[89].

Надо отметить, что столь большие временные промежутки, как выделенные нами этапы, в своих границах также могли характеризоваться резкими конъюнктурными колебаниями на невольничьих рынках, что все же не влияет на общую характери-

---

[86] Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море в XIII–XV вв. – СПб., 1904. С. 212.

[87] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 290–295.

[88] См.: «Кавказ». 1867. № 4. С. 26.

[89] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 741.

стику и периодизацию работоргового промысла средневековой Генуи в данном регионе. Например, во второй половине XIV в. основным этническим компонентом рынка в Каффе стали татары. Это было характерно и для Генуи: Р. Делор в статье «Несколько уточнений по вопросу о торговле рабами в Генуе в конце XIV в.» пишет, что, по исследованным им книгам нотариуса Б. Гатто, в указанный период из 47 упомянутых в актах рабов было 28 татар, 5 черкесов, 2 сарацина, 2 мегрела, русский, абхазка и остальные – неясного происхождения[90]. В 1394–1398 гг., по указанию Ш. Верлиндена, татары представляли собой примерно половину всего корпуса рабов в Генуе. Он объясняет преобладание рабов-татар на рынке в Генуе голодом в тот период в Орде, вынужденной продавать в рабство даже детей[91].

В третий период (1370-1375 гг. – первая половина XV в.) невольники – выходцы с нагорных районов и Черноморского побережья Кавказа, вновь стали многочисленным товаром на рынках Генуи и Каффы[92]. В последней трети XIV в. утверждалось их абсолютное преимущество и по рыночной стоимости в самой Генуе. В XVв. северо-западные районы нагорного Кавказа были главным ареалом поставок невольников на рынок в Каффу[93]. До последней трети XV в. лигурийцы и каффинские генуэзцы оставались основными посредниками в международной работорговле.

С 50-х годов XV в. до 1475 г. (захвата Каффы турками) из-за отрыва от метрополии и большинства крупных невольничьих рынков средневековья генуэзская работорговля в кавказских портовых городах постепенно подвергалась асфиксии и пришла

---

[90] Delort R. Quelques pre'cisiones sur le commerce des 'esclaves a` Ge'nes vere la fin du XIV sie`cle. Paris, p. 219–222.

[91] Verlinden Ch. L`e'sclavage dans l`Europe m'edie'vale, t. I, Gent., 1955, p.774.

[92] Gioffre D. Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971, p. 22.

[93] Heyd W. Op. cit., vol. II, p. 179.

в упадок. Известно однако, что с середины 50-х годов XV в. рабы из Зихии и Абхазии, направлявшиеся в Каффу, попадали туда через Воспоро (Керчь)[94]. Генуэзцев на поприще работорговли в Черноморском регионе окончательно сменили османы.

Особое место в исследуемой проблеме занимает вопрос об иерархии и коммерческой специализации западнокавказских городов и поселений, в которых имелись генуэзские торговые конторы.

Исследование путей генуэзского импорта-экспорта указывает на сложную сеть торговли в бассейне Черного моря. С одной стороны, были образованы емкие региональные рынки (Каффа, Матрега, Савастополис, Ло Вати). С другой – прибрежные фактории на Кавказе являлись логическими продолжениями путей международной торговли, которые проникали вплоть до самых мелких рынков.

Генуэзские купцы, более или менее прочно утвердившись в крупных поселениях, выступавших в функции опорных пунктов на Кавказском побережье в конце XII в. – начале XIV в., в последующий период старались вклиниться в местные экономические и (сравнительно реже) социально-политические отношения. Их задача была вполне конкретна: генуэзским коммерсантам нужно было стать абсолютно необходимыми посредниками в региональных и интернациональных торговых связях кавказских и других народов, буквально пропустить через свои руки основной поток товаров, навязать свой контроль над товарообменом Запад – Восток, присвоив себе главные барыши.

Это, без сомнения, предполагало большое разнообразие торговых интересов, обостренное внимание к новым или потенциальным источникам прибыли, дипломатическую и коммерческую гибкость, чутье, а также определенную личную смелость.

Товары или сырье лигурийцы задешево покупали прямо на месте производства или добычи, однако торговый обмен между

[94] Heers J. Op. cit., p.653.

Генуей и Кавказским побережьем мог быть сбалансирован только при условии солидного объема экспорта из Генуи.

Связь метрополии с береговыми факториями на Кавказе поддерживалась морским путем в основном по принципу каботажного плавания. Большое значение для нормального ритма навигации (без учета сезонных колебаний) имела политическая обстановка в бассейне Черного моря, климатические условия, экономическая конъюнктура на Западе и Востоке, размах морского пиратства и т. д.

Уже в средние века генуэзская торговля сопровождалась интенсивным движением капиталов. В периоды, когда в силу конкретных причин нарушались регулярные связи с метрополией, чутко чувствовавшие коммерческую конъюнктуру каффинские генуэзцы последовательно консолидировали деловые отношения с различными городами кавказского Причерноморья. Таким образом, снижение интенсивности торгового обмена народов, проживавших на побережье Кавказа с Западом, до определенной степени компенсировалось образованием новых региональных рынков на Черном море, оживлением местной торговли, стимулировавшейся и направлявшейся из Каффы и в меньшей степени Савастополиса.

Известно, что в соответствии со статусом Генуи от 31 октября 1290 г. все Черноморские колонии были временно подчинены подестату Перы, но через несколько десятилетий этому отдаленному торговому центру уже не удавалось контролировать возросший объем коммерции[95].

С 20-х – 30-х годов XIV в. к Черноморскому побережью Кавказа, стимулированные массовыми закупками товаров закрепившимися там генуэзскими купцами, устремились караваны с азиатскими, транскавказскими товарами. Тем не менее до середины этого века небольших постоянных поселений, размещенных в портах вокруг торговых контор, было вполне достаточно, чтобы обеспечить регулярность торгового обмена и сохранность товаров.

[95] Canale M. G. Op. cit., p. 227.

До 1365 г. итальянцы, по-видимому, не претендовали на территориальные завоевания, которые позволили бы им внедриться в континентальные районы; в их руках находились – за исключением Каффы и Савастополиса – всего лишь скромные (в территориальном отношении) фактории, но хорошо защищенные небольшим гарнизоном и управляемые консулом или комендантом[96].

Несмотря на то, что в самом начале XIV в. консулат Каффы «самочинно» взял под свою власть генуэзских чиновников Восточного побережья, Каффа еще не добилась законного права назначения консулов и формирования администрации в отдельных факториях. Однако в ее ведение уже входил контроль за снабжением сеттльментов, найм и оплата чиновников консульств, находившихся на Кавказском берегу, взыскание торговых налогов, таможенных и других податей.

Задолго до Статута 1398 г., назвавшего консула Каффы «настоящим главой генуэзцев на всем Черном море и во всей Газарии», Каффа со второй половины XIV в. сделала попытку стать столицей генуэзских факторий в Черноморском бассейне[97].

С опорой на восстановленную в 1316 г. после разрушений татарами (благодаря предпринятым Оффициумом Газарии мерам) Каффу, за XIV в. генуэзцы значительно укрепили свои позиции в сеттльментах на восточном берегу Черного моря, что обеспечивало им свободу каботажного плавания и передвижений от самой Генуи через Каффу до Ло Вати, а также свободу торговли в этом прибрежном регионе. Тем не менее плавание небольших судов по-прежнему прерывалось их заходами в порты для ночевки.

Таким образом, добившись усиления экономической и политической роли города, чему в немалой степени способствовали и генуэзские правители на местах, к середине XIV

[96] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 158.

[97] См.; Rossi G. Gli statuti della Liguria. G'enes, 1882, p. 102-110.

в. консулату Каффы удалось достичь почти полной автономии по отношению к подестату Перы. Несколько позже консулы Каффы неоднократно старались полностью подчинить себе администрацию более мелких, чем Каффа, городов Кавказского Причерноморья, предпочитавшую все же ориентироваться на метрополию, хотя, судя по историческим документам, они не удались. Иерархические связи с Генуей, весьма сильные до известного времени в Газарии, значительно ослабевали по мере приближения к Савастополису и Ло Вати. Усиление и связанное с ним относительное обособление от метрополии Каффы – ёмкого регионального рынка и важнейшего опорного пункта на Черном море – весьма тревожило власти в самой Генуе, стремившиеся с помощью разного рода политических и экономических санкций затормозить или пресечь этот процесс. Нечто подобное в дальнейшем происходило с Савастополисом, но уже во второй половине XIV в., когда набрали силу и сделали попытку к обособлению локальной экономики от давления итальянской республики местные феодалы – князья Мегрелии. Вполне возможно предположение, что они вовсе не стремились избавиться от чужеземных коммерсантов, а наоборот, прервав их привилегированные связи с метрополией, намеревались использовать их капиталы, торговые связи и опыт на службе своего княжества.

В конце XIV в. понтийская коммерческая сеть, контролируемая предпринимателями «латинского» происхождения, в том числе из Каффы, еще больше расширилась. В их руках полностью находился вывоз зерна из придунайских стран, зерновые ресурсы Юга России также частично поступали в Геную и Каффу через зихов. Савастополис, Мапа, Ло Вати и Фазо Фасция находились в постоянных коммерческих сношениях с Лигурийской республикой. Генуя распространила свою деятельность на все Черное море, практически осуществляя монополию на торговлю продуктами этого региона.

Черноморские рынки, особенно Восточного побережья, как уже отмечалось, спасли Каффу от асфиксии, когда были нарушены древние торговые связи с Востоком. Ее рынок как перевалочный пункт, ранее ориентированный на ось торговли Запад – Восток, в конце XIV в. во многом перестроился для двустороннего обмена с региональными рынками Северного и Восточного Причерноморья[98].

По мере увеличения числа и развития генуэзских факторий на Черноморском побережье Кавказа устанавливалась их своеобразная иерархия. Центром «генуэзской власти» в данном регионе по всем параметрам считался и был Савастополис. В нем действовал официальный, назначенный метрополией консулат, а савастопольская контора осуществляла наибольший объем торговых сделок. Сеттльмент был хорошо укреплен и пользовался определенными политическими привилегиями и гарантиями, данными местными князьями. Савастопольская фактория была достаточно плотно населена итальянскими гражданами. Для эпохи средневековья на Кавказе сам город считался высоко развитым населенным пунктом с вполне адекватно сложившейся системой торговли и производства. К Савастополису сходились многие караванные, в том числе транскавказские пути, в гавани города был оборудован хороший порт, который выделялся своими масштабами среди себе подобных на Кавказском побережье. В глазах практичных генуэзцев Савастополис по этим и многим другим причинам по праву считался наиболее важным торговым пунктом Лигурии на Западном Кавказе и, после Каффы, во всем Северном и Восточном Черноморье. Естественно, значение Савастополиса для Коммуны также определялось большой емкостью его рынка.

По мере развития сети генуэзских факторий по Кавказскому побережью, помимо иерархии, устанавливалась и специализация факторий. Об этой специализации свидетельствуют и названия

[98] *Balard M.* Op. cit., vol. II, p. 571.

некоторых поселений. Например, фактория Каво ди Буксо (варианты названия: Каво де Бусси, Као де Буке, Бомбор; буквально – «залив (или бухта) самшита») была расположена в Бомборской бухте. Генуэзцы часто называли Абхазию «берегом ценного леса». Эта фактория, зафиксировавшая в самом наименовании свою коммерческую специализацию, являлась подлинным центром средневековой черноморской торговли строительным лесом и ценными породами древесины. «Дровосеки-абхазы, – пишет Эер, – спускались с гор и приносили из лесов, находившихся в глубине самого Кавказа, вязанки самшита в факторию Каво де Бусси, где обменивали эту ценнейшую древесину вес на вес на керченскую соль», доставленную генуэзцами[99].

Портовый город Фазо Фасция, например, вошел в историю как довольно крупный работорговческий рынок. Его масштабы вряд ли были сравнимы с оборотом работорговли, осуществлявшейся в самой Каффе, но среди других генуэзских поселений на Западном Кавказе Фазо Фасция выделялся именно своей специализацией на работорговле. Характер этого рынка во многом определялся не только тем, что в город поставлялись рабы из окрестных селений, расположенных по побережью, но и тем, что Фазо Фасция был основан в устье полноводной тогда реки Риони – водного пути, по которому доставлялись рабы из горных районов Кавказа.

По мнению Б.В. Бадяна и А.М. Чипериса, один из основных путей, связывавших Каффу XIV в. (следовательно, и Западную Европу) с Индией, откуда поступали пряности Молуккских островов, проходил через Каспийское море по реке Куре до Тифлиса, далее по реке Фазис (Риони) к городу Фазо Фасция в ее устье, далее по Черному морю (методом каботажа) до самой Каффы[100]. Так что помимо центра работорговли нынешний Поти

---

[99] Heers J. Op. cit., pp. 260-261.

[100] Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII–XVвв. – Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 183.

мог быть и перевалочным пунктом торговли специями (перцем, имбирем, корицей и др.).

Итак, Генуя довольствовалась развитием сети факторий и небольших сеттльментов своих граждан, которые обеспечивали и защищали коммерческие интересы Коммуны на Западном Кавказе. Если Генуя в принципе и намеревалась создать на Черном море «централизованную империю» по образу и подобию венецианской, то у нее практически ничего не вышло с установлением «строгой иерархии» и полным политическим подчинением черноморских городов-портов западноевропейской метро – полии[101].

§ 3. Типичные черты строения итальянских сеттльментов

Поселения, сеттльменты (в нашем случае – особый район городов, заселенный в основном лицами итальянского происхождения (подданными Лигурии) и управлявшийся генуэзской или каффинской администрацией), торговые фактории и станции, созданные генуэзцами на землях западнокавказских правителей, имели, как правило, сходную с Генуей или Каффой социальную, политическую, институциональную (административно-юридическую) структуру, но не пользовались широкой автономией и экстерриториальностью. Сохранилось чрезвычайно мало исторических документов, которые донесли бы до современных исследователей сведения об организации генуэзских поселений на берегах Кавказа. Тем не менее, анализируя имеющиеся данные, можно предполагать, что основные известные медиевистам характеристики генуэзских центров на Черном море, как Каффа или Солдайя (современный Судак), в целом типичны для Савастополиса, Фазо Фасции, Ло Вати и других итальянских сеттльментов и факторий.

[101] Balard M Jp. cit.,m vol. II, p. 890.

По мнению М. Балара, все генуэзские предприятия на Черном море пережили схожие процессы формирования и развития[102]. «Большинство (генуэзских поселений – Авт.), особенно на Черном море, было не более чем факториями, юридически подвластными метрополии и управляемыми несколькими чиновниками, но чаще находились под началом одной из трех главных колоний – Перы, Хиоса или Каффы»[103].

В первый период большинству генуэзских торговых предприятий на Западном Кавказе удалось, видимо, добиться у местных властей некоторых экономических и, что особенно важно, таможенных привилегий, которые (на последующих этапах экспансии) итальянцам удалось превратить в право самостоятельного сбора таможенных пошлин. Иноземные купцы располагали в целом гарантированной свободой передвижения по этим землям, в том числе даже вглубь Кавказа. Сейчас трудно выявить, каким именно образом были получены эти разрешения, торговые и иные привилегии. По-видимому, этому содействовал целый комплекс генуэзских дипломатических, экономических и определенных военных демаршей (возможно, в форме шантажа вторжением) перед лицом местных феодалов.

Стимулирующую роль в развитии торговли Генуи с Кавказским берегом сыграли выходцы (хотя их было сравнительно немного) из итальянских республик, закрепившиеся на постоянное жительство в поселениях Причерноморья. Они предпочитали селиться, организовывать свои сеттльменты в самих гаванях, поближе к портам – местам прибытия кораблей и, следовательно, непосредственных торговых сделок.

Генуэзцы, известные градостроители и портовики средневековья, видимо, достаточно удачно «урбанизировали» по своему вкусу причерноморские поселения. Об этом свидетельствует прекрасно сохранившаяся генуэзская крепость в Солдайе (око-

[102] Balard M. Op. cit., vol. p. 129.

[103] Ibidem.

ло Судака) – мощное, величественное, отлично размещенное и укрепленное сооружение, другие памятники итальянской культуры на Черном море.

Сеттльменты на Кавказском берегу, по-видимому, представляли собой обнесенный стеной участок города с торговыми конторами, гостиными дворами, магазинами, жилыми домами, защищенный высокими оборонительными башнями, характерными для генуэзской архитектуры. Эти крепости на берегах Кавказа в XIV – начале XV вв. уже были вооружены огнестрельным оружием, в том числе и пушками, в башнях оборудовались пороховые погреба[104].

Помимо наемных солдат-стрелков (стипендиариев), гавань крупных поселений охранялась служителями, которые выполняли своего рода полицейские функции. В 1449 г. в Каффе им было положено довольно солидное ежемесячное жалованье в 120 аспр[105]. Не меньшим, если не большим (в силу социальной «взрывоопасности», политической нестабильности региона), видимо, было жалованье стипендиариев на берегах Кавказа.

Ф. Энгельс в «Дополнениях к третьему тому «Капитала»» приводит уникальные исторические данные об организации и структуре генуэзских торговых факторий. Сеттльменты лигурийцев в «чужих» гаванях походили на своего рода гостиные дворы, состоявшие из жилого помещения, трактира, склада, «выставочного» помещения, самого магазина и общей конторы[106]. Торговые сделки в этих конторах проводили сразу несколько купцов: те, кто постоянно жил на месте и обеспечивал регулярный обмен, и странствующие купцы-мореходы, прбывшие со своим товаром. Ф. Энгельс также отмечает, что генуэзские купцы, объединенные в «законченные торговые товарищества», были ограждены от конкурентов и «посторонних»

[104] Брун Ф. О поселениях... С. 39–400.

[105] Там же.

[106] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч 2. С. 476.

клиентов; они продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, и совместно определяли цены, которые приходилось платить «туземцам» за товары[107].

В исследуемый период все лигурийские торговые города-порты на Черном море имели сходную с метрополией институциональную структуру. В течение полутора веков развивались колониальные административные методы, совершенствовались системы управления и взаимоотношений итальянцев с местными народами. Организация факторий во многом была идентичной. Вдали от Генуи консулы и коменданты стремились укрепить свою власть, разнообразили функции и задачи итальянской администрации. Причерноморскими сеттльментами, в том числе и на побережье Кавказа, в конце XIV в. управляли наряду с консулом небольшие постоянные советы, состоявшие из представителей торговой аристократии латинского происхождения. Местная знать в эти советы не допускалась, хотя у нее была возможность принять участие в одной из многочисленных временных (гораздо реже постоянных) комиссий, которые под надзором вышестоящего органа принимали решения по тем или иным секторам деятельности – администрированию, снабжению, вопросам обороны и т. д. Постоянный рост числа колониальных чиновников ослаблял эффективность и единство действий лигурийской администрации на Черном море: «Генуя перенесла за море свои институциональные ошибки метрополии»[108]. Финансовая помощь метрополии, очевидно, была ничтожной, а поступления от налогов, таможенных и других сборов едва отвечали нормальным потребностям социально-экономического развития Причерноморских городов и в основном поглощались чиновничеством, их обслугой и охраной[109].

---

[107] Там же.

[108] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 891.

[109] Ibid., p. 891-892.

Административная организация факторий на востоке Черного моря несколько запоздала по сравнению с их коммерческой организацией. Если на юге своих черноморских «владений» генуэзцам (в силу умелого использования гражданских междоусобиц Великих Комнинов и их столкновений с турками) удалось добиться существенных административных и юридических уступок со стороны Византии, то весьма запоздалое административное закрепление итальянцев на побережье Кавказа обусловлено тем, что лишь в начале XIV в. им удалось воспользоваться относительным ослаблением (из-за междоусобиц) кавказских владетелей и добиться сколь-либо значительных уступок.

По мере закрепления Генуи на берегах Кавказа, очевидно, возникла необходимость в штате колониальных чиновников, которые представляли бы интересы Коммуны на местах и занимались бы выполнением специализированных задач: отправлением правосудия и торгового арбитража, решением других юридических вопросов, финансовыми проблемами, вопросами обороны и снабжения сеттльмента. Они регулировали экономическую деятельность с учетом складывавшейся торговой конъюнктуры, корректировали перечень наиболее ходовых и ценных товаров, предложенных Генуей к экспорту, рассматривали целесообразность тех или иных закупок, осуществлявшихся государственными организациями (например, зерна) для вывоза в Лигурию, влияли на ценообразование, возможно, выступали в роли заказчиков, оповещая метрополию о нехватке или избытке какого-либо товара, выгодных условиях купли-продажи. Скорее всего, на этих чиновников была возложена также функция контроля за соблюдением прав местных торговцев. Чтобы избежать злоупотреблений со стороны консулата, центральные власти Коммуны были вынуждены прибегнуть к изданию ряда специальных законодательных актов, предписаний. Они, будучи в целом адаптированы к местным условиям, устанавливали общие

принципы генуэзского законодательства на Западном Кавказе. Генуэзская администрация на местах в целом копировала порядки, принятые в метрополии. Консулы, назначаемые Коммуной, в основном принадлежали к генуэзской торговой аристократии и использовали данные им по закону преимущества для собственного обогащения: «Колониальная администрация прежде всего являлась инструментом господства и эксплуатации»[110].

Несмотря на большое количество изданных в метрополии законов, распоряжений и рекомендаций относительно пребывания итальянцев на берегах Черного моря, злоупотребления властей на местах принимали чрезвычайные формы. Так, Э.В. Данилова цитирует выступление одного из ораторов на Большом совете Банка св. Георгия 12 ноября 1453 г., который прямо говорил «о дурном правлении», имевшем место в колониях Причерноморья[111].

На народы, на чьих землях действовали генуэзские чиновники, чувствовавшие себя в силе, навязанное законодательство налагало много обязанностей и предоставляло мало прав. Администрация факторий консультировалась с местными жителями лишь в случае возникновения или возможности крупных конфликтов, серьезных кризисов отношений. Текущие же вопросы решались безо всякого участия местных представителей. Все усилия генуэзских чиновников на Кавказе были направлены на защиту и расширение и без того весьма значительных прав граждан Лигурии. Именно им консулаты пытались обеспечить лучшие условия торговли, привилегированное положение в перекупке и экспорте продуктов. Военные и дипломатические средства являлись лишь подспорьем этой чисто коммерческой политике.

Консулат в Каффе был введен с 1281 г. и вначале (на короткий срок) подчинен подестату Перы. С середины XIV в. формально

[110] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 356.

[111] Данилова Э.В. Указ. соч. С. 203.

его прерогативы распространялись и на Кавказское побережье, хотя по мере укрепления организованных там сеттльментов их администрация стремилась к автономии от Каффы. Особенно это было свойственно Савастополису. Обычно консул назначался на год, но часто он действовал до прибытия своего преемника. Быстрая в тех исторических условиях сменяемость глав администраций, видимо, диктовалась повсеместным стремлением должностных лиц преимущественно обеспечить собственные коммерческие интересы. В Каффе созывался еще Большой и Малый советы граждан Лигурии, которые помогали консулу в отправлении власти (неизвестно, существовали ли подобные органы в Савастополисе). Задачи консулата, по «Ордо ди Каффа» 1316 г. (Статуту (уставу), закреплявшему права и обязанности генуэзцев в Крыму и на Кавказе), определялись следующим образом: управление финансами фактории, осуществление правосудия, дипломатическое представительство Генуи, проведение в жизнь политики, определенной в метрополии. Консул был ответственен за бюджет итальянской части поселения. Он решал вопросы, связанные с налогами (в Каффе – вместе с советами), наблюдал за покрытием долгов и финансовых обязательств, сбором пошлин. Проблемы снабжения, обороны, крупных строительных работ в сеттльменте, найма матросов и солдат также входили в компетенцию консула.

Одной из самых больших прерогатив консула было отправление правосудия в границах фактории. В этом ему помогал викарий. По статуту Каффы 1316 г. должность викария отсутствует, но часто встречается в бумагах уже середины XIV в. В основном этот пост был занят профессиональным юристом. В функции консула входило удовлетворение жалоб, он же присуждал телесные наказания. Консул должен был поддерживать престиж Генуи в глазах местных властей и знати, принимать их посланников, вести переговоры по конкретным текущим вопросам. К этому, собственно, и сводились его дипломатические функции.

Естественно, что несмотря на некоторые ограничения, предусмотренные законодательством, на практике генуэзские чиновники прежде всего стремились обеспечить своим торговцам статус наибольшего благоприятствования при обмене с местными жителями. По закону доходы консула слагались из конкретного процента отчислений с суммы собранных им налогов и пошлин. Однако факт, что даже генуэзское законодательство предусмотрело возможность злоупотреблений со стороны консулов, указывает на то, что в генуэзских поселениях на Черноморском побережье явно процветала коррупция, за счет которой обогащались официальные агенты Лигурии. Место консула было выгодным, потому-то его и старались занять представители крупных итальянских торговых домов (сыновья владельцев, пайщики), которые определенно действовали во имя удовлетворения собственных интересов.

Благодаря большой экономической роли Каффы, ее консулат быстро сделал попытку распространить свое влияние на Западно-Кавказский регион. Однако назначение консула в Савастополис свидетельствует об известной самостоятельности Абхазского берега по отношению к Каффе. По статуту Каффы 1316 г. консулату этого города было запрещено распространять свое влияние на другие предприятия генуэзцев на Черном море. Но уже с 1343 г. консул Каффы Дондедео де Джусто носит титул консула Генуи в Каффе и по всей Газарии[112]. (В Газарию включались тогда Крым и черноморское побережье Кавказа. – Прим. автора.)

Плата, определенная консулу Каффы в 1316 г. в 4800 аспр, уже в конце века (1386 г.) поднимается до 350 соммов или примерно 56 тыс. аспр по существовавшему тогда курсу, плюс 6 тыс. аспр на непредвиденные расходы[113].

Первоначально штат консулата в Савастополисе был малочисленен, но по мере развития фактории он, очевидно, увели-

[112] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 373.

[113] Ibidem.

чился. Известно, что в штат консула в Савастополисе входил писец, он же выполнял функции нотариуса. По предписаниям Оффициума Газарии 1316 г., нотариус должен быть только коренным генуэзцем и принадлежать к корпусу генуэзских нотариусов.

О выгодности должности консула и нотариуса в заморских итальянских поселениях свидетельствует тот факт, что за занятие должности консула или нотариуса была определена довольно высокая плата. Это же является подтверждением тезиса о коррумпированности генуэзских представителей в Черноморских поселениях.

Консул Каффы принимал посланцев владетелей Зихии[114], у которых генуэзцы покупали зерно и другое продовольствие.

При генуэзском консуле в крупных поселениях существовал секретариат, где была учреждена должность переводчика. Собственно консулат охранялся солдатами-стипендиариями с назначенным из метрополии командиром. Военачальник, выполнявший полицейские функции внутри фактории, и военачальник, занимавшийся вопросами обороны, также входили в свиту консула. В Каффе, например, был учрежден специальный отряд наемников для защиты интересов Коммуны в других факториях Генуи на Черном море. Таким образом, предусматривались в случае осложнения отношений с местными жителями военные экспедиции.

Консул выполнял не только функции итальянского представителя перед лицом местных князей и феодалов, но и судьи (арбитра) в границах самого сеттльмента, реже, по-видимому, в отношении жителей, населявших прилежащие земли или трудившихся на них.

На восточном берегу Черного моря генуэзские торговцы в первую очередь проникли в Савастополис. В документе, опубликованном Г. Брэтиану, значится, что уже с 1280 г. там действовал

[114] Ibid., p. 372.

итальянский нотариус[115], в чьи функции входило утверждение торговых сделок. Но только в XIV в. эта фактория получила постоянную генуэзскую администрацию в лице консула, нотариуса, писца и т. д. Такой длительный период административного закрепления на землях Савастополиса, скорее всего, был связан со сложными отношениями Лигурии с местными феодалами.

Первым известным нам по имени генуэзским консулом в Савастополисе был, как указывалось выше, Амброджио ди Пьетро (1354 г.)[116].

Регистры каффинской Массарии называют несколько имен представителей Генуи в Савастополисе. В 1373 г. в городе работал Бениссе Дарагис (Benisse Daragys), в 1374 г. – Неаполионус де Струппа (Neapolionus de Struppa), в 1381 г. – Антониус де Лазаро (Antonius de Lasaro), а Иноффиус де Мари (Jnoffius de Mari) – в 1382 г., в 1399 г. – Микеле Драго (Michele Drago)[117]. Фамилии всех вышеперечисленных нотариусов свидетельствуют об их явно латинском происхождении. На территории зихов в Сан-Джорджио в 1344 г. действовал нотариус Оберто ди Сильво[118].

По некоторым данным, центральная администрация Каффы оплачивала найм дома, где жил персонал консульства Савастополиса, и две баклаги вина в год[119].

Записки в Массарии Каффы говорят о том, что во второй половине XIV в. в северо – и восточночерноморских сеттльментах консул одновременно осуществлял гражданскую и военную (за исключением Каффы) власть, он носил титул *кастелланус* (castellanus), получал довольно крупную сумму денег – до 600 соммов в год (в нее входила зарплата самого консула, его шта-

---

[115] Bra'tianu G.I. Actes dea notaires..., p. 177.

[116] Heyd W. Op. cit., vol. II, p. 111.

[117] Archivio Segreto. Diversorum negociorum, №499, f. 33z. Цит. по: Balard M. Op. cit., vol. I, p. 142.

[118] Balbi G., Raiteri S. Notai genovese, p.137.

[119] ASG, Caffa Massaria, 1381, f. 411v. – Цит. по: Balard M. Op. cit., vol. I, p. 141.

та и некоторые расходы на содержание фактории). В Солдайе, например, на эти деньги консул содержал двух служителей (чиновников), верхового для поручений, личного писца, нотариуса, двух казначеев, переводчика, трех секретарей суда, трех почтовых служащих, четыре–шесть стипендиариев своей личной свиты. Отдельно центральные власти метрополии оплачивали военную охрану фактории. Генуэзский гарнизон Солдайи, состоявший из 46 человек, в 1376 г. был увеличен до 80 человек, а в 1381 г. контингент солдат был сокращен до 12 человек и вновь увеличился до 60 человек в 1386 г. Содержание целого гарнизона (в шесть десятков воинов) в Солдайе стоило властям Каффы в 1386–1387 гг. 717 соммов[120].

Исходя из этих данных и с учетом того, что магистрату Савастополиса было определено содержание в две трети суммы консула в Солдайе, мы можем предположить, что штат консульства на абхазском берегу был скромнее. Тем не менее этих денег должно было хватить на оплату деятельности самого верховного представителя метрополии на Западном Кавказе и нескольких чиновников консулата: писца, нотариуса, переводчика, секретаря и небольшой личной свиты из нескольких солдат. Очевидно, консулу незаметно удавалось присваивать часть пошлины и налогов на торговые сделки, а также экономить на содержании своей свиты. Вероятно, размеры бюджета военного гарнизона и, следовательно, его состав определялись в зависимости от политической ситуации, поскольку деньги на эти цели выделялись метрополией отдельно.

Савастопольский магистрат – высший орган чиновников, управлявших генуэзской частью города – получил содержание в 1382 г. 40 соммов в год. Метрополией была установлена своего рода иерархия магистратов (консулов или комендантов) в зависимости от выделяемых на их содержание средств, в том числе из доходов фактории. Например, консулу Трапезунда в 1449 г.

[120] Caffa Massaria, 1386, f. 578-5890.

была выделена также сумма в 40 соммов, равную сумму получил и высший администратор Чембало (современная Балаклава) в 1386 г.[121] Консул, в свою очередь, должен был вносить в казну Коммуны отчисления с доходов сеттльмента – сталлию (stallia). Размеры сталлии зависели от места фактории в иерархии заморских поселений Генуи, то есть от складывающейся торговой конъюнктуры.

Удержания с доходов севастопольского консула были определены в 1423 г. в 15 ливров и, что существенно, равнялись выплатам, взымавшимся с консула Трапезунда[122]. Это говорит о фактической равнозначности в глазах Коммуны поселений в Севастополисе и Трапезунде.

Генуэзские консулы получали свое содержание исключительно из доходов колонии. Оно практически не менялось на протяжении десятилетий, хотя «колониальная» монета в те годы только девальвировалась. «Стагнация зарплат имела очень негативные последствия»[123], поскольку снижение уровня жизни «восточных» консулов, во-первых, препятствовало приходу на эти посты достойных кандидатур, во-вторых, еще более усиливало коррупцию в среде генуэзских чиновников. В частности, это послужило одной из причин перехода заморских владений Генуи в ведение Банка св. Георгия.

Одной из основных прерогатив консула было осуществление правосудия от имени Коммуны Генуи. В статутах факторий этой обязанности уделялось большое внимание. Консул, в частности, приносил присягу о том, что будет судить по генуэзским законам, однако в действительности ему приходилось считаться со многими местными порядками и идти на компромиссы.

Полицейские и следовательские функции возлагались в основном на ночных стражей, а функции торгового арбитража –

---

[121] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 478-479.

[122] Ibid., p. 479.

[123] Ibidem.

на викария. Распространение юрисдикции Коммуны на поселения побережья Черного моря было бы бессмысленным, если бы Генуя не смогла бы «заставить себя уважать», пишет, в частности, М. Балар[124].

Теоретически воинская повинность возлагалась на всех граждан фактории, способных носить оружие. Однако в самой Каффе и в других крупных поселениях, типа Савастополиса, Фазо Фасции, Ло Вати, существовали наемники. Обычно консулы (по указу метрополии) воздерживались от найма в «войско» представителей местных народов: охрана генуэзских факторий была практически без исключения зарезервирована за итальянцами. Однако уже в конце XIV в. на военных судах республики появляются выходцы из восточных колоний (примерно один из каждых шести гребцов был зихом или абхазом)[125].

Удаленность от метрополии способствовала тому, что уже в начале XIV в. западнокавказские сеттльменты стремились к автономной дипломатической деятельности.

Дипломатия возмещала консулам и другим должностным лицам Генуи нехватку военных средств. Для защиты от внешней агрессии крупные фактории Генуи на Черном море применяли практически идентичные средства: закупку оружия, оплату наемников, вооружение галер. Нанимали или увольняли солдат в зависимости от политической ситуации. Во многом проблема организации обороны сеттльмента от внешней агрессии зависела от его географического и политического положения, особенно учитывались отношения с местными властями.

«Генуя, правительство которой постоянно лихорадило на протяжении нескольких веков, была неспособна определить и последовательно проводить на Востоке соответствующую ситуации политику»[126], – пишет М. Балар. В первую очередь, из-за

[124] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 441.
[125] Ibid. p. 452.
[126] Balar M. Op. cit., vol. II, p. 455.

удаленности факторий от метрополии: пока Генуя присылала на место своего полномочного представителя для участия в разрешении конфликта, ситуация могла измениться неоднократно. С другой стороны, метрополия вынужденно оставляла за консулами большие возможности для инициативы.

В этих условиях отношения администрации генуэзских факторий с местными властями складывались преимущественно на прагматической основе. Консулы ориентировались на возможно более гибкую политику, на союзы, на краткосрочные решения, причем старались не связывать себя долгосрочными обязательствами с учетом возможного изменения торговой или политической конъюнктуры. Например, при ухудшении отношений с татарами итальянские власти Каффы нередко искали союза с сильными владетельными князьями Северо-Западного Кавказа. В 1386–1387 гг., для того чтобы обезопасить Каффу в случае агрессии татар из Сольгата, консулат города интенсивно укреплял связи с крупными феодалами Зихии, особенно с Теортобогой, который контролировал Керченский пролив. В указанный период эти отношения носили даже «стратегический» характер, ибо от зихов во многом зависело снабжение самой Каффы продовольствием: посланцы города неоднократно закупали в Зихии зерно и другие виды продовольствия.

Власти метрополии посылали периодические инспекции (синдиков) для ознакомления на местах с деятельностью и отчетными книгами консулов. В функции синдиков входил контроль над балансом доходов и расходов фактории. Проверки также проводились вновь назначенными консулами или нотариусами.

Особо нужно указать на такой крупный источник доходов Лигурии и, следовательно, консулатов от торговли с местными народами, как сбор пошлины. В Уставе Черноморских факторий, принятом в Генуе в 1449 г., специально подчеркивалось

право савастопольского консула взимать пошлину со всех экспортно-импортных товаров в размере «одного процента стоимости товара за ввоз и столько же за вывоз»[127]. На эти деньги, как уже указывалось выше, консулу предписывалось содержать небольшой «таможенный» персонал – письмоводителя, переводчика и курьера, хотя в этом документе ничего не сказано об охране, стипендиариях.

Был установлен также специальный налог на рабов – выходцев из восточных районов Черного моря: 33 аспра за «голову» при всякой «передаче прав»; по 8 аспр за «голову» от каждого хозяина раба[128]. Оффициум св. Антония снимал отдельный налог с каждого раба, вывезенного с Кавказа.

По Массарии Каффы можно проследить за расходами на дипломатическую деятельность: казначей Каффы, например, в 1374-1375 гг. выделил огромную сумму в 39 600 аспр для подготовки двух важных посольств, отправленных к монгольскому хану и в Савастополис. Высокие расходы на посольскую миссию в главный город Абхазии – Савастополис – свидетельствуют о большом значении хороших отношений с местными князьями в глазах Генуи. Дипломатические усилия Генуи на Черном море подкреплялись дорогостоящими подношениями феодальной знати. В Массарии Каффы отмечены расходы на подарки сеньору Зихии[129].

В 1386–1387 гг. отношения с западнокавказскими феодалами складывались, очевидно, неплохо, поскольку консул Каффы содержал только одну сторожевую галеру и несколько бригантин, чтобы обезопасить каботажное плавание по Черному морю и обеспечить связи с факториями на Кавказском берегу (Ibid., p. 397).

---

[127] Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуу в 1449 году. – ЗООИД. Т. 5. С. 809.

[128] Balard M., Op. cit., vol. II, p. 412.

[129] Ibid., vol. I, p. 396.

Скорее всего, социальная структура генуэзских городов и поселений на берегах Кавказа была сходна со структурой общества в самой Каффе и, видимо, Генуе[130].

В специальном распоряжении Оффициума Газарии (изданном в 1316 г.) утверждалось, что гражданами Генуи могут считаться исключительно ее уроженцы. Устав 1449 г. уже постфактум закреплял привилегии, в том числе таможенные и рабовладельческие, находившихся в абсолютном меньшинстве в населении причерноморских городов-факторий итальянских граждан-«латинян»[131].

На верхней ступени иерархической лестницы стояли исконные граждане Генуи, которые в совокупности являлись правящей верхушкой города. Среди них можно выделить представителей администрации, в том числе консула и его ближайшее окружение, прелатов и духовенство вообще, наиболее богатых купцов, принадлежащих к известным генуэзским торговым домам, финансовых магнатов, в том числе представителей крупного ростовщичества, владельцев и капитанов кораблей, архитекторов, лекарей, учителей. Городская аристократия была представлена исключительно уроженцами Лигурии – «cives Januenses». Из нее формировались городские власти. Следующую ступень в социальной пирамиде (burgences) занимали *горожане,* владевшие недвижимостью или весьма значительным состоянием, представители местных (не «латинских») этнических групп: торговцы, в том числе розничные, владельцы ремесленных мастерских, ростовщики. К категории «горожане» можно причислить итальянцев – *простолюдинов*: наемных солдат, матросов с кораблей, приписанных к данному порту, а также (более условно) группы разорившихся итальянских купцов, бывших представителей других, более почтенных профессий, которые были вынуждены заниматься почти любой работой.

[130] Данилова Э. В. Каффа в начале... С. 202.

[131] Юргевич В. Устав... С. 809–810.

Эти, по сути дела маргинальные прослойки или группы общества, скорее всего, обладали все же большими, нежели простые *жители* (habitatores) правами, просто в силу самого своего романского происхождения. К жителям относились мелкие и мельчайшие торговцы, работники ремесленных мастерских, прислуга, корабелы, различного рода мелкие служащие кавказского происхождения. В самой Каффе к концу XIX в. *горожане* получили политические права и сблизились, насколько это было возможно, с правящей генуэзской *аристократией*[132]. В свою очередь, в западнокавказском обществе в исследуемый нами период продолжались процессы прикрепления крестьян к земле и постепенно исчезало свободное производящее население. Некоторые исследователи считают, что процессы феодализации затянулись в горных районах Западного Кавказа вплоть до XVIII в. Прибрежные и горные районы отличались друг от друга особенностями социально-экономического развития, возможно, в силу сравнительно большей неразвитости экономической базы нагорного региона.

В XIII–XV вв. в наиболее общем виде еще не стабилизировавшаяся окончательно социальная структура Восточного Причерноморья выглядела следующим образом.

Абсолютно высшую ступень в общественной иерархии занимал царский (княжеский) род, к которому вплотную примыкал сильно развитый слой военной и служилой аристократии (дидебулы, крупные азнауры), а также церковные феодалы. По мере развития частной собственности на землю представители княжеских родов и военно-служилая знать получали в личное владение крупные поместья.

По мере распада единой Грузинской монархии проявлялась также тенденция к превращению в наследственную привилегию выполнения тех или иных государственных и военных

[132] Гольдшмидт И.А. Каффа – генуэзская колония в Крыму в конце XIII – первой половине XV вв. Автореф. дисс. к.и.н. – М., 1952. С. 11.

функций[133]. Например, привилегированным являлось военное сословие азнауров, а эриставство по мере развития общества превратилось в наследственную прерогативу.

Торговля с Генуей являлась одним из основных источников удовлетворения потребностей господствующего слоя крупных западнокавказских феодалов, во внешней политике которых просматривались военно-паразитические тенденции.

Высшие иерархические сословия осуществляли наряду с чужеземцами непосредственную налоговую и трудовую эксплуатацию общинников. Наиболее тяжелый гнет несли на себе (особенно в Зихии) рабы, сидевшие на княжеских землях, так называемые княжеские крестьяне (сервы), и находившиеся в сфере крупных храмовых хозяйств церковные крестьяне. В Абхазии же долгое время существовали общины, в которые входили свободные крестьяне и/или поденщики. Их можно отнести условно к верхнему слою общинников, которые назывались в Грузии «тадзреулни» или «эри», то есть относительно свободные люди, которые занимали часть княжеских земель за выполнение воинской повинности, выплату назначенных целиком на общину налогов и определенную трудовую повинность.

В целом в Абхазии и Мегрелии, по сравнению с остальными районами Грузии, еще в XIII–XV вв. существовала сравнительно большая масса непосредственных производителей, которые все еще сохраняли личную свободу и известную собственность на средства производства (в личной или общинной форме).

Потенциальной опорой крупных феодалов являлось также торгово-ремесленное население прибрежных городов. Оно, вероятно, и служило связующим звеном между феодалами Западного Кавказа и генуэзскими негоциантами, работорговцами. Вообще, существует мнение, что торговцы считались как бы инородным телом в кавказском обществе, видимо из-за специфики их основных функций, их ролей.

[133] См.: Меликишвили Г. Указ. соч. С. 139.

Относительная нестабильность социальной структуры исследуемого региона подтверждается тем, что часть населения (обладатели юридического статуса свободных людей) широко занималась разбоем, в основном набегами на более слабых соотечественников, захватом в плен крестьян и их последующей продажей в рабство генуэзцам. Довольно широкой была маргинальная прослойка разорившихся людей – нищих, в основном обретавшихся в портах.

По-видимому, две социальные структуры – местная, кавказская, и генуэзская – сосуществовали, не переплетаясь, в восточном Причерноморье вплоть до ухода итальянцев из региона.

Ученые дискутируют о типе социальных отношений, существовавших в XIII–XV вв. в генуэзских поселениях на Черном море между итальянцами и местными жителями. Зевакин и Пенчко писали о том, что увеличивающееся имущественное неравенство создало резкое деление на «жирный народ» (popolo grasso) и «тощий народ» (popolo minuto)[134]. Из Устава Каффы 1449 г. известно, что коренные жители Мапы не освобождались даже в самые экономически тяжелые годы от уплаты налогов в пользу Генуи[135].

М. Балар не согласен с точкой зрения, что в Каффе и других генуэзских городах между чужестранцами и «аборигенами» господствовали отношения феодального типа: то есть как между «элитой господ», относительно малочисленной, и местным сообществом, порабощенным, отрезанным от торговли и торговой прибыли, от экономической жизни и неспособным «сбросить своих поработителей в море»[136].

Если бы это было так, утверждает историк, тогда история генуэзской колонизации писалась бы как непрерывная цепь «со-

---

[134] Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. С. 6.

[135] Statuto di Caffa, t. 2, p. 637.

[136] Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории... С. 70–77.

циальных взрывов и обострений», в ходе которых подчиненные местные народы из-за голода или налогового гнета все время пытались бы расшатать устои «западноевропейского ига», призывая на помощь различных союзников (кавказцы, например, монголов). Версии социальных отношений, подобные предложенной Е.С. Зевакиным и Н.А. Пенчко, М. Балар называет интерпретацией, основанной на постулате расовых (этнических) конфликтов[137].

Г. Брэтиану, в свою очередь, считает, что человеческие отношения на Черном море развивались «свободно», вне жестких рамок «слуга/господи». В генуэзских сеттльментах не было ни вассалов, ни зависимых, ни хозяев. Экономический успех определял положение каждого в обществе, а «коммерческая революция», связанная с закреплением генуэзцев, содействовала тому, что «ранее униженные» могли достигнуть высокого имущественного ранга. Местные же этнические сообщества, высказывается Г. Брэтиану, лишь выигрывали от экономического развития, роста богатств – результатов интенсивной экономической деятельности лигурийцев[138].

Интерпретация, принадлежащая Е.С. Зевакину и Н.А. Пенчко, по М. Балару, слишком радикальна. Мнение этого ученого противоречит и точке зрения Г. Брэтиану, как слишком «умиротворенной» и все упрощающей. Сам М. Балар полагает, что, например, в Каффе и других Черноморских факториях только греки, армяне, татары и евреи изредка разделяли прибыль с генуэзской торговой аристократией. Даже если местная знать и обогащалась рядом с генуэзцами, тем не менее она не входила в их замкнутый социум: «Генуэзцы закрепились на Востоке, принеся с собой психологию, мощно проникнутую существованием отношений зависимости»[139].

---

[137] Balard M. Jp/cit., vol. I, p. 310-311.

[138] Bratianu G.I.Recherche sur commerce..., p. 197, 291.

[139] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 311.

Национальная политика Генуи в отношении кавказцев была весьма осторожной, скорее всего из-за нестабильности положения самих итальянцев на берегах Черного моря, удаленности их поселений от метрополии, их слабости в количественном отношении и, следовательно, их уязвимости с военной точки зрения, а также всецелой зависимости прибылей от настроений местных феодалов. В равной мере генуэзцы осторожно относились к кавказцам, постоянно проживавшим в Каффе.

Выходцы с Кавказа были наверняка представлены в Каффе конца XIV в. значительной общиной, но, по непонятным причинам, пишет М. Балар, их имена фактически игнорируются дошедшим до нас сводом актов каффинской Массарии[140].

Судя по Массарии, в 1381-1382 гг. в Каффе насчитывалось свыше 30 выходцев с Кавказа, в основном ремесленников и торговцев. (В городе существовали также еврейские, русские, армянские и другие общины.) Грузин Сабадинус (Sabadinus) назвал себя в акте laborador camocatorum, Сархис (sarchis) считал себя ростовщиком, а Грамадинус (Cramadinus) и Ихарос (Ihaxos) были торговцами (mereatores)[141].

Сведения актов слишком сухо повествуют о деятельности кавказцев в Каффе. Упоминается, например, о трех аланах, живших в Каффе и Сольгате еще в 1289-1290 гг.; они пообещали поставить 2 тыс. мюидов соли двум генуэзцам и взяли задаток[142]. Кстати сказать, в своем весовом исчислении этот контракт был огромен. Если речь шла о каффинских мюидах – 281,51 кг[143], вес соли превышал 563 тонны. В Массарии упоминается также о зихах, которые постоянно проживали в Каффе и, будучи свободными и крещеными, находились на службе у итальянских

---

[140] Balard M.Op.cit., vol. I, p. 287.

[141] Cm.: Balard M.Genes et 1'Outre-Mer, t. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290, Paris-La Haye,1973, doc. №184, p.477.

[142] Musso G.G.Gli orientali nei notai genovesi di Caffa.-Archivi e cultura, 1973, v.VII, p. 107-108.

[143] См.: Pegolotti F.B. La pratica della mercatura, p. 26.

работорговцев. В их функции входила переводческая деятельность, а также охрана своих соплеменников, вывезенных в Тавриду для продажи[144].

Известно, что в конце XIV в. грузины даже одалживали деньги консулату Каффы[145], что свидетельствует об их прочном финансовом положении.

В западнокавказских сеттльментах в роли конкурентов непосредственных торговых агентов метрополии выступали каффинские купцы латинского происхождения, закрепившиеся на постоянное жительство в Газарии, которые, практически прервав свои связи с Генуей и Западной Европой, торговали здесь товарами Крыма и Кавказа. Реже, особенно если речь шла о мелкооптовых или разовых сделках, конкуренцию могущественной генуэзской и каффинской коммерции могли составить местные торговцы.

«Распределение (по этническим группам – Авт.) населения — это зеркало экономической деятельности. Но, к сожалению, в силу недостаточности сведений из источников, это зеркало сильно деформировано в том, что касается исследования различных восточных этнических групп...»[146]

В имеющихся источниках имена кавказского и вообще восточного происхождения (когда речь не идет о работорговле) практически отсутствуют, так как нотариусы в основном фиксировали сделки между итальянцами. В тех редких случаях, когда акт закреплял сделку между генуэзцем и кавказцем, имя последнего настолько искажалось в латинской транскрипции, что сегодня практически невозможно установить, о представителе какой народности шла речь.

Для изучения проблемы сосуществования двух разных социальных и национальных контингентов мало что могут дать

---

[144] Caffa Massaria, 1381, f. 325,133v. Цит. по: Balard M. Op. cit., vol. I, p. 287-290.

[145] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 418.

[146] Balard Jl Op.cit., vol. I, p. 268-269.

ономастические исследования: сведения об именах людей, проживавших в XIII–XV вв. в исследуемом регионе, крайне скудны. В нотариальных актах, касающихся выходцев с Западного Кавказа, в основном проставлены имена, данные им при крещении. Чрезвычайно редко в латинских текстах проскальзывает кавказское слово или имя.

Для многих записей генуэзских нотариусов характерна индикация профессии рядом с именами контрагентов, то есть лиц, вступивших в зафиксированную актом сделку. В актах каффинской Массарии перечисляются почти все ремесла, необходимые для нормального функционирования города.

При текстуальном анализе нотариального акта очень сложно определить, идет ли в нем речь о генуэзцах, временно посетивших данную факторию, или же о ее постоянных жителях. Источники мало что говорят по этому поводу. Можно предположить, что непосредственное окружение консула – подчиненные ему чиновники и его гарнизон – слагалось из латинян, закрепившихся на постоянное жительство.

В имеющихся нотариальных документах, оформляющих различного рода юридические акты (в том числе завещания) и составленных на Западном Кавказе, не встречаются сведения о женах и детях генуэзцев. Это косвенное свидетельство нестабильности генуэзской общины в Савастополисе и других итальянских факториях восточного побережья Черного моря. По нотариальным актам мало прослеживаются также женские имена, несомненно генуэзского происхождения.

Об относительной слабости латинской иммиграции на Западный Кавказ свидетельствует отсутствие данных о семейном положении итальянцев, так как именно наличие семьи способствовало бы их закреплению на постоянное жительство в сеттльменте. Нет также сведений о браках между генуэзцами и представительницами местных народов. Все это было значительными сдерживающими факторами для развития генуэзских

поселений. Косвенным подтверждением тезиса о слабости факторий является легкость, с которой абхазы захватили в 1455 г. считавшееся мощным генуэзское поселение в Савастополисе. Отсутствие у генуэзцев особо выраженного упорства в обороне своих жилищ и складов можно было бы также объяснить тем, что в фактории не проживали семьи итальянцев и они предпочитали сдаться на милость победителя, чем потерять жизнь.

С другой стороны, метрополия буквально навязывала своим подданным ориентацию на закрепление на Кавказе и поощряло этот процесс. Несмотря на целый ряд законодательных мероприятий, в том числе «Ордо ди Каффа» 1316 г., которые создали юридическую основу для расселения итальянцев по Западному Кавказу, а также вопреки стимулируемой властями метрополии и Оффициумом Газарии политике иммиграции на эти земли, генуэзцы, по-видимому, отрицательно относились к идее постоянного жительства в этом районе.

Не вызывали у них особого энтузиазма и длительные экспедиции вглубь кавказских гор. В пределах изучаемого региона проживало достаточно большое количество воинственных свободных горцев, которые привлекались иногда феодальной знатью к защите границ владетельных княжеств или набегам на соседние земли. Генуэзцы, торговавшие на побережье и не обладавшие внушительной военной силой, предпочитали разрешать конфликтные ситуации с местными феодалами прежде всего через дипломатические каналы: им, вероятно, так и не удалось осуществить прочных контактов с горским населением, так как, судя по корпусу сохранившихся источников, они воздержались от проникновения в глубь «богатого» Кавказа. Снаряжение же сильных, хорошо обеспеченных в военном отношении экспедиций отвлекало бы значительные людские и финансовые ресурсы от развития торговли на побережье и вряд ли окупалось бы в глазах практичных итальянских предпринимателей. Кроме того, с уходом экспедиции оголялись бы прибрежные фактории, кото-

рые могли стать легкой добычей местных феодалов или пиратов. Проникновение вглубь Кавказа также было чревато осложнением отношений с местными властями, стремившимися – по мере распада царства абхазов и картлийцев – к самоопределению, иммунитету, поскольку предусматривало налаживание политических и экономических связей с феодалами Восточной Грузии.

Повседневные отношения между генуэзцами, постоянно проживавшими в сеттльментах на берегах Кавказа, и местным населением, вероятно, строились достаточно сложно. Как с бытовой точки зрения, так и с юридической и социальной, лица западноевропейского, преимущественно романского происхождения и уроженцы Кавказа были неравноправны.

Эти этнические группы, сосуществуя на сравнительно небольшой, часто ограниченной рамками сеттльмента (иногда даже крепостными стенами) территории, как правило, не смешивались в жилищном отношении. Проживание было исключительно раздельным, хотя в крупных сеттльментах генуэзцы (за исключением разве что высших чиновников) смыкались с местными жителями в бытовом отношении, то есть привыкали к местной пище, воспринимали некоторые обычаи и т. д.

Простолюдинам, по сути дела, запрещались смешанные браки, хотя высшие феодалы могли себе это, очевидно в редких случаях, позволить. По мнению исследователя Ф.К. Бруна, в 1424 г. владетелем Матреги был гражданин Генуи Симон де Гизольфи, представитель богатейшей итальянской фамилии, женившийся на дочери грузинского (зихского) вельможи Бека II, уже после его смерти в 1391 г.[147]

В Каффе (после законов, изданных Оффициумом Газарии) лигурийцы предпочитали селиться в цитадели или их жилища образовывали фактически замкнутые торговые кварталы, в которых в основном и разворачивалась их предпринимательская деятельность.

[147] Брун Ф. О. О поселениях... С. 386.

Подобным образом генуэзцы и кавказцы сосуществовали и на берегах Кавказа. В Савастополисе сеттльмент, по-видимому, образовывал замкнутую структуру. В его границах проживали лишь те редкие местные жители, кто непосредственно служил у итальянцев (переводчики, различного рода прислуга, матросы, рабы). Другие представители кавказского этноса, которых генуэзцы в том или ином плане привлекали к своей экономической деятельности, селились поблизости (обычно вокруг самой центральной фактории), образовывая как бы слои по корпоративному признаку (кварталы мелких розничных торговцев, ремесленников – по профессиям и т. д.).

Несмотря на сложившуюся жилищную сегрегацию, встречались и исключения: в самом центре Каффы, например, в 1375 г. грузин Жолбеи соседствовал с представителем богатого генуэзского торгового дома Негроне – Джованино и двумя греками – Шиладисги и Вассилао[148]. Вполне вероятно, что «ключом» к проживанию кавказца Жолбеи в самом престижном квартале Каффы было его высокое имущественное положение.

Особо выраженного лингвистического взаимопроникновения не произошло, поскольку языковые контакты итальянцев с основной массой местного населения были преимущественно опосредованы переводчиками-толмачами. Генуэзцы нанимали себе на службу многих переводчиков – знатоков итальянского и кавказских наречий. Переводчики, таким образом, выделялись из местного этноса. Некоторые из них вывозились в генуэзские поселения в Тавриде. Например, Демерод из Савасто (то есть родом из Савастополиса) служил в 1379–1386 гг. толмачом в Солдайею[149].

Долго проживавшие на берегах Кавказа итальянцы, очевидно, сами выучивали местные языки и использовали свои знания, даже выехав оттуда: живший в Каффе Филиппо ди

[148] См.: Airaldi G. Studi..., Op. cit., p. 52, 54-57.

[149] Caffa Massaria 1381, t. 409.

Сант-Андреа переводил с «грузинского»[150]. Существовал также институт «случайных переводчиков». Из анализа исторических документов следует, что отсутствие в нотариальном акте проименованного толмача чаще всего указывало на знание одной из договаривающихся сторон языка другой или на то, что функции переводчика выполнял сам нотариус.

Параллельно нужно отметить, что с течением времени у итальянского нотариата (а функции нотариусов выполняли исключительно генуэзцы) сложился (видимо, под влиянием местных языков) своеобразный словарь, в котором наряду с правильными оборотами встречались искаженные, иногда включались слова, отдаленно напоминающие кавказские, но уже в латинской транскрипции.

Практически ничего не известно о смешанных браках между итальянцами и женщинами абхазского или мегрельского происхождения, хотя, по-видимому, таковые могли существовать. Обратный вариант – брак между мужчиной кавказского (или восточного) и женщиной итальянского происхождения был практически исключен, поскольку в быту даже обычные, повседневные их контакты были сведены до минимума.

Отдельным вопросом в истории развития генуэзских поселений на берегах Кавказа выделяется идеологическая деятельность, воздействие на местные народы представителей метрополии, к которому можно отнести и прозелитизм.

В публикациях 1867 г. газеты «Кавказ» (издававшейся в столице Грузии Тифлисе) говорится, что попытка обратить в католичество грузин была мало удачной по сравнению с более активной деятельностью католических миссий в Армении[151]. Иного взгляда придерживается Ф.К. Брун, который писал, что еще в XVII-XVIII вв. кавказские горцы хорошо помнили, что

[150] Caffa Massaria, 1381, t. 207.

[151] «Кавказ». 1867. № 54. С. 25.

их предки были обращены в христианство под влиянием генуэзцев[152].

Известно, что в 1318 г. папа Иоанн XXII учредил в Каффе отдельную епархию и назначил туда епископом францисканца Джироламо.

До 1318 г. Каффа принадлежала к так называемой Ханбалыкской епархии, в которую Ф.К. Брун включал и грузинские земли[153]. В том же 1318 г. в «Султанию» был назначен архиепископом Франко из Перуджи, которому, отмечал Ф.К. Брун, одновременно «было поручено заботиться о католической церкви во владениях Абхазии и Кавказа»[154].

Весьма активную деятельность католические прелаты вели во владениях зихского князя Верзахта, к которому папа обратился письменно в 1333 г. с изъявлениями благодарности за «его усердие в пользу католицизма». В «столице» крупнейшего феодала Зихии Верзахта – городе Матреге – был поставлен архиепископом францисканец Иоанн «из туземцев»[155]. Однако за сто лет до этого из реляции доминиканского монаха Юлиана, цитированной тем же Ф.К. Бруном, следует, что тогдашний владетель Матреги подобно своим подданным исповедовал православную веру[156].

В 1330 г. в католическую миссию в Савастополисе папа назначил епископом англичанина Петра Геральда. В. Гейд, ссылаясь на «Анналы экклезиастики» Рейнальда, писал, что савастопольский епископ Петр жил практически в нищете и был лишен всяческого влияния. Он жаловался в своем письме на то, что даже в его присутствии «местные христиане продают своих соотечественников в рабство», а он не в состоянии воспрепят-

---

[152] Брун Ф. О поселениях... С. 387.

[153] Там же.

[154] Там же.

[155] Там же. С. 380.

[156] Там же. С. 380.

ствовать этому торгу[157]. В. Гейд предполагал, что паства Петра Геральда «состояла преимущественно из грузинов (униатов) и итальянцев»[158].

Известно, что католическая церковь возлагала огромные надежды на распространение своего вероисповедания на берегах и вглубь Кавказа. Но миссионерская деятельность папского престола в этом регионе была мало плодотворной, возможно, в силу прочих позиций православия, других религий.

Легкой «добычей» католицизма становились преимущественно обращенные в рабство, которых генуэзские пастыри окрещали насильственным путем, чтобы их временные владельцы беспрепятственно могли перепродать свой товар дальше – в Западную Европу. М. Балар отмечает слабый уровень воздействия католицизма на жителей северных и восточных берегов Черного моря[159].

Отдельного внимания требует проблема юридических прав и обычаев. В крупных генуэзских поселениях на Черном море местные жители в случае необходимости урегулировать юридическим путем какой-либо спорный вопрос должны были обращаться к генуэзскому консулу или его викарию[160]. Все итальянцы и лица нелатинского происхождения, проживавшие в границах сеттльмента, подчинялись генуэзским законам. От выполнения этого правила уклонялась, скорее всего, лишь феодальная знать. Это требование метрополии свидетельствует, прежде всего, о существовании в факториях элементов дискриминации национального и социального порядка. Очевидно, что при слушании дела консулом или викарием ущемлялись права местного этноса. Исследователям удалось установить, что некоторые лигурийские фактории были вынуждены выплачивать

[157] Heyd W. Op. cit., vol. II, p. 110.
[158] Idid., p. 111.
[159] Op. cit., vol. I, p. 322.
[160] Idid., p. 334.

небольшие отчисления со своих доходов местным феодалам. «В определенных случаях эта символическая дань показывала, что генуэзские торговцы были не только полезными, но и неудобными гостями»[161].

Политические перемены, достаточно частые в XIII–XV вв. на Кавказе, болезненный процесс распада грузинского царства постоянно угрожали существованию генуэзских факторий, стабильности торгового обмена. Одним из поводов раздражения местной феодальной знати служило богатство итальянских купцов, обилие ценных товаров, сосредоточенных на их складах, но иногда – попытки Генуи расширить свое политическое влияние в регионе, акции какого-либо принуждения с позиций силы с её стороны – в какой-то момент «происходил взрыв, сеттльмент разрушался, а его обитатели, возможно, истреблялись»[162]. Подобным образом несколько раз разрушался считавшийся надежным сеттльмент в Савастополисе – в 1373–1375, 1453–1455 гг.

По каффинской Массарии можно проследить, что в 1373–1375 гг. (или несколько раньше) в Савастополисе произошли события (детали нам неизвестны), которые привели к разрушению и частичному разграблению фактории. Предполагается, что причиной этого были злоупотребления итальянского консула в отношении местных жителей, превышение им своих полномочий. Акты Массарии 1374 г. свидетельствуют, что за счет налога с торговли в Савастополисе каффинской администрации удалось возместить убытки потерпевшим ущерб купцам, а также направить в Савастополис для ведения переговоров посольство во главе с Сиретусом де Ромео (Siretus de Romeo). Целью переговоров было достижение гарантий будущих прав генуэзцев в этой фактории[163]. В середине XV в. абхазские феодалы, видимо, почувствовали военную слабость генуэзцев перед лицом

[161] Ibid., p. 129.
[162] Balard M. Jp. cit., vol. I, p. 129.
[163] См.: Balard M. Op. cit., vol. I, p. 142.

наступления османов и предпочли самостоятельно разграбить эту богатую факторию, чем дожидаться нападения турок, которые на правах завоевателей присвоили бы все имевшиеся в ней ценности и товары.

В случае нападения на свою факторию, Генуя в первую очередь обычно направляла к местным владетелям послов (часто из ближайших торговых центров), то есть преимущественно старалась использовать дипломатические каналы, выбирала мирный путь к новому налаживанию взаимоотношений с феодалами, на чьих землях был организован сеттльмент. Гораздо реже использовался вооруженный флот для проведения возможных репрессий или угрозы восстановить статус-кво силой. Переговоры, как правило, завершались заключением очередного договора о коммерческо-предпринимательской деятельности итальянцев в данном районе на несколько лет вперед.

Такая политика была вынужденной и диктовалась, вероятно, не столько «миролюбием» Коммуны, сколько удаленностью метрополии от своих заморских факторий и, следовательно, объективной невозможностью срочно организовать внушительную «карательную экспедицию». Кроме того, поскольку Генуя не преследовала цели полной политической и военной колонизации прибрежных районов Кавказа, в любом случае дипломатическая тактика была предпочтительнее и, что существенно для рачительных итальянцев, экономически выгоднее репрессивного метода подчинения восставших районов. Тем более, что после «вспышки негодования», западнокавказские князья, добившиеся к концу XIV в. немалого успеха в борьбе за иммунитет своих владений, охотно соглашались на перезаключение новых договоров с представителями Генуи. В отдельных случаях владетельные князья Мегрелии искали политических контактов с итальянскими консулами и купцами, рассчитывая укрепить суверенитет своих удельных владений и использовать экономические преимущества от торговли с Генуей в целях борьбы с

центральной властью Грузии, позже – с Абхазским княжеством под управлением рода Шервашидзе (Чачба).

Известно, что в XIV в. уже сами Шервашидзе старались использовать свои контакты с Генуей, чтобы противостоять давлению правителя Мегрелии Георгия Дадиани, оттеснившего Шервашидзе до Анакопии.

Наши предположения о стремлении западнокавказских владетельных князей укрепить свой иммунитет за счет привилегированных связей с экономически мощным европейским государством – Лигурией – подтверждается известными данными о том, что крупные местные феодалы использовали подобную тактику и в период монгольского нашествия, часто выступая в роли союзников ханов.

О напряженных отношениях с местными абхазскими феодалами в последний период экспансии свидетельствует и то, что после нападения абхазов на Савастополис в 1455 г. от назначений на почетную и выгодную должность протектора в этом крупном портовом городе последовательно отказывались семеро намеченных в Генуе кандидатов. Известно, что несколько раньше отношения савастопольских владетелей с каффинским консулатом и самой Генуей складывались весьма неплохо: в одном историческом документе они были обозначены как «надежды на прочный мир»[164].

В истории генуэзских поселений на Востоке мы не знаем ни одного примера, когда бы местные феодалы или простые жители поддержали бы итальянских переселенцев, когда те подымали движения протеста (а они зафиксированы исследователями) против жесткой политики метрополии[165]. Противоречия между

---

[164] Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. // «Исторические записки». 1938. № 3. С. 114.

[165] Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморь в XV в. // «Исторические записки». 1940. № 7. С. 20–24.

центральной властью Лигурии и стремившимися к автономии генуэзскими купцами-колонистами улаживались сугубо в рамках отношений «метрополия – колонии». В свою очередь, восстания или выступления местных народов всегда носили очевидный антилатинский характер: они могли выражать протест этнических групп, которых чужеземцы пытались отстранить от управления собственной землей, лишить суверенитета. Это было нежелание смириться с любыми, пусть даже небольшими, налоговыми, военными и политическими требованиями иностранцев. Местные народы чувствовали себя ущемленными в своих правах, даже если учесть то мнение, что «генуэзское господство несло с собой экономическое обновление, которое в той или иной степени благоприятствовало обеим сторонам»[166].

В ходе генуэзской экспансии ускорилось социальное развитие некоторых районов Западного Кавказа. В городах образовывались группы местных торговцев и ремесленников, контактировавших с генуэзцами или работавших по их заказам. Однако ремесла, по-видимому, не были организованы в цехи, поскольку многие ремесленники часто работали на достаточно емкий рынок итальянских потребителей, поэтому ремесло не нуждалось в принудительном ограничении производства. Нужно отметить, что дробность ремесел, в силу односторонней специфики заказов со стороны итальянцев, была небольшой. Местные ремесленники специализировались на первичной обработке сырья, особенно в кожевенном производстве и обработке древесины, а также на развитии под влиянием генуэзских мореходов столь сложного дела, как кораблестроение, изготовление такелажа. Параллельно с развитием итальянского предпринимательства на Кавказе проходила известная специализация его сельских районов – на скотоводстве, выращивании злаков, хлопка, льна, красящих растений, вырубке ценного леса и охоте, добыче полезных ископаемых, бортничестве.

[166] Balard M. Op. cit., vol II, p. 494.

Сельскохозяйственное производство почти исключительно находилось в руках местных жителей. На полях и виноградниках трудились коренные кавказцы, скотоводчество и рыболовство также полностью относились к сферам приложения труда местного населения.

В ремесленном секторе также трудились уроженцы Западного Кавказа, особенно на тяжелых работах – кузнечное дело и т. д. Из коммерции, напротив, генуэзцы последовательно вытесняли местные этнические группы. Они допускались лишь на нижний уровень, наиболее низшую ступень предпринимательства – в мелкую розничную торговлю. Кавказцы также могли быть владельцами крошечных фрахтовых судов или лодок, осуществлявших перевозки грузов на короткие расстояния и небольшими партиями, в том числе и вглубь Кавказа по судоходным тогда рекам (например, по реке Риони до Кутаиси). Изредка торговцы-абхазы, мегрелы, зихи осуществляли посреднические функции. Эти коммерсанты-посредники, несомненно, относились к элите местных предпринимателей и выделялись из среды розничных торговцев, в числе прочих факторов, особыми личными качествами – чувству инициативы, смелости, ловкости, знанием иностранного языка, умением распорядиться наличным капиталом или прочувствовать заинтересованность генуэзских купцов в том или ином редком или ценном товаре.

Весь сложный и разнообразный комплекс повседневных (бытовых) отношений народов, проживавших на берегах Западного Кавказа, с «пришлыми людьми» – генуэзцами, характеризуется, прежде всего, ощутимой разницей в экономическом положении и деятельности, вероисповедовании, традициях, обычаях и т. д. Местное население по генуэзским законам и распорядкам имело даже с формальной точки зрения слишком много обязанностей и слишком мало прав. Если учесть такие важные факторы, как наличие достаточно изощренной системы прямой или опосредованной местными феодалами систе-

мы эксплуатации, часто двойного налогового гнета, других способов принуждения свободолюбивых кавказских народов со стороны иноземцев[167], становится понятным, что требования генуэзцев неминуемо и часто должны были, помимо внутреннего (осознанного или неосознанного) чувства протеста, провоцировать активное недовольство местного населения. Тем не менее вспышки этого недовольства довольно редко (по крайней мере в первые три хронологических периода деятельности Генуи на берегах Кавказа) выливались в акты прямого насилия над лигурийцами. Спокойные периоды сосуществования народов Западного Кавказа и итальянцев прерывались временами напряженности и даже, предположительно, межнациональных взрывов.

Известные случаи национального и социального протеста жителей Кавказа во многом объясняются оппозицией местных феодалов действиям богатых генуэзских предпринимателей на Причерноморских землях. Поскольку развитие феодальных сеньорий на Кавказе сдерживалось слабостью их экономической базы, то в силу этого объективного положения феодалы, несомненно, поощряли и направляли недовольство масс против чужеземных «богатых» поработителей, а зачастую, скорее всего, лично возглавляли насильственные акции против итальянских купцов. Локальные восстания, нападения на сеттльменты со стороны отрядов, возглавлявшихся воинственными феодалами, не ставили своей главной задачей изгнать иностранных захватчиков с родной земли, что было целью борьбы с монголами. Основная цель – разграбить генуэзские лавки и склады, захватить богатую добычу. Этот тезис подтверждается тем, что обычно вскоре после нападения на факторию и ее разорения генуэзским посольствам сравнительно легко (вплоть до 40-х годов XV в.) удавалось (очевидно, не без помощи богатых даров)

[167] Джавахишвили И.А. История грузинского народа. – Тбилиси. 1948. IV. С.108.

снова «наладить отношения» с местной знатью, и итальянцы продолжали свою привычную деятельность.

***

Подытоживая материалы этой главы, необходимо прежде всего отметить, что изучение истории экономических и социально-политических отношений народов, населявших побережье Западного Кавказа с Европой, определение их роли в системе международных экономических связей периода средневековья, естественно, не исчерпывается вопросом генуэзской деятельности в этом регионе в XIII – XV вв. и нуждается в комплексном подходе, в адекватном осмыслении на современном уровне исторических знаний.

В XIII в. после монгольского нашествия начал оформляться распад абхазо-картлийской единой монархии. Центробежные тенденции были обусловлены укреплением влияния отдельных феодальных кланов. Феодалы стремились к независимым внешнеполитическим и внешнеэкономическим связям, направленным на закрепление иммунитета их владений. Образование автономных сеньорий, знаменовавшее победу феодальной раздробленности, было одним из следствий упадка страны, вызванного непрерывными внешними нашествиями и внутренними междоусобицами. Западнокавказские феодалы искали влиятельных, а главное, богатых союзников на Западе. Эти сепаратистские усилия были использованы генуэзской дипломатией, по сути дела экономически поддержавшей их партикуляризм.

Экспансия Генуи в исследуемом регионе была связана и с ослаблением позиций Византии и Венеции на Черном море. Экономически могущественная Генуя, монополизировавшая после Нимфейского договора международную торговлю на Черном море, развивала некоторые формы деятельности, характерные для современного капитализма. Специфика экспансии Лигурии на Западном Кавказе, методы ее эксплуатации местных матери-

альных и людских ресурсов были определены общественно-историческими условиями этого региона, в том числе весьма слабой хозяйственной базой. Свои возрастающие потребности западнокавказская знать во многом удовлетворяла за счет продажи чужеземцам пленных, захваченных в ходе постоянных набегов на более слабых соседей[168]. Работорговля была и главной статьей доходов Лигурии.

Двухвековое присутствие Генуи в регионе повлияло на развитие производительных сил и, видимо, на общественное сознание народов Западного Кавказа. Основная практическая задача Генуи сводилась к реализации своих экономических интересов как государства и интересов ее граждан. В силу удаленности от метрополии, колеблющейся и недружественной политики местных феодалов, Лигурия фактически отказались от классической колонизации побережья Кавказа. Ей вообще не удалось конституировать свою заморскую «империю», что и послужило в конечном итоге причиной упадка средневековой Генуи.

Население земель, где были расположены итальянские сеттльменты, подвергалось двойной эксплуатации. Негативную роль сыграл и распространенный в этих районах работорговый промысел. Но следует учесть и другое. Генуэзские предприниматели привнесли в эти менее развитые по сравнению с Западной Европой районы новые знания, более современные средства производства и земледелия, более совершенные приемы торговли, ремесленичества и мореходства. Кроме функций «носителей прогресса», генуэзцы по сути служили связующим звеном, посредниками в экономических и политических отношениях Западного Кавказа с различными городами Черного и Средиземного морей и Европы.

Нами выделены четыре этапа отношений Генуи с Западным Кавказом, условно названные периодами «инфильтрации, закрепления, процветания и упадка». Эти этапы в основном соответ-

[168] См.: Габашвили В. Указ. соч. С. 38–40, 43–44.

ствуют эволюции структуры экспортно-импортных операций генуэзского купечества и процессу работорговли, как основного компонента деловой активности литургийцев.

Прибрежные генуэзские фактории были продолжениями путей международной торговли, которые проникали вплоть до самых мелких рынков. Иностранным негоциантам удалось не только монополизировать сбыт сырья и полуфабрикатов, производившихся на побережье Кавказа, в Европе и на Востоке, но и навязать свой контроль над товарообменом Запад – Восток, присвоив себе главные барыши[169]. Однако торговля между Коммуной и Кавказом, по данным автора, могла быть сбалансирована только при условии солидного объема экспорта из Генуи. Помимо Савастополиса – емкого регионального рынка и хорошо укрепленного сеттльмента, пользовавшегося определенными гарантиями местных властей, в исследуемом регионе образовались другие специализированные рынки. Итальянские сеттльменты не пользовались широкой автономией или действительной экстерриториальностью относительно земли пребывания, хотя генуэзцам удалось добиться у местных властей некоторых привилегий, чему способствовал целый комплекс дипломатических усилий и, видимо, военных демаршей.

Генуэзцы «урбанизировали» и укрепляли сеттльмент по своему вкусу, создавали в нем администрацию, охрану, постоянный контингент итальянского населения, который и обеспечивал регулярный торговый обмен. Тем не менее, имевшихся возможностей было недостаточно для защиты от неоднократных нападений местных феодалов на богатые фактории, которые разграблялись, а конфликты затем обычно улаживались путем дипломатических переговоров Генуи с удельными князьями. Удалось установить, что сеттльмент в Савастополисе разрушался по крайней мере несколько раз – в 1373–1375 гг., 1453–1455 гг. Этот район в Генуе расценивался как «взрывоопасный».

[169] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 361.

Административная организация генуэзских факторий несколько запоздала по сравнению с их коммерческим становлением, но затем был отмечен быстрый рост колониального чиновничества, поглощавшего солидную часть средств от торгового оборота, предназначавшихся в казну Коммуны. Злоупотребления администрации на местах принимали чрезвычайные формы. Коррупция послужила одной из причин того, что Коммуна была вынуждена передать в середине XV в. фактории Западного Кавказа под управление финансового гиганта средневековья – Банка св. Георгия. Население итальянских сеттльментов и местное общество являли собой две разные, автономные и замкнутые структуры, которые вступали в отношения преимущественно в процессе торгового обмена, дипломатических инициатив и для решения некоторых политических вопросов.

Малоудачные последствия имело идеологическое воздействие Генуи и Ватикана на местные народы, причем не в последнюю очередь из-за сильных позиций и роли Абхазского католикосата, как проводника православия. Об этом свидетельствуют почти повсеместные реконструкции обновления росписей в культовых сооружениях в XIV–XV вв. Правда, ни Абхазский католикосат, ни Католические прелаты в Зихии, Абхазии и Мегрелии не имели возможностей воспрепятствовать осужденной папской курией работорговле, которой усердно занимались итальянцы.

ГЛАВА II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕНУИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

§ 1. Динамика и структура экспортно-импортных операций

В первой главе данной работы на историческом фоне Западного Кавказа была сделана попытка рассмотреть основные типологические особенности развития экономической и политической экспансии, эксплуатации со стороны Лигурийской морской республики народов, населявших эти территории в XIII–XV вв. В число основных задач данного раздела входят обобщение конкретно-исторических материалов по практическим аспектам торгово-предпринимательской деятельности иностранных негоциантов, а также изложение комплекса фактов и проблем, относящихся к истории пребывания генуэзцев в исследуемом регионе, уточнение некоторых положений о структуре генуэзской коммерции.

С чем конкретно связывались экономические интересы Генуи на Кавказском побережье? Этот вопрос в отношении средневекового Восточного Причерноморья страдает значительными пробелами, которые объективно обусловлены недостатком, фрагментарностью информации. На этот факт указывают М. Балар, Дж. Джоффре, а также итальянский историк В. Полонио[170]. При исследовании имеющихся в библиотеках СССР нотариальных регистров и другой документации выявлено сравнительно мало конкретных цифровых данных. В последние два десятилетия западноевропейские медиевисты в своих работах вводят в научный оборот новый круг выявленных ими источников (таможенных записей, массариев Генуи и Каффы, консульских реляций и т. д.) из Генуэзского государственного архива, архи-

[170] См.: Polonio V. L'amministrazione della respublica genovese fra Tre e Quatrocento. L'archivio "Antico Comune". Genjva, 1977, p. 42.

ва Банка св. Георгия и других хранилищ ценнейших исторических памятников. Автор данной работы использовал эти новые для исследователей источники опосредованно, из зарубежных публикаций. Интерпретация имеющихся данных вынуждает к оговоркам об условности некоторых показателей и выбранных ориентаций. Таким образом, с точки зрения статистики трудно, порой невозможно абсолютно адекватно отразить структуру и динамику экспортно-импортных операций генуэзского купечества на Черноморском побережье Кавказа. Реальным представляется наметить только их качественную сторону. В равной степени трудно восстановить количественную сторону (объем) генуэзской коммерции и процессы ценоформирования. Лишь малая часть известных торговых документов (заказы, приходно-расходные книги (массарии), перечни путевых издержек, нотариальные акты и т. д.) называют общее количество товара, дают хотя бы приблизительный список экспортируемой продукции. Договоры о фрахте судна также не содержат необходимых сведений, в них в основном проставлена общая цена товара на корабле.

В качестве характерного примера сделаем попытку истолковать один из нотариальных актов, опубликованный Г. Брэтиану, который свидетельствует о том, что в апреле 1289 г. некий Коррадо д'Асторре получил от крупного каффинского купца Гуалтерино ди Гуалтерио драгоценные металлы в слитках (очевидно, серебро) и ткани на сумму 11.093 аспра для вывоза их на продажу в Савастополис. Акт передачи товаров был засвидетельствован нотариусом Оберто ди Бартоломео[171]. При рассмотрении этого акта мы фиксируем следующие данные: во-первых, семейный клан крупных генуэзских предпринимателей и финансистов того периода ди Гуалтерио принимал участие в торговле с побережьем Кавказа через своего представителя Гуалтерино в Каффе. Связь с Савастополисом «фирма» ди Гу-

[171] См.: Bra`tianu G. I. Actes..., p. 175.

алтерио предпочитала, видимо, осуществлять через посредников, контрагентов, хотя неизвестно, являлся ли обозначенный д'Асторре купцом, владельцем или капитаном зафрахтованного корабля, который совмещал функции морехода с коммерцией. Во-вторых, уже в 1289 г. генуэзское купечество рисковало направлять в региональный торговый центр Савастополис огромные для того периода денежные средства и дорогие товары, следовательно, сам Савастополис в конце XIII в. был достаточно емким рынком, способным «поглотить» эти товары, дав серьезную прибыль, на которую рассчитывал клан ди Гуалтерио. Стоимость драгоценных металлов и тканей, которые взялся вывезти в Савастополис д'Асторре, в 1,5 раза превышала годовое содержание в тот период савастопольского консула, на которое ему предписывалось иметь целый штат чиновников, а также была почти эквивалентна сумме отчислении Савастополиса с торгового оборота 1373 г. в казну Каффы. Далее, акт свидетельствует о том, что уже в конце XIII в. в Савастополис ввозилось и, очевидно, было в хорошей цене серебро – универсальная обменная валюта того времени – и что на абхазском рынке пользовались спросом дорогие ткани. Чтобы дать реальное представление о ценности груза, доверенного д'Асторре, укажем, что она равнялась стоимости 40 дорогих рабов.

С другой стороны, к сожалению, данные этого акта не дают представления ни об общем количестве вывезенного серебра, ни об ассортименте или метраже ткани и, следовательно, не позволяют исследователю узнать цены на различные виды тканей на рынке в Савастополисе.

Источники показывают, что генуэзские купцы были гораздо более внимательны к прибывшим из региона Черного моря судам, чем к отправленным, иначе говоря, к импортированным в Геную и Каффу товарам, чем к экспорту на Западный Кавказ.

В первые два хронологических периода – середина XIII в. – 30-е годы XIV в. торговля Лигурии с Черноморским побережьем

Кавказа в основном состояла из обмена нескольких наименований «сырого продукта» или полуфабрикатов, произведенных или добытых местными народами, на готовую продукцию – изделия более развитого в промышленном отношении Запада. Вывозились также товары, пришедшие на Кавказское побережье с Востока по караванным и речным путям.

Реестр товаров, которые могла предложить – через посредничество Лигурийской морской республики – народам, населявшим побережье Кавказа, «индустриальная» Европа, естественно, был намного шире, чем перечень достаточно дешевого кавказского сырья.

Торговый дисбаланс компенсировался объемом экспорта, «валом». Общий объем вывезенных с Черноморских берегов Кавказа товаров был настолько велик, что генуэзские предприниматели для сбалансированности своей торговли уже в конце XIII в. были вынуждены ввозить драгоценные металлы. Поэтому вряд ли генуэзская коммерция сводилась исключительно к поставкам рабов и торговле вином как основным видам деятельности лигурийских купцов в конце XIII и начале XIV в.[172], как об этом писали некоторые итальянские путешественники.

В третий период экономических связей Генуи с Западным Кавказом ассортимент экспорта из Кавказского региона увеличился. Итальянцы по-прежнему ввозили предметы быта и роскоши, но значительно расширилась номенклатура вывозимого сельскохозяйственного и минерального сырья, особым спросом пользовался лес. Усилился, как справедливо пишет М. Балар, «колониальный аспект торговли»[173]. Этот процесс параллельно сопровождался укреплением региональных централизованных рынков: в Тавриде – Каффы, на побережье Кавказа – Савастополиса, Ло Вати, Фазо Фасции. Они преимущественно и направляли опосредованную торговлю Генуи с народами этих территорий.

---

[172] Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. С. 128–129.

[173] M. Balard. Op. cit., vol. II, p. 726.

Если в XIII – первой половине XIV вв. лигурийцы концентрировали внимание на скупке и вывозе с Кавказского побережья предметов караванной торговли, поступавших преимущественно с Востока (драгоценные камни, шелк и шелк-сырец, меха, специи), то в последующее столетие перечень товаров был существенно дополнен. Генуя экспортировала и частично перепродавала дальше, в Западную Европу, Византию, Трапезунд древесину, особенно драгоценный самшит, который обменивался вес на вес на керченскую соль, доставленную к берегам Абхазии итальянскими купцами[174], а также железное и красное дерево (розовый бук), корабельный и строительный лес (каштан, орех)[175]. Повышенным вниманием лигурийцев пользовались необработанные звериные шкуры (в частности, куньи, лисьи), шерсть[176], кожи и пушной товар (обработанные меха)[177]. Из Савастополиса и Фазо Фасции генуэзцы активно вывозили мед, лен и, возможно, рис[178]. Из этих и других прибрежных торговых пунктов экспортировались зерновые культуры (пшеница, просо), смола, местный шёлк-сырец. Особый спрос был на продукт бортничества – воск[179]. На восточном берегу Черного моря у караванных купцов закупались специи (перец, имбирь, корица) и дорогой шафран[180]. Для нужд текстильной промышленности Европы генуэзцы вывозили марену[181] – ценный растительный краситель красного цвета.

По мнению Ж. Эера, с начала XV в.интересы Генуи на Черном море были сосредоточены в основном на региональной торговле продуктами, которые доставлялись из глубин Кавка-

[174] Heers J. Op. cit., p. 261.
[175] Heers J. Op. cit., p. 261.
[176] Heers J. Op. cit., p. 260.
[177] "Кавказ", 1867, №.54, с. 23.
[178] "Кавказ", 1867, №54, с. 23.
[179] Heers J. Op. cit., p. 260.
[180] Heers G. Op. cit., p. 260.
[181] Heers J. Op. cit., p. 260.

за на побережье и, наоборот, с берегов в горные районы. Тогда Черное море для Генуи являлось уже каналом вывоза пшеницы и леса. Зерно и меха, строительная древесина считались редкими товарами на средиземноморских рынках, а в Восточном Черноморье они продавались достаточно дешево[182].

В третий период эксплуатации Лигурией Кавказского побережья изменились функции его портовых городов и поселений. Из пунктов эпизодических торговых сделок с владельцами караванов или морских судов они становятся центрами регулярной посреднически-предпринимательской деятельности, координирующими и стимулирующими процессы производства и торговли, в том числе добычу драгоценных металлов и полезных ископаемых, объем и спецификацию необходимой вырубки леса, поставки невольников и т. д.

На проблеме эксплуатации недр Кавказа стоит остановиться подробнее, поскольку этот интересный вопрос напрямую связан с организацией предпринимательской деятельности лигурийских негоциантов. Большое значение для генуэзского купечества имели дарованные ему западногрузинскими князьями административные привилегии, т. е. возможность самим организовать и самим управлять поселением, видимо и прилежащими землями, предположительно на условиях концессии. Известно, что генуэзцы широко пользовались правом строительства укреплений, крепостей, остатки которых сохранились по сей день и являются памятниками средневековой итальянской архитектуры. По-видимому, существовала система договоров между местными владетелями, с одной стороны, и генуэзскими предпринимателями, скорее всего представленными севастопольским консулом с другой, на сдачу в эксплуатацию земель в районе р. Гумиста с правом добычи генуэзцами серебра и свинца[183]. В какой бы архаичной форме не проходила организация

[182] Heers J. Op. cit., p. 263.

[183] Heers J. Op. cit., p. 260.

итальянских концессионных предприятий, сам факт привилегированной эксплуатации месторождения серебра – чрезвычайно ценного для того времени металла (к тому же предмета генуэзского экспорта в регион Кавказского Причерноморья) свидетельствует, во-первых, о сравнительной прочности позиций лигурийского купечества, во-вторых, о том, что и в средневековье, равно как и в современном мире, концессия использовалась для усугубления экономической зависимости колонизируемых районов, для усиления эксплуатации (в целях повышения нормы прибыли для чужеземных предпринимателей) местного населения, так как, вне всякого сомнения, на тяжелых работах в рудниках использовались исключительно жители Кавказа, преимущественно рабы. В числе причин сдачи в эксплуатацию генуэзцам серебряных копей можно назвать более совершенные, чем у местных народов, способы добычи и извлечения (выплавки) ценного металла из руды, которыми располагали генуэзцы. С другой стороны, разработка серебряных рудников генуэзцами в ущелье реки Гумиста, несомненно, сулила кавказским владетельным сеньорам немалую выгоду.

По прошествии столетий, к сожалению, невозможно судить, в силу отсутствия каких-либо конкретных исторических данных, ни об объеме добычи серебра, ни о размерах выплат со стороны генуэзцев местному феодалу за концессию, ни о том, добывался ли и если да, то как использовался свинец, сопутствовавший в этих местах залежам серебряной руды.

На экономически более слабом, чем Генуя, побережье Кавказа иностранцы в основном практиковали меновую торговлю, например соль на самшит. В Суджуке, например, генуэзцы закупали соленую или копченую рыбу, обменивая ее на куски ткани, которые служили ходовой «монетой» для многих контрактов[184].

Помимо меновой торговли – обмена эквивалентных в этой местности по стоимости товаров с использованием, в частно-

[184] Heers J. Op. cit., p. 261.

сти, такой примитивной единицы, как отрез бокассина (тонкого льна) на мужскую рубашку, в обороте между Генуей и Кавказом участвовали преимущественно следующие денежные единицы (в серебре): аспры комнинаты, кирманеули, борикати, аспры Газарии и Савастополиса, каффинский сомм, реже – золотой византийский иперпер.

На протяжении двух веков коммерческой экспансии генуэзцев на побережье Кавказа цены на товары менялись неоднократно. Это было связано с торговой конъюнктурой на рынках Запада и Востока, политической ситуацией в регионе и, что немаловажно, с валютным кризисом Генуи – девальвацией ее монеты.

Если в 1288 г. одно генуэзское су было эквивалентно 2,8 граммам серебра, ливр равнялся 56 граммам серебра, то в 1404 г. стоимость ливра не превышала 28,77 граммов серебра, то есть упала вдвое[185].

М. Балар приводит таблицу соотношения «золото – серебро» в Генуе 1261–1405 гг., по которой четко прослеживается изменение в содержании чистого серебра в генуэзском су: 1261–1291 гг. – высший показатель 2,75 грамма, низший – 2,70 грамма; 1305–1306 гг. – 2,41 грамма; через 30 лет – уже 2,08 грамма; в 1340 г. резкая девальвация – 1,71 грамма; 1350 г. – 1,49 грамма;

1404–1405 гг. – 1,47 грамма[186]. Очевидно, что во второй половине XIV в. су несколько стабилизировалось. Таким образом, девальвация генуэзской монеты с конца XIII в.до 1327 г. составила 21 %, и 32 % – с1327 по 1405 гг.[187] М. Балар объясняет это явление «скорее следствием ускорения ритма экономики, чем пертурбациями в городских и государственных финансах, спро-

[185] Balard M. Op.cit., vol. II, p. 814.
[186] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 650.
[187] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 650.

воцированными войнами, эпидемиями чумы, политическими и социальными волнениями»[188].

Если во второй половине XIV в. генуэзская монета фактически, как мы видели, стабилизировалась, через несколько десятилетий «валютный кризис» настиг центр генуэзской черноморской торговли – Каффу.

В конце XIV в. каффинский аспр сильно потерял в содержании серебра. Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко считают, например, что этот аспр был монетой греческого происхождения, поскольку право чеканить свою монету Каффа якобы получила лишь в I453 г.[189] Девальвировалась валюта и в других крупных черноморских городах, чеканивших свою монету: в Синопе, например, вес монеты упал до 0,6 граммов чистого серебра. Примечательно, что одному Савастополису удалось сохранить свою монету хорошего веса: в 1386 г. каффинский сомм (брусок серебра определенного веса) оценивался в 125 севастопольских аспр, тогда как в самой Каффе сомм был эквивалентным в среднем 160 аспрам[190].

Исходя из данных М. Балара о стоимости каффинского сомма в генуэзских ливрах и су и о содержании чистого серебра в одном су, мы сделали попытку вычислить вес каффинских сомма и аспра, а также савастопольского аспра в конце XIV в. В 1385-1386 г. один каффинский сомм был эквивалентен 7 ливрам 10 су при содержании чистого серебра в одном су в 2,7 грамма[191]. Следовательно, содержание серебра в сомме можно оценить в 405 граммов. Тогда один каффинский серебряный аспр весил 2,5 граммов, а более полновесная савастополисская монета содержала в себе, по-видимому, минимум 3,24 грамма чистого се-

---

[188] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 650.

[189] См.: Зевакин Е.С., Пенчко Н.Ф. Очерки по истории генуэзских колоний, с. 90.

[190] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 668.

[191] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 650-663.

ребра. По картулярию 1455 г., один каффинский сомм составлял 200 аспров, таким образом содержание серебра в сомме оценивалось тогда в 208,25 граммов[192].

В распоряжении исследователей мало конкретных и достоверных статистических данных по капиталовложениям лигурийских негоциантов в локальную кавказскую экономику. Например, по обнаруженным учеными документам, в 1290 г. постоянные коммерческие инвестиции каффинских генуэзцев на побережье Абхазии составляли якобы только 2000 аспр, причем в Савастополисе в окрестных землях – 1500 аспр, хотя в действительности они наверняка были во много раз больше. Далее, в имеющихся документах зафиксирован только один постоянный торговый контракт между Ло Вати и Трапезундом и один – между Ло Вати и Копой, но на деле коммерческие связи этих городов были весьма интенсивны и регулярны[193]. Таким образом, показатели явно занижены, очевидно, исключительно из-за недостатка дошедших до нас сведений. Сохранившиеся регистры нотариальных актов и приходно-расходные книги вряд ли отражают всю полноту вопроса. Кроме того, сведения о постоянных капиталовложениях еще не позволяют судить о годовом торговом обороте.

Вполне можно утверждать, что менее чем за столетие в одном только Савастополисе ежегодный торговый обмен между генуэзскими негоциантами и местными жителями увеличился многократно. Мы исходим из следующих фактов. Известно, что власти Каффы получали регулярные отчисления с общей суммы торгового обмена от савастопольского консулата. Этот налог, определенный каффинской администрацией в 1,2 % с оборота, в 1373 г., например, составил 60 соммов[194]. Таким образом, годовой объем генуэзской торговли в Савастополисе

[192] Данилова Э.В. Каффа... С. 202.
[193] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 855.
[194] Caffa Massaria, 1374, f. 211v.

можно оценить в 5000 соммов или примерно 800 тыс. каффинских аспр.

Можно сравнить торговый оборот в Каффе с движением капиталов в Савастополисе. Известно, что в 1375 г. торговый оборот в Каффе оценивался в 1 млн 624 тыс. генуэзских лир[195], что, по нашим подсчетам, по тогдашнему валютному курсу составляло около 210 тыс. каффинских соммов. Следовательно, годовой оборот савастопольской торговли представлял 2,38 % от каффинской. Если учесть, что в том же 1375 г. общий объем генуэзской черноморской коммерции был близок к каффинскому и составлял 2 млн лир[196], то нетрудно вычислить, что торговый оборот в Савастополисе равнялся 1,93 % от общего объема годовой торговли Генуи на Черном море (с учетом Каффы). Данные показывают, что Каффа была поистине средневековым торговым гигантом и с ней трудно сравнить какой-либо другой центр генуэзской торговли. Однако если вычесть годовой оборот Каффы из общего объема торговли Генуи с народами Причерноморья, то оборот Савастополиса (в процентном исчислении в этой торговле без Каффы) достаточно велик – он достигает почти 11 %.

Исторической аксиомой признаны оборотистость и коммерческая ловкость генуэзских «деловых людей». Негоцианты всегда стремились наилучшим образом инвестировать капитал и получить самую высокую прибыль. Торговля же с Западным Кавказом, несмотря на удаленность этого рынка от метрополии, в целом благоприятствовала быстрому капиталообороту. На развитие генуэзской торговли в немалой степени влиял процент коммерческой прибыли, чистый доход, полученный от реализации того или иного товара. Например, если в 1283 г. продажа в Генуе и в городах Средиземноморья воска, поставленного с Кавказа, приносила купцам 21 % прибыли от стоимости товара

[195] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 684-685.

[196] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 684-685.

(включая путевые издержки), то через век, в 1383 г., прибыль от перепродажи этого товара в Западной Европе уже составляла 37 %[197].

Даже известные периоды ослабления связей с метрополией, что в истории мировой торговли принято считать негативным фактором, генуэзское купечество, закрепившееся в Каффе, а также в Савастополисе, Ло Вати и других сеттльментах на берегах Кавказа, использовало к своей несомненной выгоде. Недостаточная ритмичность связей с Западной Европой дала дополнительный стимул активному развитию межрегиональных отношений Тавриды и Кавказа, торговле между сеттльментами, расположенными на Западном Кавказе, а также способствовала упрочению экономической самостоятельности кавказских городов-портов. О высоком развитии Каффы уже в первой половине XIVв. свидетельствует и тот факт, что в гавани города находилось одновременно до двух сотен морских судов[198].

В течение двух веков экспансии Генуи на Западном Кавказе существенно менялась номенклатура ее импорта – в зависимости от торговой конъюнктуры и потребностей, с одной стороны, самой метрополии, западноевропейского и средиземноморского рынков, с другой – кавказского рынка; во многом – от политической и социальной обстановки в том или ином втянутом в процесс торговли районе.

В числе товаров, предложенных Лигурией к вывозу на Западный Кавказ (включая продукцию других стран Западной Европы, которую генуэзцы перепродавали), в реляциях купцов, нотариальных актах и других документах значатся цветные и простые ткани (сукна, холст, лен, шелк), хлопок-сырец, ковры, изделия из железа, соль; в основном для Зихии – специи (имбирь, шафран, горчица), благовония (ладан, амбра); рыба, рис, в

[197] Подсчитано по: Balard M. Op. cit., vol. II, p.736.

[198] Брун Ф. О поселениях... С. 378.

меньшей мере вино и растительное масло; сушеные фрукты[199]. Солидным был объем торговли предметами обихода: сортами мехов, драгоценными металлами, включая украшения (в том числе кораллы), мылом, пеньковыми веревками и канатами, особо обработанными, а также дорогой стеклянной посудой.

Вся эта продукция доставлялась преимущественно морем в портовые фактории, оседала на складах и оттуда, по мере необходимости, расходилась по побережью и в глубь Кавказа. Основными потребителями предметов роскоши (например, ковров), дорогих французских и ломбардских тканей, популярных на Кавказе сабельных клинков с инкрустацией или гравировкой, другого оружия была местная знать. Трудовое население Западного Кавказа было заинтересовано преимущественно в поставках соли, дешевых сукон и холстов, оловянной и керамической посуды, ножей, реже – сельскохозяйственных орудий[200].

Генуэзцы широко поставляли на рынки кавказского Причерноморья соль – очень ходкий и популярный во всех слоях общества товар. С конца XIII в. и по конец XV в. генуэзцы из Каффы, по сути дела, обеспечивали снабжение населения Мапы, Ло Вати, Савастополиса и их окрестных земель солью. По мнению Э.В. Даниловой, торговые пути в Каффу с Кавказского побережья проходили через крепость Воспоро (ныне Керчь), где генуэзский консул в пользу казны Коммуны взыскивал пошлину со всех судов, на которых перевозили на Кавказ соль, а обратно лес, и тем самым контролировал эту торговлю[201]. Пошлина уплачивалась соразмерно ценности груза или, что существенно, в соответствии с размерами состояния находившихся на судне купцов (очевидно для того, чтобы стимулировать торговые интересы генуэзских коммерсантов, не располагавших большими

[199] См., например: Зевакин У.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний... С. 87–91.

[200] Там же.

[201] Данилова Э.В. Каффа... С. 209.

капиталами, и не дать им уйти из Черноморской торговли). Любопытно, что за нарушение распоряжений Оффициума Газарии с купцов взимались денежные штрафы, которые шли на укрепление того или иного сеттльмента[202]. Это было весьма разумное и предусмотрительное решение центральных властей.

В нотариальном акте, датированном 26 апреля 1290 г., говорится о том, что Ингретто делла Вольта и его компаньон Даниель Грилльо сдали в наем на правах фрахта Ибрагиму из Савастополиса свой корабль типа тарида для загрузки в Лумприко 10 мюидами соли и последующей продажи этой соли в Синопе по цене 4 аспра за мюид. (Bra`tianu) (тогда савастопольский мюид примерно равнялся 235,719 килограмма)[203]. В свою очередь, продажа вина, растительного масла, риса (кроме районов Черкесии), сушеных фруктов и рыбы, занимавшая значительное место в общем списке торговли Генуи в XIII–XV вв., для Абхазии и Мегрелии не имела особого значения. Не являлись народы исследуемого региона (кроме, возможно, зихов) и сколь-нибудь значительными (в сравнении со странами Средиземноморья и юга Черного моря) потребителями специй и благовоний, хотя эти товары были богато представлены в ассортименте «выставочных» помещений генуэзских факторий.

Можно предположить, что наличие в Абхазии отличного корабельного леса стимулировало развитие кораблестроения в Савастополисе. В нотариальном акте зафиксировано, что в Каффе 27 апреля 1289 г. Гуглиельмо Весано продал Вивальдино Лауджерио (или Лаваджио) свои права на треть корабля под названием «Мюгетто» за 433 аспра. Годом раньше это судно типа лингия было куплено Весано и его двумя компаньонами в Савастополисе. После сделки все права на лингию перешли к Лауджерио[204]. Если проследить по документам, собранным у

[202] Брун Ф. О поселениях... С. 377.
[203] Balard M. Op. cit., vol.II, p. 898.
[204] Bretianu G. Actes..., p. 177.

Г. Брэтиану, и по таблицам М. Балара, Лауджерио постепенно становился довольно крупным судовладельцем – в 1289-1290 гг. ему принадлежало два судна – тарида и лингия. Вполне позволительна и следующая трактовка этого акта: Весано с компаньонами купил «Мюгетто» в Савастополисе у какого-то обанкротившегося купца-морехода.

Западнокавказским народам на протяжении двух веков удавалось также сохранять доминирующее положение в международной торговле древесиной, другими редкими и ценными видами продукции Кавказа.

Остановимся подробнее на трех основных (без работорговли) видах коммерческой деятельности генуэзцев в Восточном Причерноморье: экспорте и импорте тканей и текстильного сырья, вывозе на Кавказ изделий из металла и импорте из этого региона зерновых культур.

Судя по имеющимся историческим документам, с серьезным опережением список представленных к экспорту генуэзских товаров открывает продукция западной текстильной промышленности, хотя, к сожалению, цены на нее практически неизвестны.

Экспортировались на Кавказ преимущественно сукно, в том числе ярко-красное и голубое, шелковые и хлопковые ткани тонкой выработки (бумазея или бокассин, кисея), букарин (дорогая ткань типа муслина), холщовое простое полотно, а также тесьма, готовые туники и рубахи, нитки, канва и т. д.[205]

Генуэзские негоцианты в основном выполняли функции перекупщиков и поставляли на Кавказ французские, фламандские и северо-итальянские сукно и ткани. Перепродажа тканей была довольно прибыльным делом, доходы торговцев от этой операции, очевидно, составляли до одной пятой стоимости товара, но тем не менее коммерческая прибыль

[205] Balard M. Op. cit., vol..II, p..723-725.

Генуи от вывоза воска и особенно древесины была значительно выше.

Значительная часть шелковых и хлопковых тканей, представленных к импорту, была изготовлена на мануфактурах Западной Европы из вывезенного самой Генуей с Востока сырья. Экспортно-импортные операции генуэзского купечества позволили в XIV-XV вв. создать обширную коммерческо-производственную сеть средневекового текстиля, благодаря которой ресурсы Запада и Востока взаимодополнялись. Из реляций итальянских путешественников XIII–XV вв. известно, что генуэзцы вывозили из Савастополиса и Фазо Фасции лен, который возвращался на побережье Кавказа уже в виде ткани или одежды – рубах.

Необходимо также отметить, что феодалы и ремесленники Зихии охотно покупали у генуэзцев уже спряденный в нити хлопок для изготовления дешевых тканей на месте.

Геную XIII-XIV вв. смело можно назвать центром мировой торговли шелком. Ее рынок снабжался в основном из трех производственных регионов: Малой Азии, прибрежных областей Каспийского и Черного морей, из далекого Китая. В нотариальных актах, закреплявших процесс купли-продажи шелка-сырца и шелковой ткани, называются такие сорта шелка (в том числе транскавказского), как иуреа (или иурия), канция (из Гянджи, близкой к Грузии), каннария (с Карабахской равнины), шелк камирия (возможно, производившийся в Шемахе) и т. д. Многие партии этих сортов шелка, по-видимому, поступали в Геную и Каффу с савастопольского рынка и Ло Вати, куда сходились пути караванной торговли. Эти города Кавказа использовались как перевалочные пункты. В XIII в. (данные приводятся по 1260 г.) на генуэзском рынке транскавказский и кавказский шелк ценился больше китайского. Стоимость куска шелка с Кавказа достигала примерно 24 су, а китайского

– 20 су[206], что соответствовало, по нашим подсчетам, 65 и 54 граммам чистого серебра.

Потребности Генуи в шелке-сырце, начиная с 30-х годов XIV в., преимущественно удовлетворялись уже транскавказской и кавказской продукцией. В 30-х – 40-х годах XIV в. путешествия за шелком в Азию стали рискованными, и генуэзский рынок снабжался шелком с перебоями. (После 1333 г. караванные пути в Азию из-за столкновений с татарами были практически перекрыты). Упоминания о рынке шелка в Ло Вати можно встретить и в XV в.: в 1402 г. некий армянский торговец из Трапезунда закупил (в документе значится, что по поручению некоего сарацина, приближенного ко двору властителя Гилана) партию шелка стоимостью от 100 до 200 каффинских соммов. Однако этот шелк был конфискован «сеньором владетелем» Ло Вати[207], (что, помимо всего прочего, свидетельствует и об имевшихся актах произвола западнокавказских феодалов по отношению к чужеземным торговцам).

На втором месте в коммерции Генуи стоял экспорт на Кавказ железа и изделий из него, в сравнительно меньшей степени – боевого оружия, периодически запрещенного властями Лигурийской морской республики к вывозу в политически нестабильные районы Кавказского побережья (предполагается, что ближе к середине XV в. в район Савастополиса).

Если судить по разнообразию ассортимента представленных в генуэзском каталоге железных изделий, то можно сделать вывод, что причерноморские районы Кавказа были скудно обеспечены железной рудой хорошего качества с высоким содержанием в ней металла.

В свою очередь, Генуя с XIV в. получила доступ к железным рудникам на острове Эльба, считавшимся в средневековье исключительно ценными. Генуэзское оружие было качественнее

[206] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 726.
[207] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 733.

местного, изготовлявшегося из низкосортной руды. Консулы, их охрана – воины-стипендиарии, все жители сеттльментов на Кавказе получали средства защиты непосредственно из Генуи, реже – из Каффы, довольно хорошо снабжавшейся оружием также из Лигурии. Вполне понятны и психологические причины популярности чужеземного оружия: оно было лучше оформлено, красивее, считалось престижным у кавказских воинов, а главное – было эффективным с военной точки зрения. Кроме того, для местных феодалов вряд ли было разумным снабжать экспансионистов оружием собственного производства.

В «разрешенные» районы восточного Причерноморья Лигурия вывозила достаточно много разнообразного оружия. Этот вид торговли был практически монополизирован несколькими крупными торговцами из Генуи, которые сами, судя по документам, были оружейниками, владельцами мастерских. В список этого товара входили щиты, кирасы, кольчуги, шлемы, мечи, сабли, сабельные клинки и шпаги, боевые ножи, кинжалы, копья из стали. В нотариальных актах были проименованы замки, железные сундуки-сейфы. Вывозились на Кавказ медная и серебряная проволока, олово и изделия из него. Особое место в экспорте металлической продукции занимали драгоценные металлы, чрезвычайно необходимые, как уже говорилось выше, для поддержания платежного баланса генуэзской торговли. На Кавказском побережье ценились слитки серебра в виде брусков, использовавшиеся также для установления менового соотношения «золото – серебро»[208].

В Савастополисе и Ло Вати, других крупных для того времени городах, где находились дома местных владетельных сеньоров, высоко котировалось обработанное серебро (парадные пояса, кольчуги, кирасы, щиты, кубки и другая посу-

[208] Heers J. Op. cit., p. 261.

да, украшения), цена которого складывалась не только из рыночной стоимости самого металла, но и стоимости искусной работы серебряных дел мастеров, значительно завышенных в силу торгового риска, путевых издержек. С конца XIII в. зарегистрирован экспорт в Восточное Причерноморье золотой нити для шитья, украшений из золота и драгоценных камней, кораллов[209].

Существование серебряных и серебряно-свинцовых копей в ущелье абхазской реки Гумиста показывает, что внутренний рынок пополнялся серебром и местного происхождения. Данных о вывозе с Кавказа свинца или его использовании в исторических документах нет.

Значительны были потребности Генуи, практически не сеявшей злаковых культур, в зерне. Необходимо было снабдить продовольствием население самого города, превышавшее в XIV в. 50 тыс. человек, окрестные поселки, а также изготовить большое количество пшеничных сухарей – основного продукта питания экипажей многочисленных кораблей. Высокосортная пшеница нужна была и для поддержания уровня жизни, так как богатая Генуя предпочитала белый хлеб изделиям из других, более дешевых злаков.

Для Генуи, как вряд ли для какого-нибудь другого из средневековых городов, торговля пшеницей являлась массовым и широкомасштабным видом коммерции. Для регулирования рынка пшеницы, проса, ячменя и других зерновых культур в Генуе с 1361 г. была создана специализированная организация – Оффициум Виктуалиум.

В Черноморском бассейне не было ни одного района, в массовых масштабах сеявшего зерновые культуры, который не посещался бы генуэзскими закупщиками. С начала XIV в. пшеница в Геную поставлялась с болгарского берега (из Варны), из Добруджи. Каффинская пшеница, поступавшая из южных районов Руси,

[209] Heers J. Op. cit., p. 261.

считалась наилучшей на всем Черном море, но стабильность ее поставок на генуэзский рынок целиком зависела от отношений с татарами[210]. Существуют свидетельства, что Генуя уже в 70-х годах XII Iв. закупала зерновые у зихов. (Итальянский путешественник XIV в. Пеголоти в своих записках указал на значение для снабжения Генуи зерном с побережья, населенного зихами.) На территории зихов чаще всего генуэзцы посещали такие «пшеничные» порты как Калилимено, Азиакон и, особенно, Матрега и Мапа. Закупка пшеницы в Мапе была почти полностью сосредоточена в руках крупнейшего лигурийского торгового дома Джиованни ди Сан Донато[211]. По данным итальянского исследователя Дж. Муссо, также отмечено наличие экспорта зерна в Геную и генуэзские поселения с Западного Кавказа[212].

В первой половине XIV в. Генуя снабжалась зерном из восточных регионов Черного моря довольно регулярно. После 1350 г. анналы «Габелла грани» и Оффициума Виктуалиум позволяют, пишет М. Балар, лучше оценить значение этих поставок и сравнить их с другими источниками снабжения[213].

На каффинском рынке продавалось зерно из Мапы. В 1375 г., когда Каффе с политической точки зрения ничего не угрожало, в Зихию был послан постоянный представитель Коммуны для закупок зерна[214]. В 1381 г. в Мапу снова был послан от имени Коммуны некий Манфредо дель Орто для закупок продовольствия, он провел в «командировке» свыше трех месяцев. Акты не уточняют, сколько тогда было закуплено зерна. Пятью годами позже, когда Каффа находилась в состоянии войны с Сольгатом, ценность зерна из Зихии еще более повысилась. За хлебом была отправлена в Мапу в числе прочих галера Пьетро

---

[210] Подробно см.: Balard M. Op. cit., vol. II, p. 740-754.

[211] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 754.

[212] Musso G. Note d`archivio sulla "Massaria" di Caffa. – Studi Genuensi (19644-1965), 1968, p. 87.

[213] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 751.

[214] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 399.

де Перси, и примерно между августом 1386 г. и июнем 1387 г. в Каффе продавалось исключительно зихское зерно[215].

На восточном побережье Черного моря генуэзцам свои зерновые ресурсы охотно предоставляли Савастополис и Ло Вати. Очевидно, что в тот период условия этих территорий позволяли выращивать зерновые даже на экспорт. Об интенсивных закупках Генуи пшеницы и зерновых в этих городах свидетельствуют нотариальные акты, датируемые 28 апреля и 21 мая 1360 г., 1374, 1386 гг. из архива Сегрето[216]…

Правомерно предположение, что абхазские и мегрельские феодалы продавали отнюдь не излишки и буквально наживались на продовольственных затруднениях Каффы, лишая тем самым свой народ хлеба, что в свою очередь вынуждало крестьян продавать в рабство детей – во спасение от голода. Очевидно, что потребности Каффы в зерне в 1386-1387 гг. были большими и поставки только из Зихии не могли их удовлетворить. Известно, что тогда власти Каффы отправили два судна за зерном в Савастополис и Ло Вати[217].

Война с татарами из Сольгата нарушила налаженные регулярные поставки зерна. Генуя была вынуждена закупить в 1384 г. 15-20 тыс. мин (мера веса, 1 мина = 400–600 г) зерна в Париже и Брюгге, поэтому с 1386 г. вновь повышается заинтересованность генуэзцев в зерне из Кавказского Причерноморья. Этот хлеб предназначался не только для внутреннего рынка, но и для снабжения ряда других черноморских городов и факторий. Так, в XIV-XV вв. хлеб из Каффы, Зихии, Абхазии и Мегрелии поставлялся непосредственно в Трапезунд и Византию, минуя Геную[218].

---

[215] Caffa Massaria, 1374, f.7r; Idid., f.16v, 79v; 1381, f. 68r; Idid., 1386, f. 90v, 125v, 206r, 401v.

[216] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 399.

[217] Caffa Massaria, 1386, f. 400, v. 401.

[218] Карпов С. П. Трапезундская империя... С. 32, 92.

Эти процессы еще не означали свертывания эксплуатации Причерноморья непосредственно самой Генуей, хотя Каффа экономически и политически отдалилась от итальянской республики, начав проводить линию на укрепление и защиту своих собственных и региональных интересов. Несмотря на то, что к 1400 г. связи между Генуей и черноморскими городами-портами несколько ослабли, позиции генуэзских купцов на Кавказском побережье продолжали оставаться достаточно прочными до середины XV в. Этому во многом способствовала заинтересованность Лигурии в вывозе оттуда пшеницы. История генуэзского импорта зерна из Восточного Причерноморья показывает, что этот регион в политически острые периоды существования Лигурии играл немалую экономическую роль (хотя и подчиненную по отношению к предпринимательской деятельности Каффы), поскольку с его помощью покрывалась какая-то часть потребностей самой Генуи и генуэзской Газарии.

Ж. Эер пишет, что до того момента, как турки захватили Константинополь, «это внутреннее море (Черное море – Авт.) с точки зрения экономики выглядело как генуэзское озеро»[219]. В этом утверждении есть известная доля преувеличения, но оно показательно.

Исторические документы подтверждают огромную роль частной инициативы в организации торговли Генуи на Западном Кавказе. Экспортно-импортные операции и торговые сношения с местными народами имели своим фактическим базисом экономические интересы ряда генуэзских семейных кланов.

Следует признать, что коммерческо-предпринимательская деятельность итальянской морской республики – Генуи – была не только характерным и ярко выраженным феноменом мирового исторического развития в эпоху средневековья, но

[219] Heers J. Op. cit., p. 259.

и во многом определяла темпы развития прибрежных районов, экономическое положение феодалов Кавказа и уровень эксплуатации местных народов. В этой связи правомерен вывод И.Г. Антелава, что специфика раздробленной Грузии заключалась в том, что в результате действия внешнеполитических факторов экономический прирост государства переходил в руки захватчиков, что делало невозможным широкое воспроизводство. Грузинского крестьянина эксплуатировали как местный феодал, так и чужеземный поработитель[220]. Это суждение вполне распространимо и на проблему экономических взаимоотношений Генуи с народами Западного Кавказа в XIII–XV вв.

Таким образом, до середины XIV в. торговля Лигурии с побережьем Кавказа состояла из обмена «сырого продукта» или полуфабрикатов, произведенных или добытых местными народами, на готовую продукцию – изделия более развитого в промышленном отношении Запада, а также на вывозе предметов караванной торговли. Список товаров, которые могла предложить через посредничество Генуи Западная Европа, был шире, чем перечень дешевого сырья, вывозившегося с Кавказского побережья. Торговый дисбаланс однако компенсировался объемом импорта, причем так что уже в конце XIII в. генуэзцы были вынуждены ввозить на Кавказ драгоценные металлы. Впоследствии значительно расширилась номенклатура вывозимого сельскохозяйственного и минерального сырья, других местных товаров. Изменились функции городов-портов. Из пунктов эпизодических сделок они превратились в центры регулярного торгового обмена, координирующие и стимулирующие процессы производства, добычи и торговли, ее объем и спецификацию. Недостаточная ритмичность связей с метрополией дала дополнительный стимул развитию внутрирегиональных отношений.

[220] Антелава И.Г. Указ. соч., с. 169-170.

§ 2. Организация и характер торговли невольниками кавказского происхождения

К. Маркс неоднократно указывал на работорговлю как на основной аспект коммерческой деятельности итальянских республик средних веков. Торговля на генуэзском и черноморских рынках невольниками кавказского происхождения (ее динамика, структура корпуса в Генуе и Каффе), негативные аспекты влияния работоргового промысла на национальное и общественное становление народов Кавказа, политические и социальные причины и последствия работорговли представляют собой особые вопросы истории этого региона.

Торговля живым товаром – людьми – в период развитого средневековья между Европой и Востоком — далеко не прямолинейный процесс, который можно было бы свести к упрощенной формуле: «Европейцы – покупатели, восточные феодалы – продавцы». Напротив, работорговля в XIII–XV вв. — это сложный комплекс внешних и внутриэкономических связей, социальных, межнациональных, политических и даже дипломатических отношений. Однако движущей силой, мотором работорговли всегда был экономический фактор, который детерминировал поведение всех участников купли-продажи живого товара. В лице контрагентов генуэзских предпринимателей, полностью или частично специализировавшихся на торговле людьми, выступали преимущественно западнокавказские феодалы, поставлявшие живой товар (захваченных в ходе набегов на ближние или дальние феоды пленных или же собственных крепостных) на рынки побережья. Реже в роли продавцов своих детей выступали отцы многодетных семейств, попавших в крайне тяжелые обстоятельства – неурожай, голод. Такого рода случаи были больше распространены в Зихии.

В свою очередь, итальянские предприниматели выступали в трех основных качествах: во-первых, в роли лиц, основные

функции которых сводились к закупке на местах и доставке пленных на рынки Савастополиса, Ло Вати, Каффы, Генуи, ряда других городов для их последующей перепродажи «оптовым» работорговцам, которые распределяли товар дальше; во-вторых, в функции контрагентов крупных рабовладельцев в мусульманских странах (египетского султана и т. д.); в-третьих, итальянский торговец мог контролировать весь процесс – от закупки рабов у местных феодалов до продажи их на рынках Западной Европы или Востока непосредственно в руки новому владельцу. В любом случае, обращенный в рабство «кавказский серв» несколько раз переходил из рук в руки. Иногда генуэзцы или каффинские итальянцы покупали раба для собственных нужд.

Институт рабства в истории средневекового общества, в том числе в период развитого феодализма в Италии, достаточно всесторонне исследовался в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных ученых. Круг историко-аналитических вопросов здесь весьма широк: социальные, общечеловеческие проблемы, анализ феноменов рабовладения и работорговли в их экономических аспектах. Несмотря на большой объем литературы по этому вопросу, исследователи указывают на недостаток фактической документации, которая была бы равномерно распределена по историческим отрезкам времени[221].

Для эволюции рабства в эпоху средневековья в Лигурии характерны четко определенные периоды преобладания представителей того или иного этноса, фигурировавшего в качестве основного источника рекрутирования невольников. Истории рабства в самой Италии XIII–XV вв. присуща и другая особенность: невольники кавказского происхождения отчетливо преобладали именно на генуэзском рынке, что еще раз подтверждает то, что именно Генуя, а не Венеция или Пиза, например, интенсивно развивала свою предпринимательскую деятельность на берегах Кавказа.

[221] Gioffre D. Op. cit., p. 5.

В. Габашвили указывает, что распространение торговли пленными в Грузии было вызвано, с одной стороны, экспансией Запада, в частности Генуэзской республики, с другой – упадком причерноморских и кавказских стран (ослабление центральной власти, междоусобные феодальные войны, обострение классовой борьбы)[222].

После Нимфейского договора, согласно которому византийский император Михаил VIII Палеолог даровал генуэзцам привилегию свободной торговли по всему побережью Черного моря, они в первую очередь принялись энергично развивать работорговый промысел, поскольку он в кратчайшие сроки приносил огромные барыши[223], непосредственно снабжаясь товаром на кавказских рынках. В средневековой Европе спрос на рабов кавказского происхождения был довольно устойчивым. Еще большие доходы приносила перепродажа невольников с Кавказа в мусульманские страны. Поэтому проникновение генуэзцев в кавказский регион Черного моря в значительной мере разнообразило этническую картину на рабовладельческих рынках Западной Европы: объектом купли-продажи стали невольники зихского, абхазского, мегрельского и другого грузинского происхождения[224]. Это были в основном бывшие крестьяне-производители, насильственным путем оторванные от земли, или их дети, обращенные в рабство по воле феодалов.

Ж. Эер называет восточное Причерноморье «берегом рабов»: он пишет, что рабы-зихи закупались в Суджуке (Chalolimen), обращенные в рабство абхазы и мегрелы – в Субетчи (Chastro, Soubetciii), Савастополисе (Porto Meagrello), Анакрии (Anakria), грузины, под которыми подразумевались имеретинцы и гурийцы, – в Фазо Фасции (Faso)[225].

---

[222] Габашвили В. Указ. соч. С. 29.

[223] Balard M. Op. cit., vol. I. P. 290.

[224] Gioffre D. Op. cit. P. 13.

[225] Heers J. Op. Cit. P. 260.

Первые указания о вывозе рабов в Геную из района Черного моря восходят еще к 1159 г.[226], но число их было, очевидно, незначительным.

Рабы, как и другие предметы коммерции, поступали на центральные рынки: в Крыму – в Каффу, на Кавказе – в Савастополис, Фазо Фасцию, Ло Вати, в Европе – в Геную. 1275 г. датируется первый известный нотариальный документ о продаже раба-зиха на генуэзском рынке[227]. Каффа, видимо, уже стала центром работорговли за несколько лет до этой даты. Генуэзцы участвовали в работорговле на Черном море и целых два века спустя, после захвата турками Константинополя[228].

Каффа сравнительно быстро сформировалась как крупнейший региональный рынок генуэзской работорговли, поскольку находилась на перекрестке путей, которые вели от Черного моря к христианской Европе и, с другой стороны, на мусульманский Восток – важное работорговческое направление. К тому же агенты египетского султана часто появлялись в Каффе и Фазо Фасции[229]. Однако роль генуэзцев в перевозке и продаже рабов всегда была первостепенной. Они, обосновавшись в Тавриде или на Кавказе, также перенесли туда итальянские обычаи: каждая семья латинского происхождения в Каффе обычно содержала одного-двух невольников.

Наиболее полные сведения об организации и динамике торговли рабами-кавказцами имеются по Каффе конца XIII в. и Генуе конца XIV –начала XV вв.

При анализе проблем итальянской работорговли в XIII–XV вв. необходимо разделить понятия развития структуры, особенностей ценоформирования этого промысла на крупных международных рынках в Лигурии и Каффе и, отдельно, в кав-

---

[226] Balard M. Op. cit., vol. I. P. 289.

[227] Verlinden Ch. Le recrutement des esclaves a` Genes. P. 50.

[228] Heers J. Op. Cit. P. 264.

[229] Heers J. Op. Cit. P. 264.

казских работорговческих пунктах: Мапе, Суджуке, Савастополисе, Фазо Фасции, Ло Вати, в основном ориентированных на посредническую деятельность под контролем официальных представителей правительства Генуи и на вывоз невольников за пределы Кавказа, с одной стороны, а с другой – фактическую эволюцию структуры контингента рабов в самих Генуе или Каффе. Данные в первом и втором случае явно неравнозначны. В Каффу и Геную на международные работорговые рынки с побережья Кавказа поступали сотни и тысячи рабов. Это даже создавало определенные проблемы для правительства Коммуны[230].

Цифры, отражающие в известной степени структуру рабства в самой Генуе, гораздо скромнее.

На протяжении XIII–XV вв. рабство и работорговля в самой Лигурии, Каффе, городах прибрежного Кавказа – разнохарактерное явление, несмотря на наличие ряда общих определяющих черт (использование рабочей силы невольников и т. д.). В зависимости от рынка варьировались географическое и этническое происхождение невольников, их половозрастные характеристики. Цены непосредственно были связаны с колебаниями конъюнктуры и социально-политическими условиями, в которых протекала мировая работорговля в целом, зависели от специфики потребностей того или иного регионального рынка. Для предпринимателя раб был таким же товаром, как зерно или ткань. Рынок интенсивно пополнялся в благоприятные для этого рода коммерции годы или же был скуден, когда войны или такие стихийные бедствия, как эпидемии чумы, прерывая обычные маршруты работорговли, сначала сокращали, а затем резко повышали потребности в рабочей силе или воинах.

Однако по сохранившимся историческим документам достаточно трудно проследить реальную динамику той или иной этнической группы в корпусе генуэзских или каффинских рабов. И вот почему. Значительное увеличение количества нотариаль-

[230] См.: Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы... С. 12–13.

ных актов в общем числе документов о «восточной рабочей силе», относящихся к какому-либо этносу в определенный период, могло означать, что существенно уменьшились поставки на рынок невольников из другого района Черного моря или то, что в силу торговой, политической или какой-либо иной конъюнктуры в этот конкретный исторический момент работорговцы могли переориентироваться на иной рынок. Однако сам объем вывоза рабов, например из Зихии, вряд ли уменьшился, если учитывать экономическое положение этого района и тенденции, господствовавшие в его политической, хозяйственной и социальной жизни.

Отчеты итальянских торговцев и путешественников показывают, что рабы представляли собой значительный объект торговли для местных феодалов, а работорговля с упором на вывоз представителей собственного народа – специфику локальной экономики. Она регулировалась знатью. Торговые отношения властей Каффы с феодалами Зихии, Абхазии и Мегрелии были весьма активны и непрерывны, вплоть до того что грузинские феодалы поставляли рабов непосредственно на крымский рынок. В свою очередь, сами генуэзские торговцы часто закупали невольников у местных феодалов в крупных поселениях (Мапе, Суджуке, Савастополисе, Фазо Фасции, Ло Вати).

Основным источником пополнения рабовладельческих рынков были локальные межфеодальные конфликты (набеги на территории соседей) или продажа собственных зависимых крестьян, широко практиковавшаяся князьями. Ж. Эер пишет, что рабы Каффы – зихи, абхазы, мегрелы – это пленники, добытые в результате постоянных войн или военных стычек, карательных экспедиций, набегов или грабежей, или дети, прямо проданные в рабство их родителями. По его мнению, о самом процессе закупок историкам практически ничего не известно[231]. Д. Джоффре отмечает, что дипломатические и экономические

[231] Heers J. Op. Cit. P. 264.

связи Каффы и других центров генуэзской Тавриды с кавказскими соседями были интенсивны и постоянны, о чем свидетельствуют нотариальные книги и документы, сосредоточенные в Государственном генуэзском архиве, а также Массарии Каффы и материалы так называемого Оффициума провизионис Романие. По мнению этого ученого, сосредоточившего свое внимание в данном случае на Зихии, в XIV-XV вв. зихское общество носило патриархально-феодальный характер и в социальном отношении дифференцировалось на свойственные этой эпохе сословия, а работорговля являлась характерной чертой экономики зихов[232]. К подобному выводу приходит В. Габашвили, назвавший торговлю пленными характерным явлением для всей Западной Грузии[233].

Тот факт, что в истории генуэзского института рабства зихи были одной из самых многочисленных этнических групп, явно проистекает из самого характера общественно-экономической системы этой народности. Ф.К. Брун указывал, что генуэзцы вывозили много невольников, выменивая их у владетелей Зихии на рубахи из бокассина, которые сами по себе «сделались мерилом ценностей у черкесов»[234], или другие товары. Гораздо реже итальянские купцы авантюрного склада, не довольствовавшиеся предложением со стороны местных феодалов, захватывали рабов сами[235].

В сущности, почти каждый купец – владелец итальянского корабля, который шел с берегов Кавказа с грузом, например, строевого леса или зерна, стремился увеличить свои барыши за счет продажи нескольких невольников, задешево купленных прямо на местах, причем эти люди не были профессиональными работорговцами.

---

[232] Gioffre D. Op. cit., p. 21.

[233] Габашвили В Указ. соч. С. 35.

[234] См.: Брун Ф. О поселениях... С. 385.

[235] См.: Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки... С. 91.

Для регулирования и надзора над работорговым промыслом, сбора пошлины в казну правительства Генуи с купцов и владельцев каждого конкретного корабля, на котором перевозились рабы, был создан и активно действовал «Оффициум св. Антония» (Коллегия св. Антония)[236], чьи основные функции состояли в сборе пошлины от работорговли. Известно, что это учреждение имело в 1424 г. своих агентов в Савастополисе и Фазо Фасции[237].

В отдельные периоды генуэзское законодательство и с начала XIV в. папская курия запрещали перевозку невольников на судах Коммуны[238] и вывоз их в страны Востока, но этот запрет, видимо, легко обходили предприимчивые купцы. Итальянский путешественник Эмануэль Пилоти указывал в своем трактате о странствии на Святую землю, что султан-мамлюк ежегодно приобретал около 2000 рабов в Каффе, которых транспортировали в Египет на кораблях, принадлежавших «очень неискренним и очень плохим христианам»[239]. Под этими «христианами» подразумевались генуэзцы.

В 1311 г. в своем меморандуме папа Клемент V настаивал на запрещении вывоза невольников из Каффы в Египет, мотивируя свой запрет стремлением уменьшить власть «неверных». Позже папские вето на работорговлю буквально следовали один за другим, но они тем не менее регулярно нарушались «богобоязненными» генуэзскими торговцами, для которых верховным принципом всегда оставалась прибыль. Характерно, что генуэзцы торговали, несмотря на особые запреты папской курии, и крещеными рабами[240].

Имена продавцов и новых владельцев невольников в нотариальных актах, опубликованных Г. Брэтиану, почти не повторя-

---

[236] Более подробно об Оффициуме св. Антония см.: Э.В. Каффа... С. 210.

[237] Верлинден Ш. Торговля на Черном море... С. 9.

[238] См.: Canale M. Nuova..., vol. II, p. 449.

[239] Цит. по CH. Verlinden. La cjmmerce en mer Noir, p. 10-11.

[240] См.: Delort R. Quelgues pre`cisions, p. 223.

ются. Можно судить об отсутствии в конце XIII в. на рынке генуэзской Каффы одного или нескольких постоянных «оптовых» торговцев рабами кавказского происхождения. Только Миллано Асти обозначен дважды в качестве продавца. Напротив, имена владельцев итальянских кораблей на рубеже 90-х годов XIII в. часто встречаются в списке продавцов живого товара: например, владельца тариды «Сан Джорджо» V, ди Сестри Леванте, тариды (без указания названия) – Д. Бонавентуры, собственников лингий – Джакомо Леркари, Моальдо делла Вольты, Мануэле Негроне[241]. Видимо, эти мореплаватели практически всегда стремились увеличить свои барыши за счет продажи рабов, задешево купленных прямо на местах – в портах Кавказа. Имена этих мореходов остались в истории как прямых нарушителей законодательства Генуи.

Существует историческое свидетельство того, что не гнушались торговлей живым товаром и католические священнослужители: латинский текст нотариального акта гласит, что «во имя Господа Бога» аббат делла Порта продал 14-летнюю лезгинку-рабыню по имени Мария (то есть уже крещенную) за 370 аспр[242]. Подобные случаи мы встречаем и в публикациях Д. Джоффре.

В самой же Западной Грузии в рабство своими «повелителями» обращались и так называемые церковные крестьяне, приписанные к монастырям или подаренные им князьями. Следовательно, в роли торговцев выступали и местные духовные лица.

В нашем исследовании четко прослеживается постоянный рост цен на рабов в течение всего периода эксплуатации Генуей Кавказского Причерноморья. (В параграфе указаны цены

---

[241] Здесь и далее, за исключением оговоренных сносками случаев, для анализа использованы нотариальные акты, опубликованные Г. Брэтиану в кн.: Fctes des notaires ge'nois de Pe'ra et de Caffa de la fin du XIII-e sie'cle/ 1281-1290.

[242] Bre'tianu G.I., Actes..., p. 218.

в ливрах и лирах; чтобы не менять цифровые данные, приведенные Д. Джоффре в лирах, отметим, что в середине XV в. соотношение ливра и лиры равнялось примерно 1:2,6. Один каффинский сомм содержал в себе 200 аспров. В конце XIII в. один генуэзский ливр был равен 32 каффинским аспрам.)[243] Помимо действия чисто конъюнктурных факторов, рост цен на рабов был связан с развивавшимся в течение двух веков валютным кризисом Генуи – девальвацией ее монеты: если в 1288 г. одно су было эквивалентно 2,8 граммам чистого серебра, то есть один ливр равнялся 56 граммам серебра, то в 1404 г. стоимость ливра была не выше 28,77 граммов серебра, упав вдвое[244].

Сохранившиеся торговые нотариальные акты практически всегда указывают три основных элемента сделки по купле-продаже невольника, которые непосредственно сказывались на его цене: этническое происхождение, пол и возраст.

В известном издании «Акты генуэзских нотариусов Пера и Каффы (1281-1290 гг.)», прокомментированном профессором Г. Брэтиану, опубликовано 47 документов о продаже 50 невольников кавказского происхождения[245]. 26 из 50 проданных в Пере и в основном Каффе рабов и рабынь – зихского и абхазского происхождения.

Во многих нотариальных актах этническая принадлежность не проставлена, но если судить по именам и кличкам, то видно, что невольники кавказского происхождения составляли на рынках рабов в Каффе и Пера в конце XIII в. больше половины их контингента. (В.В. Бадян, А.М. Чиперис приводят таблицу продажи рабов в Каффе, также составленную на основе документов, опубликованных Г. Брэтиану. По их подсчетам, из 34

[243] См.: Balard M. Op. cit., vol.I, p. 297.

[244] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 814.

[245] См.; Bra`tianu G. I. Actes..., p.150, 157, 164-165, 183-184, 189, 197-199, 207-208, 210, 219, 236, 242, 247, 248, 251, 280-282, 296.

невольников, купленных в Каффе, – 15 зихов, 4 женщины-абхазки и 6 лезгинов)[246].

Из 26 невольников, обозначенных как выходцы с Кавказа, 6 абхазов, 17 зихов и 3 лезгина. Всего двое мужчин, 11 женщин и 13 детей в возрасте от 5 до 16 лет. В самой высокой цене молодые женщины – до 600 каффинских аспр серебром. Лишь один мужчина-зих был продан в Каффе за 750 аспр. Это одна из самых высоких зарегистрированных в актах XIII в. сумм.

В 1281 г., по документам нотариуса Габриеле ди Предоно, опубликованным Г. Брэтиану, помимо каффинского рынка, рабы кавказского происхождения были отмечены на рынке в Пере. На нем в основном продавались девочки и девушки зихского и абхазского происхождения – обычные жертвы работорговцев. Продавцами, судя по актам, являлись, за редким исключением, опять же лигурийцы. Это еще одно подтверждение тому, что начиная с 1280 г. генуэзцы сами были представлены в пунктах работорговли на кавказских берегах и могли уже обходиться без посредников. Практически невозможно по сохранившимся документам определить общее количество рабов кавказского происхождения в Пере в XIII в. Присутствие рабов кавказского происхождения, в том числе абхазов и мегрелов, отмечено и на Хиосе.

Цены на невольников варьировались в зависимости от торговой конъюктуры, насыщенности рынка, физических достоинств, этнического происхождения, цвета кожи, половозрастных характеристик, профессиональных навыков и т. д. Располагая относительно полной шкалой цен, М. Балар отмечает, что если в начале XIV в. татары и зихи ценились примерно равнозначно, то в конце века стоимость кавказцев была существенно выше стоимости рабов-татар, поскольку в 1400-е годы на внутреннем генуэзском рынке из-за его перенасыщения татарами зихи и абхазы были сравнительно более редким и ценным товаром. Не-

[246] Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы... С. 179.

которые зихи с оливковым цветом кожи ценились дороже, чем рабы-белые[247].

Различие цен на мужчин и женщин – яркий показатель в истории работорговли Генуи. Женщины всегда стоили дороже мужчин. Это обстоятельство косвенно подтверждает затухающий характер рабовладельческих отношений в самой Лигурии, уже мало нуждавшейся в рабочей силе невольников. Разрыв в ценах достигал своего максимума при дефиците товара для пополнения гаремов. Самыми дешевыми были мужчины старше 30 лет, считавшиеся уже не годными к тяжелой работе «изможденными стариками».

На каффинском рынке цены на рабов с Западного Кавказа в XIII в. были весьма неравнозначны. Так, в нотариальном акте указывается, что «белокожая рабыня из Зихии» была продана за 360 аспр; спустя три года женщина примерно с теми же данными стоила уже 460 аспр; 300 аспр была цена зиху-блондину; мальчики этой народности 14 и 12 лет стоили соответственно 750 и 340 аспр, а девочка из Зихии в возрасте 5-6 лет была продана за огромную для того времени сумму в 6 иперперов и 12 каратов золотом.

М. Балар, исходя из проанализированных им источников, констатирует: невольники абхазского происхождения «всегда в среднем стоили меньше», чем зихи или лазы – 333 аспра против 453 и 401 аспров, соответственно[248].

Наибольшее число рабов, проданных в XIII в. на рынке в Каффе, происходило из близколежащих районов Кавказа: зихи или черкесы[249] были представлены 33 именами (44 %), лазы –

---

[247] Balard M. Op. cit., vol. II, p. 811.

[248] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 290.

[249] Синонимия данного этнического понятия была установлена еще Марко Поло и Дж. Интериано. Последний даже зафиксировал это в названии своей книги: Interiano G. La vita e sito de`Zichi cyiamati Cifrcassi: istoria nobile. Venise, 1502; G.G. Musso. Il tranoto di Caffa genovese. – Miscellanea di storia ligure in memoria di Giorgio Falco, Ge`nes, 1966.

23 %, абхазы – 11 %. Таким образом, четверо из каждых пяти проданных в Каффе рабов являлись выходцами из Кавказского Причерноморья[250].

В конце XIII в. до продажи в Каффе 77 % рабов носили языческие имена; в ряде случаев ни нотариус, ни клиенты не знали, как все же именовать невольника, и давали ему имя, скорее кличку, по этническому происхождению (Jarcaxia, Zicha). Подобная ситуация кажется М. Балару весьма значимой с точки зрения исследователя-историка: обычно хозяева старались как можно скорее дать невольнику латинское имя, отсутствие же оного указывало на то, что раб был только что «вырван» из своей «среды обитания»[251].

Рабы, купленные в Каффе и перепроданные в Генуе, за редким исключением уже носили латинское имя[252]. Следовательно, процесс крещения происходил непосредственно в Каффе.

Возрастные характеристики, по Г. Братиану, указывают, что кавказцы попадали в рабство преимущественно в детском и подростковом возрасте – 10-14 лет. В свою очередь, М. Балар устанавливает средний возраст продававшихся в Каффе рабов кавказского происхождения мужского пола в 11,3 года, женского – в 15,6 лет. Столь раннее попадание в статус невольника М. Балар поясняет тем, что на Кавказе главы семей продавали детей, как лишние рты, объясняя это тем, что племя не могло их прокормить[253]. Если согласиться с выводом этого историка, то вполне уместным здесь кажется предположение о критической экономической ситуации в ряде районов Северо-Западного и Западного Кавказа в конце XIII в. В таком случае увеличение продажи рабов кавказского происхождения могло бы явиться косвенным свидетельством неурожая, стихийных бедствий, просто голода в том

[250] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 291.
[251] Balard M. Op. cit., vol.I, p. 292.
[252] См.: Delort R. Op. cit., p. 223.
[253] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 292.

или ином районе, вызванными опустошительными нашествиями Хорезмийского шаха Джалал-ад-Дина и монголами.

По подсчетам М. Балара, более взрослыми были рабы, продаваемые уже на Западе – в среднем 17–20 лет. Автор объясняет данный феномен тем, что рабы определенное количество лет служили (или находились на выучке в Тавриде) своему первому хозяину[254].

Половозрастные и этнические характеристики играли, несомненно, важную роль в определении цены невольника, но само ценообразование этим не исчерпывалось, поскольку в актах зафиксированы большие отклонения от среднего уровня в ценах на рабов с приблизительно равными данными. Например, четыре 12-летних мальчика (трое из них зихи) были проданы соответственно за 300, 430, 500 и 675 аспр. М. Балар в целях определения среднерыночной цены предпочитает отказыватья от учета наибольшей (как данной за элитный товар) и наименьшей (товар с дефектами) суммы[255].

Если рассмотреть датировку нотариальных актов 1289-1290 гг., количество продаж сокращалось зимой, но цены практически не изменялись. Трудно, например, объяснить тот факт, что венгр Павел (30 лет) был продан за 130 аспр, а абхаз Венали этого же возраста – за 500. По-видимому, Венали мог быть искусным ремесленником или обладать, учитывая его критический для раба возраст и высокую цену, какими-либо другими достоинствами.

При продаже в Каффе, считает М. Балар, распределение невольников по полу было более или менее равномерным: «Кавказские племена, принуждаемые голодом, не обращали внимание на пол, когда речь шла о продаже в рабство детей, не способных еще работать…»[256] Однако, с нашей точки зрения,

[254] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 292.
[255] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 294.
[256] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 294.

главы кавказских родов стремились, скорее всего, «избавиться» в первую очередь от девочек, поскольку мужская сила могла еще пригодиться «племени». Поэтому мальчики более дороги и реже встречаются на рынке, ведь работа подростка-мужчины более производительна, он в перспективе будущий воин. В Каффе юноши продавались несколько лучше, чем девушки. Но начиная с определенного возраста спрос на молодых мужчин резко снижался. Египет, например, закупал исключительно мальчиков и юношей, опять же исходя из того соображения, что рабочая сила с возрастом падала в цене. Во-вторых, юноши в Египте использовались в военном ремесле. Небольшие расхождения отмечены в ценах на женщин в возрасте 18–30 лет, которые привлекались к домашнему труду.

Трудно сейчас определить судьбу невольника, проданного в Каффе: остался ли он в самом городе, был ли вывезен в Египет или иную мусульманскую страну, наконец, отправлен на Запад.

Чрезвычайно мало известно актов XIII в., которые бы закрепляли отпуск раба на свободу.

Можно сопоставить цены на рабов в Каффе и в самой Генуе: в июне 1291 г. рабыня зихского происхождения в возрасте 14 лет стоила в Генуе примерно 575 аспр, в то время как на каффинском рынке средняя цена сходного товара была примерно 470 аспр; в ноябре 1293 г. зихская девушка 18 лет была продана в Генуе за 640 аспр – на 140 аспр больше, чем средняя цена такой рабыни в Каффе[257]. Прибыль работорговцев в обоих случаях равнялась 20–25$ без вычета издержек на перевозку и пищу. Однако М. Балар считает подобную прибыль весьма скромной с учетом значительного риска, связанного с перевозкой раба на столь длинные расстояния, возможных болезней, смертельного исхода во время этого путешествия. По его мнению, генуэзские торговцы получали гораздо больший процент прибыли от продажи в Каффе и в Генуе другой продукции: квасцов,

[257] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 297.

воска, зерна или кож[258]. Однако с этим доводом ученого трудно согласиться. Во-первых, мы не имеем сопоставимых данных о прибыли торговцев от продажи этих товаров; во-вторых, если бы работорговля не была исключительно прибыльным делом, то предприимчивые итальянские купцы не уделяли бы ей столь повышенное внимание. Тем не менее М. Балар, скорее всего, прав, утверждая, что в конце XIII в. невольники не выделились еще в объект специальной коммерции, сосредоточенной в руках нескольких крупных коммерсантов, которые монополизировали весь этот промысел[259].

Известно очень мало нотариальных актов, относящихся к первой половине XIV в. и зафиксировавших куплю-продажу рабов-кавказцев. В 1344 г. в документах нотариуса Никколо Бельтраме отмечена продажа нескольких рабов покупателям-латинянам, среди которых значились консул и его викарий (в данном случае «викарием» был назван непосредственный помощник консула). Рабы были явно недавно вывезены из страны происхождения, ибо носили еще языческие имена: среди них два зиха и абхаз в возрасте 12–15 лет[260].

В последующие годы работорговля на Черном море была в значительной степени стимулирована эпидемией черной чумы на Западе, которая спровоцировала резкое удорожание рабов на рынке в Генуе в 1348–1350 гг. В силу прибыльности этого предприятия власти Коммуны попытались поставить работорговлю под государственный контроль и полностью утвердить на нее генуэзскую монополию. Роль Каффы и Савастополиса как транзитных невольничьих рынков для перепродажи в Западной Европе еще более укрепилась. В Каффе, например, был учрежден дом для рабов и активно стал действовать Оффициум св. Антония.

---

[258] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 297-298.

[259] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 297-298.

[260] Balbi G., Raiteri S. Notai genovese..., p. 29-30, 38, 56-58, 66-67, 91-93, 101.

В I385–1386 гг. в Каффе перепродавалось в среднем по 1500 невольников в год[261]. В конце XIV в. генуэзцы уже зачастую сами устанавливали контакты с главами родов или феодалами, которые поставляли на рынок молодых пленников, стремясь уклониться от контроля Оффициума св. Антония. Из-за определенных финансовых препятствий, связанных с его деятельностью, рабы из Зихии охотнее стали поставляться уже на рынок в Тану, причем там продавались преимущественно венецианцам[262].

Каффа была не только транзитным пунктом работорговли, по мере развития города и закрепления в нем генуэзских семей на постоянное жительство некоторые рабы оседали в самом городе. Известно, что в 1385–1386 гг. в Каффе постоянно проживало не менее 530 невольников при общем числе жителей, оцененном в 20 тыс. человек[263]. В основном каффинские невольники в XIV в. были молодые мужчины (соотношение рабов и рабынь было 4:1) и, судя по именам, зихского или татарского происхождения. Итальянская семья, проживавшая в Каффе, редко содержала больше одного раба, поскольку девальвация аспры в конце XIV в. существенно увеличила цены на них.

Что касается рынка и корпуса рабов кавказского происхождения в метрополии, по редким сохранившимся историческим документам, часть из которых впервые приводится в монографии М. Балара, мы подсчитали, что в Генуе в 1300–1320 гг. эксплуатировалось не менее 21 выходца с Кавказского побережья Черного моря, из них 17 зихов и только 4 абхаза; в последующие 60 лет, в 1320–1375 гг., по нотариальным актам проходило 28 человек из прибрежной зоны Кавказа (4 абхаза), а в 1381–1400 гг. этот показатель увеличился до 79 человек (66 зихов, 10 абхазов, 3 мегрела)[264]. Естественно, что известные современным

[261] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 300.
[262] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 300.
[263] Balard M. Op. cit., vol. I, p. 300.
[264] Подсчитано по: Balard M. Op. cit., vol.II, p. 792, 799-801.

ученым исторические документы далеко не отражают всю полноту картины. Рабов-кавказцев в Генуе, несомненно, было гораздо больше, если вспомнить усилия правительства Генуи, чья казна получала солидные доходы от работорговли.

В корпусе рабов зихского происхождения в XIV в. в Генуе преобладали подростки и молодые женщины, хотя пропорция молодых мужчин была все же выше средней для генуэзского рынка. Отмечен прилив в 1375 г. и в последующем десятилетии невольников-зихов в Геную, который, вероятно, был стимулирован общим ростом цен на них из-за последствий чумы в Египте, которая обострила интерес работорговцев к экспорту этого товара с Кавказа.

Среди невольников, которые использовались непосредственно в Генуе XIV в., были отмечены абхазы: в начале века преимущественно женщины, позднее на рынке появились рабы мужского пола, доставленные в этот город в основном через Каффу. Из сохранившихся актов мы знаем, в конце XIV в. в Генуе было не менее 18 невольников-абхазов. Мегрелы также являлись объектом работоргового промысла, хотя в списках генуэзских рабов двух последних десятилетий XIV в. их было отмечено только трое.

Таблица

Распределение рабов по этническому признаку в Генуе конца XIV в.

Этническое происхождение	**Мужчины**		**Женщины**	
	Число	%	Число	%
Зихи	39	35,1	72	64,9
Абхазы	6	33,4	12	66,6
Мегрелы	—	—	3	100

Сарацины	45	66,1	22	33,9
Русские	32	38,2	52	61,8
Болгары	8	44,5	10	55,5
Армяне	1	33,4	2	66,6

Таблица[265] показывает, что в Генуе конца XIV в. в этнических группах невольников количество женщин превышает количество мужчин (кроме сарацин).

Итальянский исследователь Д. Джоффре проделал огромную работу, рассмотрев свыше 100 тыс. нотариальных актов XV в., хранящихся в генуэзском архиве, и опубликовал в приложении к своей работе «Рынок рабов в Генуе в XV в.» подробные списки обнаруженных им документов по этносу невольников, вывезенных в метрополию.

Наиболее ёмким рынок восточных рабов в Генуе был в третьей четверти XV в. – 456 актов продажи, введенных в научный оборот Д. Джоффре, по сравнению с 256 актами в первые 25 лет века и 296 актами – в 1425–1449 гг. К концу века рынок восточных рабов фактически истощился – только 124 акта. Всего за столетие нотариальные сделки отразили продажу 1132 невольников – выходцев из Северного и Восточного Причерноморья.

Наши нижеприведенные подсчеты базируются на исторических данных, собранных Д. Джоффре[266]. В первые два десятилетия XV в. 30 % всех документов, относящихся к восточным рабам, было посвящено русским. В последующий период (1426–1450 гг.) русские упоминались уже в 41,5 % актов, в 18% – зихи, в 19 % – абхазы и только в 1 % – мегрелы, остальные акты касались рабов-татар. В последующее десятилетие (1451–1460 гг.) к русским относилось уже примерно 33 % документации о рабах – выходцах из района Черного моря.

[265] Составлено по: Balard M. Op. cit., – pol. il. p.799.

[266] Gioffre D. Op. cit., p.58,61, 277-330.

Народность зихи проставлена в 365 нотариальных актах, которые в своей совокупности позволяют нам представить структуру зихского корпуса рабов в Генуе. В XV в. невольники-зихи составляли 32,2 % всех «восточных рабочих», русские – 36,7 %, татары – 20,5 %. В первой четверти XV в. 74 акта, в которых упомянуты эти невольники, составляют 29 % свода документации о восточной «рабочей силе».

Во второй четверти XV в. количество рабов-зихов практически было равно количеству татар и абхазов и лишь несколько превышало русских (55 документов).

В период 1450–1475гг. зихи указываются уже в 170 документах, что значительно превышает общий показатель для других народностей и отражает, по-видимому, интенсификацию торговли рабами со стороны феодалов этого региона (37,1 %). Наконец, в последней четверти XV в. корпус зихских рабов в Генуе демонстрирует удивительную жизнеспособность и составляет примерно 53,7 % всей «восточной рабочей силы», упомянутой в нотариальных актах (66 актов)[267].

Из 130 зихов, проименованных в актах в первой половине XV в., мужчины составляли 28 человек, или 22,5 % от общего числа. Преобладание женщин еще более выделяется во второй половине века: из 238 рабов только 19 мужчин. В 55 контрактах о купле-продаже или передаче в найм рабов речь идет о женщинах зихского происхождения, готовящихся стать матерью или недавно родивших, что предполагало, видимо, их использование в качестве кормилиц. В целом представительницы Зихии, как это следует из нотариальных актов, считались на рынке в Генуе привлекательным товаром в сугубо физическом смысле, что во многом объясняет подавляющее преобладание женщин над мужчинами в этом этническом контингенте невольников (у татаров соотношение мужчин и женщин примерно равно)[268].

---

[267] Gioffre D. Op. cit., p. 58.

[268] Gioffre D. Op. cit., p. 17.

Что же касается религиозной принадлежности рабов-зихов, то они почти все представлены крещенными до продажи в Генуе, так как языческие имена или имена с искаженным кавказским оттенком (Чичикацца, Скарамуччиа, Зико, Ярчазия, Сирказия (буквально – «черкеска») достаточно редки. Из 365 рабов из Зихии некрещеными поступили на христианский рынок людей в Генуе только 11 человек.

В 1430 г. рабыня из Зихии Сиркасса, 40 лет, была отпущена на волю неким Империале Ломеллино некрещеной. Удивительно, что в 1468 г. из этой же семьи Ломеллино была отпущена на волю также некрещеной 40-летняя кавказская рабыня Сита. Известно, что работорговцы перед продажей перекрещивали раба из православной веры в католичество, реже они крестили язычника. В 1333 г. папа Иоанн XXII пишет о жителях Кавказа как об «обращенном» населении. Исламизация Зихии, пишет Дж. Ориго, по-видимому, произошла позже, после падения Константинополя[269].

В 1400–1450 гг. в числе вольноотпущенников значится 15 рабов-зихов, причем во всех случаях их возраст намного превышал 30 лет. Был случай, когда рабыня Мария получила волю в 55 лет. Ко второй половине века относится уже 52 подобных акта, то есть в 3,5 раза больше, причем заметно общее снижение возраста: половина вольноотпущенных молодые (25–30 лет). Интересно, что некая кавказская рабыня Мелиция получила волю лишь потому, что она предназначалась в качестве доли наследства Грегорио Усодомаре, а тот просто не захотел ее взять в дом, что и было закреплено актом нотариуса Паоло да Рекко от 11 января 1453 г.

Присутствие абхазских рабов в Генуе XV в. было сравнительно существенным. С другой стороны, Ш. Верлинден в монографии «Рабство в средневековой Европе» указывает, что в

[269] Origo G. The domestic enemy: the eastern slaves in Toscany in the XIV th. and XV th. Ctnuries. London, 1955, p. 360.

Арагонском королевстве, где были собраны рабы практически всех «восточных» национальностей, невольников-абхазов практически не было[270]. Из приведенных Д. Джоффре данных видно, что в XV в. в Генуе были зафиксированы 165 невольников абхазского происхождения, они были процитированы в 14,5 % актов от общего числа сделок различного характера, касающихся «восточных рабов». Эта группа распределялась в течение века следующим образом: в 1400–1424 гг. была зарегистрирована продажа, передача в залог, по наследству и т. д. 24 невольников-абхазов (8,7 % от общего числа актов); в 1425–1449гг. – 58 (19,6 %); в 1450–1474 гг. – 57 (12,7 %); в 1475–1499 г. – 25 (20,3 %)[271].

Надо отметить, что собственно куплю-продажу – без прочих юридических ухищрений – абхазских пленных фиксировало только 95 из 165 приведенных Д. Джоффре по этому этносу актов. Средняя цена мужчин, вывезенных из Абхазии в первой половине века, – 75 лир (средний возраст – 17 лет), женщин – 117 лир (средний возраст – 21 год). Во второй половине века продаются, за редким исключением, только женщины-абхазки, чей средний возраст достиг 26 лет, а цена повысилась до 180 лир.

Количество актов, касающихся женщин-абхазок – 141 (две из них с детьми). Из 165 невольников абхазского происхождения только 11 были проданы в рабство некрещеными (они носили или общеэтническое имя-кличку, например, Авогазия – абхазка, или же грузинские имена: Кали, Сита, Амар, Аблам). Следовательно, подавляющее число невольников-абхазов (92,5 %) до продажи (или перепродажи) на генуэзском рынке были окрещены.

Самая низкая цена за раба-абхаза была дана в 1408 г. – 62 лиры (Джакобето, 24 года). Самая высокая – в 1430 г. (125 лир, Вентурино, 15 лет). Однако 10-летний раб-абхаз Амар был про-

[270] Verlinden CH. Op. cit., vol. II, p. 340.

[271] Gioffre D. Op. cit., p. 58.

дан в 1433г. в Хиосе Лучиано де Соларио некому Луке Сачерио за 125 иперперов серебром, достаточно солидную для того времени сумму, – по обменному курсу это составляло свыше 1000 генуэзских лир. Общая стоимость труда отданной в поднайм на 12 лет 35-летней служанки Катерины из Абхазии была определена всего в 100 лир (1444 г.). Самая высокая цена, отданная за рабыню из Абхазии, составила 253 лиры (1487 г., Мария, 28 лет). Самая низкая – в 1423 г. – 45 лир (Маргарита, 32 года). Стоимость женщины с двухлетним ребенком была определена в 167 лир в 1430 г., а с пятилетним ребенком в 1448 г. – в 160 лир, то есть приблизительно равнозначно.

О колебаниях средней стоимости рабов абхазского происхождения можно судить по таблице 2 в Приложении.

Некоторые акты носят особый характер. Составленный нотариусом Томмазо Дурачино документ относится к 1457 г.: рабыня Маргарита в первый раз была продана за 185 лир Амброджио некоему Каттанео де Марини. Следующим актом продажа была аннулирована, поскольку обе стороны подтвердили у того же самого нотариуса, что сделка была фиктивной, а стоимость рабыни была не выплачена[272]. Каковы же были мотивы для столь хитрого маневра?

Известно, что в определенные периоды существовали регламентации, запрещающие вывоз рабов из Генуи, поскольку власти города опасались недостатка в рабочей силе невольников в периоды кризисов работорговли. Но тот, кто хотел обойти этот запрет и вывезти раба или же продать его заграничному покупателю, вверял свою «движимую собственность» обычно хозяину корабля якобы с той целью, чтобы раб использовался в пределах Коммуны. Оформлялся нотариальный акт продажи, однако следующим актом производилось аннулирование сделки, и прежний владелец товара, в нашем случае рабыни Маргариты, вновь

[272] Gioffre D. Op. cit., p. 25.

вступал в свои права и вывозил раба туда, куда хотел. Такое положение, по-видимому, существовало довольно короткий срок, до 1458 г., поскольку в последующие годы подобный маневр в актах не повторялся[273].

Любопытны и следующие документы. Рабыня-абхазка Катерина принадлежала «на паях» трем братьям – Паскуале, Антонио и Джеронимо Бондинарио; на 4/6 она была собственностью Паскуале, по 1/6 принадлежала двум другим братьям. Акт фиксирует волю их матери, пожелавшей, чтобы Катерина прислуживала ей во время серьезной болезни[274].

Многих невольников передавали другому владельцу под залог какой-либо суммы, видимо, за предоставленные в кредит деньги. Их количество резко увеличилось к концу XV в., когда, по всей вероятности, в силу разнообразных причин возрос так называемый торговый риск. Сумма кредита в основном определялась рыночной стоимостью невольника. Достаточно распространена была сдача рабыни в поднайм на определенный срок для выполнения функций кормилицы (абхазку Марию на два года за 80 лир). Скорее всего, женщину «сдавали» без ее собственного ребенка, поскольку ни в одном из цитированных Д. Джоффре актов не был оговорен пункт о наличии у рабыни сына или дочери. Лацциро де Физако сдал свою кавказскую рабыню Агостино де Ринальте в найм сроком на 12 лет. Последний умудрился сдать эту же рабыню некоему каталонцу в поднайм на два года для выполнения функций кормилицы[275].

Из актов о невольниках – выходцах из Абхазии и Мегрелии – необходимо выделить передачу рабыни как части наследства другому владельцу в 1457 г. (Мадзалина, 25 лет, оцененная в 180 лир), четкое указание в другом документе, что продажа являлась фиктивной (передача рабыни Маргариты от одного брата

---

[273] Gioffre D. Op. cit., p. 25-26.

[274] Gioffre D. Op. cit., p. 26.

[275] Gioffre D. Op. cit., p. 96.

Марини другому). В 1442 г. с рабыни родом из Зихии Катарины по ходатайству ее владельца Бартоломео Париссолы генуэзское правительство сняло обвинение в убийстве некого Лючино Сквасечи: убийство было признано непреднамеренным. Этот акт мог бы быть рассмотрен как редкое свидетельство тенденции гуманизации института рабства, однако, скорее всего, намерения владельца рабыни были более прагматичны – или обелить невольницу для ее последующей продажи, или вернуть в дом свою собственность, если она была в заключении, или стремление к снятию дискредитирующего всё «хозяйство» Париссолы несправедливого обвинения. Интересен сам по себе чрезвычайно высокий уровень рассмотрения этого уголовного дела. Далее, 25-летний абхаз Кристофоро (1425 г.) был передан другому владельцу взамен одолженного и впоследствии убежавшего раба до поимки последнего (акт нотариуса Лоренцо Вилла). Елена из Зихии, 29 лет, в 1458 г. была отдана Агостино Рипольто в качестве приданого его дочери Бенедеттине, причем это был далеко не единственный факт подобной передачи прав. Зарегистрированы случаи отпуска на волю по решению генуэзских синдиков – выборных лиц общинного самоуправления. Рабыня-грузинка, 34-х лет, Катарина была отдана в найм в качестве кормилицы за 60 лир сроком на три года. В акте специально оговорено, что в случае потери ею молока ее владелец вернет нанимателю 10 лир. Среди кормилиц наиболее популярными были татарки, в актах также перечисляются черкешенки, абхазки[276].

Известно, что хозяева часто склоняли невольниц к конкубинату; отсюда частое материнство рабынь[277], что создавало серьезные проблемы юридического порядка относительно статуса ребенка, рожденного от рабыни.

Документы разнообразны по юридической природе. За столетие владельцы отпустили на волю (что было зафиксировано

[276] Gioffre D. Op. cit., p. 103.

[277] Gioffre D. Op. cit., p. 96-97, 101.

специальными нотариальными актами) 24 невольника абхазского происхождения[278]. Причем за небольшим исключением вольноотпущенники были зарегистрированы в основном в последней трети века, когда рабство в Европе начало исчерпывать себя. Кроме двух случаев, это были женщины, возраст которых превышал 35 лет. Самая молодая, Мария, 14 лет, отпущена на волю неким Виоланте Сальваго в 1432 г., самая старшая – 50-ти лет, тоже Мария – отпущена Катериной де Порта в 1453 г. В 1456 г. монахиня (сестра Тобия из Леванта) сделала вольноотпущенницей 22-летнюю Лючию. Это произошло тогда, когда итальянка приняла постриг.

Среди продавцов и покупателей невольников кавказского происхождения фигурировали самые различные профессии: нотариусы, торговцы зерном и шелком, меховщики, парикмахеры, медики (доктор медицины Бортоломео де Фити Ларио), учителя, священнослужители (например, каноник Стефано Мерино приобрел в 1424 г. 15-летнего раба-абхаза Джованино), плотники, сапожники, комиссионеры, шелкопрядильщики, красильщики, портные, мясники, содержатели портовых таверн и т. д. Очевидно, что во многих случаях невольник приобретался не только для выполнения функций прислуги (так называемое *домашнее рабство*), но и для работы в ремесленной мастерской, и он обучался там какой-либо конкретной профессии. Особенно это касалось невольников мужского пола.

По свидетельству Ш. Верлиндена, рабы-мегрелы были чрезвычайно редки не только в соседней с Генуей Венеции, но и в Неаполитанском королевстве и Каталонии[279]. В Генуе они составляли достаточно узкую группу по сравнению с другими кавказскими народностями, представленными в Лигурии. В ко-

---

[278] См. например: Gioffre D. Op. cit., p. 26.

[279] Verlinden CH. Le recrutement des e'claves 'a Venise? p. 124; Idem. L`'esclavage dans le royaume de Naples 'a la fin de moyena'ge. – Summario de Historia economicf y social. p. 370; Idem. L'esclavage dans L'Europe, p. 340.

личественном отношении этот контингент занимал последнее место среди невольников, происходивших из района Черного моря. За весь XV в. среди актов, собранных Д. Джоффре, только в 19-ти был проставлен этот этнос. Об имеретинцах и гурийцах в Генуэзском архиве нет фактически никаких исторических сведений, скорее всего они могли проходить под названием абхаза или мегрела. Отдельно необходимо указать, что в самой Генуе при продаже раба-христианина из Колхиды его имя заменялось на созвучное, но уже католическое.

В 1400–1424 гг. было отмечено 2 мегрела (0,8 %); в 1425–1449 гг. – 3 (1,1 %); 1450–1474 гг. – 7 (1,5 %); I475–I499 гг. – 7 (5,7 %) от общего числа восточных рабов в Генуе[280]. Первое упоминание о рабе-мегреле относится к 1414 г., последнее – к 1490 г. В 1433–1451 гг. в документах Генуэзского архива нет ни одного упоминания. Однако в 1452 г., потом в 1453 г. некий Пьетро де Грилло продал двух рабов-мегрелов мужского пола – Валентино (16 лет) и некрещеного, видимо, недавно вывезенного самим продавцом Джорджино (буквально, «грузин»), 18-ти лет.

Помимо выходцев из северного и восточного Причерноморья в Генуе находилась большая группа «цветных» рабов-мавров, негров, а также представителей балканских стран. Д. Джоффре указывает на кризис в 1450-1470 гг. с поставками «восточных» рабов, к которым он относит татар, русских, зихов, абхазов и мегрелов. В документах этого периода значатся только 69 татар, 157 русских, 149 зихов и 58 абхазов[281].

При всем многообразии форм сочетания развитого феодализма с остатками института рабства в Западной Европе для Генуи XIII–XV вв. использование рабочей силы невольников не было столь характерным явлением, как для Востока. В самом городе рабы-мужчины эксплуатировались в основном только на тяжелых или опасных работах, что во многом и объясняет неболь-

[280] Gioffre D. Op. cit., p. 58.
[281] Gioffre D. Op. cit., p. 29.

шие масштабы внутреннего невольничьего рынка сравнительно с размахом внешних работорговческих операций Лигурии, которые регулировались преимущественно с ориентацией на восточные страны. В отношении рабынь преобладали потребительские тенденции. Невольницы использовались как служанки или кормилицы – во многом завуалированная форма рецидивов «гаремов" в быту богатых итальянских феодалов или купцов.

Взаимоотношения средневековой итальянской республики с народностями, населявшими Причерноморье, в том числе восточное, естественно повлекли за собой некоторые сдвиги в этнической и культурной жизни самой Генуи. Вольноотпущенные рабы редко возвращались на родину, хотя в общественном мнении города действовал, вероятно, определенный социальный и национальный остракизм, которому подвергались бывшие – отпущенные или выкупленные на свободу – невольники. Их относили к маргинальным слоям генуэзской социальной структуры. Они формировали (преимущественно по этническому признаку) небольшие замкнутые общины представителей кавказских и других народностей Причерноморья. Помимо сообществ бывших рабов, известно и о существовании общин корабельных гребцов и матросов, а также отбывших свой срок на галерах каторжников. Генуэзские этические нормы препятствовали смешанным межнациональным бракам, особенно когда речь шла о создании семьи с бывшим невольником.

Во многом по этим причинам, а также по национальным традициям, выходцы с Кавказского побережья пользовались прочной солидарностью своих соотечественников и зачастую проживали под одной крышей, в одном квартале.

По спискам вербовщиков исследователям удалось установить, что в Генуе на рубеже XIV-XV вв. искали работу четыре моряка – выходца из Савастополиса[282]. Известно также, что невольники-мужчины кавказского происхождения эксплуатирова-

[282] Balard M. Op.cit., vol. II, p. 991.

лись в качестве подсобной рабочей силы на такой опасной работе, как строительство мола в Генуэзской гавани в 1387 г.

Однако, несмотря на все ограничения, сталкивающиеся культуры – генуэзская и кавказская – не могли не взаимообогащаться. В повседневной жизни Генуи слышалась иноземная речь, из тканей и мехов, вывезенных из Восточного Причерноморья, шились и отделывались одежды с элементами национального кавказского орнамента, в Лигурии распространялись имена неитальянского происхождения, предметы быта кавказских народностей.

Не претендуя на всестороннюю оценку работоргового промысла как основного типа коммерческой деятельности Генуэзской республики XIII-XV вв., мы хотели бы подчеркнуть, что работорговля резко негативно воздействовала на историческую эволюцию западнокавказских народностей. Из среды обитания насильственно вырывалась молодежь, что не могло не искажать самобытные социально-этнические процессы, общественное сознание, систему ценностей и, в конечном итоге, влияло на национальные судьбы народов этого региона. Немаловажное значение имел и экономический аспект работорговли. Выручка от продажи рабов шла, за редким исключением, на обогащение местной знати. Вывозилась рабочая сила, столь нужная для развития хозяйственного базиса Западного Кавказа.

Подытоживая материалы II главы, отметим, что деятельность Лигурии во многом определяла экономическое положение феодалов и уровень эксплуатации народов Восточного Причерноморья. В стесненных экономических и политических обстоятельствах этого региона выход его товаров на международные рынки и большей частью внутренний обмен были осуществимы только при посредничестве Генуи. Естественно, что в такой ситуации итальянские негоцианты беззастенчиво присваивали прибыль. Местные народы же были вынуждены дешево отдавать плоды своего труда, что в целом делало невозможным ши-

рокое воспроизводство и искажало нормальный исторический процесс развития Западно-Кавказского региона.

§ 3. О памятниках материальной культуры генуэзской эпохи на территории Абхазии

Научное изучение истории, по мысли В.И. Ленина, требует комплексного подхода, рассмотрения ее как «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»[283]. Исследование археологического материала XIII–XV вв., обнаруженного учеными на абхазской земле, до известной степени позволяет реконструировать фактическую сторону пребывания иностранных купцов на этих территориях в эпоху средневековья, некоторые события, специфические подробности торговли и быта генуэзцев, восстановить эволюцию итальянских торговых поселений.

В этой связи автор предлагает описание ряда показательных, с его точки зрения, памятников материальной культуры XIII–XV вв., которые характеризуют не только типологию организации генуэзских торговых факторий, но позволяют дать дополнительное освещение особенностям их деятельности.

В первую очередь отметим, что представляющая несомненный научный интерес средневековая генуэзская архитектура Абхазии никем специально не изучена, несмотря на сравнительную насыщенность этого региона строениями, характерными для зодчества Лигурии XIII–XV столетий.

В Новом Афоне (Никоффе генуэзцев) вблизи трассы Новороссийско-Батумского шоссе, проходящего практически по берегу моря, обращает на себя внимание фрагмент старинного памятника, встроенного в более современное здание. Из строения конца XIX в. (Ново-Афонский монастырь) выступает типично

[283] Ленин В.И. . Полн. собр. соч. Т. 26. С. 58.

генуэзская башня (рис. 3), по своим очертаниям и характеру постройка аналогична известным крепостным сооружениям генуэзцев в Крыму – Феодосии и Судаке. Посетивший эти земли еще в 1834 г. франко-швейцарский исследователь Ф. Дюбуа де Монпере в своих записках отметил крепость, которая в те годы была представлена двумя башнями и окружена массивной стеной. По мнению ученого, этот генуэзский памятник представлял чрезвычайный интерес[284]. Описание западной, позже разрушенной монахами, части данного укрепления оставил В. Чернявский[285]. Сведения этих исследователей, а также сохранившаяся фотография позволили археологу В. Орелкину сделать реконструкцию этого памятника (рис. 4).

В Новом Афоне хорошо сохранился и другой памятник генуэзского зодчества – восточная дозорная башня в цитадели Анакопии. Ее стены выложены рядами гладко отесанного известняка. Вход в башню, находившийся на уровне ее второго этажа, снаружи оформлен единственной известной на Западном Кавказе стрельчатой аркой, характерной для европейского средневекового зодчества[286]. Арка выполнена в готическом стиле.

Весьма интересна, хотя до сих пор почти не изучена, расположенная в западной части села Тамыш крепость генуэзской эпохи. Для развития некоторых положений предлагаемого исследования, автор (в составе совместной экспедиции Института археологии АН СССР и Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР) произвел разведочные работы на территории этого памятника, сделал попытку определения его топографии и стратиграфии.

---

[284] Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. С. 48.

[285] Чернявский В. Записка о памятниках Западного Кавказа, исследование которых наиболее настоятельно. – V археологический съезд в Тифлисе. М., 1882. С. 17.

[286] См.: Леквинадзе В.А. По поводу Анакопийской крепости. – ВГМГ, Тбилиси, 1968. Т. XXV.

Это сильно укрепленное сооружение – остатки генуэзского сеттльмента Санто-Томассо (название поселению дано, очевидно, в честь Фомы Аквинского (1225–1275), который был канонизирован католической церковью в 1323 г.; следовательно, фактория Санто-Томассо была основана, скорее всего, после 1323 г.), основанного около села, которое еще до прибытия генуэзцев называлось Тамыш. Можно предположить, что название самому сеттльменту итальянцы дали по созвучию с этим абхазским топонимом. И уже по звуковому подобию с Санто-Томассо население наименовало этот торговый район Сатамашо, что в буквальном переводе с грузинского языка означает «место для игрищ», «ярмарка».

Санто-Томассо (рис. 5) построен в бухте на высоком обрывистом берегу, у самой кромки морского пляжа. Площадь памятника составляет примерно 1000 кв. м. С востока его территория окаймлена искусственным рвом глубиной 5-6 м и шириной 10-12 м. Ров соединен с глубокой речкой, протекающей рядом с северо-западной оконечностью крепости.

Показательно, что сеттльмент был огражден и от моря естественным крутым обрывом. Очевидно, выбор места для постройки был связан с необходимостью защиты от морских пиратов, занятия, распространенного в средние века среди коренных жителей, которые на выдолбленных лодках – *камарах* – нападали на генуэзские суда преимущественно во время их стоянки на якоре. Нападавшие, скорее всего, «брали массой» и внезапностью, поскольку итальянские корабли были весьма мощными, хорошо оснащенными и вооруженными для того времени, с большой командой и охраной из стипендиариев. По данным М. Балара, уже в 1289-1290 гг. у берегов Крыма и Кавказа плавали крупные морские суда-нефы (водоизмещением до 500 метрических тонн), тариды (до 281 тонны), сандалы и галеры (до 197 тонн), лингии (до 112 тонн)[287].

[287] Balard M. Jp. cit., vol. II, p. 907-908.

Панцири крепостной стены Санто-Томассо выложены из крупных, хорошо подогнанных друг к другу окатанных валунов, скрепленных известковым раствором, в который входит известь (60 %), песок и небольшое количество битой керамики. Подобная кладка характерна для построек Абхазии позднего средневековья, в частности, для вышеописанной прибрежной башни в Новом Афоне. Местами стены разрушены до основания, высота сохранившихся участков колеблется в пределах 3–4,5 м, а ширина – 1-1,2 м. Показательно, что кладка этой массивной стены произведена непосредственно на твердой глинистой почве, без фундамента, аналогично кладке других сооружений XIII–XV вв. в Абхазии, а также типу строительства Великой абхазской стены.

С внутренней стороны в своей восточной части крепостная стена Санто-Томассо укреплена контрфорсом. На северо-западе и востоке она снабжена бойницами, расположенными сегодня на высоте 1,3 м. Бойницы представляют собой сквозные отверстия прямоугольной формы; их размеры с внутренней стороны 0,25 х 0,30 м, с внешней – 0,2 х 0,2 м, что указывает на возможность применения в тот период огнестрельного оружия.

В центральной части крепости расположена отдельно стоящая башня квадратной формы с округлыми выступами по углам, по всей видимости служившая донжоном, то есть убежищем, куда обитатели сеттльмента могли скрыться при нападении извне. В донжоне обычно хранился запас продовольствия и питья, оружие, боеприпасы, возможно, что там были складированы наиболее ценные товары.

Площадь основания башни 10 х 10 м, ширина стен – 1,8-2 м, высота – около 8 м. Диаметр округлых выступов у основания – 2 м, в верхней части – 1,5 м.

Стены башни были залиты раствором извести и мелкого гравия. С внутренней стороны сохранились следы деревянных конструкций, служивших, видимо, опалубкой при поднятии стен.

С наружной стороны стены и округые выступы тщательно облицованы необработанными булыжниками. Внутри башни на высоте 3,5 м имеется ряд квадратных углублений – следы от антаблемента – балочного деревянного перекрытия, разделявшего ее на два этажа.

Отсутствие дверного проема на первом этаже позволяет предположить, что в башню попадали с помощью приставной лестницы через вход, расположенный на уровне второго этажа. Пролом в западной стене башни был сделан в 1875 г. поручиком Шишковым[288]. Этот строительный (вернее, оборонительный) прием характерен и для других генуэзских башен на территории Кавказа и Крыма.

Прямоугольный план башни с округлыми выступами и ее форма для крепостей внутренней Абхазии, спроектированных и построенных коренными жителями, нетипичен. Однако кладка стен и некоторые другие особенности строительства Санто-Томассо мало отличаются от абхазских укреплений. Этот факт может быть объяснен использованием генуэзцами при строительстве местного населения, а также подручного материала – булыжника (морского, речного) и колотого известняка. Но строители работали по плану и требованиям чужеземных купцов. Поэтому памятники имеют черты сходства и различия.

Таким образом, генуэзская фактория в Санто-Томассо – это хорошо укрепленное, с военной точки зрения, сооружение, сам характер расположения которого массивные стены, бойницы, наличие донжона показывают, что останавливавшиеся или проживавшие в нем чужеземцы нуждались в хорошей защите, надежных фортификациях, поскольку их численность, несмотря на ее сезонные колебания, была в целом незначительна. Необходимость в защите подтверждает и непосредственная связь сеттльмента с морем.

---

[288] См.: Замечания А.Н. Введенского на записку В. Чернявского. – V Археологический съезд в Тифлисе. – М., 1882. С. 127.

От юго-восточного углового выступа башни к крепостной стене вдоль линии контрфорса был заложен разведовательный шурф размером 4 х 1 м (место шурфовки на рис. 5 заштриховано). Шурф позволил проследить следующее чередование слоев:

1) 0 – 0,15 м – дерн (найдено несколько фрагментов современной столовой посуды; древних находок нет);

2) 0,15 – 0,5-0,7 м – темно-коричневый рыхлый суглинок (культурный слой; обнаружено более 900 фрагментов керамической посуды; нижняя часть слоя ими насыщена меньше);

3) 0,7-0,85 м – известковая прослойка;

4) 0,85 м и глубже – материковая глина.

В результате шурфовки установлено, что этот памятник архитектуры характеризует культурный слой средневековой эпохи мощностью от 0,35 до 0,55 м. Контрфорс не достигает основания башни. Сама башня (как и окружающие ее стены) построена без фундамента, непосредственно на плотной глинистой поверхности. Найденные в культурном слое генуэзского сеттльмента фрагменты керамической посуды можно разделить на две основные группы:

1. Керамическая тара: пифосы, тарные кувшины (рис. 6: 1, 4, 6–17).

2. Кухонная керамика: горшки, миски (рис. 6: 2, 3, 5).

Подавляющее большинство обнаруженных фрагментов керамики принадлежит крупной тарной посуде – пифосам. По форме венчиков, днищ, орнаментации, технологическим приемам изготовления и т. д. они входят в группу изделий, характеризующих памятники Абхазии XIII–XV вв.[289]

Из кухонной керамики обнаружено всего 5 фрагментов: 4 из них – обломки горшков, 1 – миски. Они хорошо увязываются с материалами средневековых памятников Абхазии.

---

[289] См.: Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XV вв). – Сухуми, 1977. С. 10–17.

Явная количественная диспропорция тарной и кухонной посуды объясняется, видимо, прежде всего характером деятельности поселенцев генуэзской крепости, которые использовали факторию на протяжении не менее одного столетия. Показательно, что насыщенность культурного слоя фрагментами посуды возрастает с течением времени; очевидно, это связано с постоянной интенсификацией торгового обмена, расширением его объема по мере развития сеттльмента. Меньшая насыщенность его нижней части керамическими фрагментами позволяет предположить, что в начальный период своего основания сеттльмент использовался скорее эпизодически, с приходом в бухту кораблей. Тогда в нем, очевидно, не было постоянных генуэзских поселенцев. По мере увеличения объема торговли в этой местности, возможно к концу XIV в., в фактории проживал уже постоянный контингент генуэзских представителей. Археологические данные в целом подтверждают тезисы о постоянном развитии в течение XIV и до середины XV в. генуэзской торговли на побережье Кавказа, расширении ее объема, а также то, что из пунктов эпизодических сделок фактории превратились в постоянные генуэзские торговые представительства. Отсутствие в культурном слое фрагментов керамики, которые можно было бы отнести к XVI и последующим столетиям, показывает, что сеттльмент Санто-Томассо, основанный после 1323 г., был заброшен примерно до последней трети XV в., то есть во время оккупации османами этой местности уже не использовался в соответствии со своими прямыми функциями торгового центра. Это согласуется с нашей периодизацией генуэзской экспансии в этом регионе.

В итоге отметим, что, судя по архитектуре сооружения и найденным в шурфе материалам, время постройки и функционирования сеттльмента Санто-Томассо следует отнести к эпохе деятельности генуэзских негоциантов на территории средневекового Кавказа, а наличие бойниц для огнестрельного оружия

указывает на XIV-XV вв. (Напомним, что в Гагре, на территории генуэзского поселения Хакари, найден патрон для скорострельной генуэзской пушки, которую исследователи отнесли к XIV-XV вв.[290], то есть к третьему (самому длительному) и четвертому этапам генуэзской экспансии (по периодизации автора).

Дальнейшие, более тщательные археологические изыскания на территории сеттльмента Санто-Томассо, без сомнения, позволят более подробно охарактеризовать генуэзский культурный слой в крепости, сравнить и дифференцировать археологические материалы, найденные в этой построенной итальянцами и не использовавшейся после их вытеснения с абхазских земель турками фактории, с другими памятниками средневековой Абхазии.

На основе научной литературы по археологии Абхазии мы имеем возможность выделить в ее материальной культуре довольно выразительный круг изделий, в той или иной степени отражающих специфику деятельности генуэзских предпринимателей на территории Кавказа. Речь идет о посуде (керамической, стеклянной и т. д.), украшениях, вооружении, железных изделиях, других отдельных предметах быта, оснастки кораблей и т. д.

Керамика – наиболее массовый материал, который был найден и постоянно обнаруживается при исследовании средневековых памятников Абхазии XIII–XV вв. Среди керамических изделий выделяются тарная (пифосы, кувшины), кухонная (горшки, миски, т.д.) и поливная (столовая) посуда. Особый интерес для нас представляет поливная керамика – миски с вертикальным бортом, иногда прямым или чуть отогнутым наружу венчиком и низким поддоном, тарелки, кувшины, кружки и «чайники». Эти формы данных изделий широко представлены, помимо Абхазии, в памятниках Крыма и всего Причерноморья. Не отрицая возможности изготовления части этой посуды на месте, можно полагать, что многие образцы поливной керамики (особенно

[290] Очерки по истории Абхазской АССР. Ч. I. Сухуми, 1960. С. 94.

синего цвета, в качестве красителя при производстве которой применялась окись кобальта, то есть минерала, отсутствующего в Абхазии) являются импортом[291].

В Абхазии обнаружено довольно много вооружения XIII–XVвв., в частности в могильнике Ахул-Абаа и Цебельде, расположенных вдоль главного пути, соединявшего генуэзский Севастополис с горными долинами и перевалами на Северной Кавказ. В первую очередь речь идет о саблях со слабо выгнутыми клинками, которые, по классификации А.Н. Кирпичникова, датируются XIV-XV вв.[292] Технология изготовления такой сабли, как считает О.Х. Бгажба, который провел металлографический анализ холодного оружия из Ахул-Абаа[293], отличается от технологии, характерной для средневекового Кавказа, прежде всего высоким качеством металла, наличием незакаленной стальной полосы внутри закаленной. Этот редкий технологический прием позволяет отнести сабли из Ахул-Абаа к импортным, скорее всего генуэзским, изделиям.

Весьма широко представлены изделия из железа и стали. На территории Абхазии найдено довольно много железных ножей со сложными многоштырьевыми деревянными рукоятками. По мнению исследователей, они относятся к западноевропейской продукции, доставленной генуэзцами[294].

В могильнике XIV-XV вв. вблизи Сухума обнаружен обломок стальной пилы-ножовки явно импортного происхождения – единственный предмет такого рода, найденный в Абхазии. (В средневековой Европе были распространены пилы двух ос-

---

[291] Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). – Сухуми, 1977. С. 25.

[292] Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие, вI-САИ, ЕI-36, М.-Л., 1966. С. 44–45.

[293] См.: Бгажба О.Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. –Тбилиси, 1983. С. 86–87.

[294] Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юшин В.А. Могильник XIV–XV вв. в окрестностях Сухуми // Советская археология. 1982. № 2. С. 258.

новных видов: двуручные (лучковые) и одноручные (ножовки). Технология их изготовления состояла из собственно кузнечных операций (ковки полотна) и холодной обработки (нарезки зубьев напильником). В XIII–XV вв. подобная технология была присуща только Европе.) Интересен также обнаруженный в Келасури-Тхубун лемех, датируемый XIV-XV вв.[295] Его рабочая часть сделана с помощью косой наварки стального лезвия на железную основу. Сварочный шов чистый и тонкий, что свидетельствует о высоком мастерстве кузнеца и возможном применении флюсов во время сварки. Ключи своеобразной формы происходят из могильника XIV–XVI вв. в Цибилиуме (Цебельда) и из раскопок храма Амбара[296]. Различается технология изготовления этих ключей. Ключ из Амбары откован из чистого железа, цебельдинский – из равномерно науглероженной стали. Привозные ключи исследуемого периода весьма редки на Западном Кавказе.

По всей территории Абхазии в XIII–XV вв. весьма широко были распространены импортные стеклянные изделия, доставлявшиеся в широком ассортименте генуэзскими купцами. Посуда из стекла, найденная на холме Ахул-Абаа, расположенном в трех километрах северо-восточнее Сухума (Савастополиса), представлена целым рядом форм[297]. К первому типу принадлежат сосуды с высоким узким горлом и округлым туловом (рис. 7: 4, 5, 7, 8, 11). Поверхность одного такого сосуда (рис. 7:5) обвита тончайшими нитями белого стекла, между которыми нанесены прожилки черного и красно-коричневого цвета, крестообразно сходящиеся на дне; на шейке сосуда два воротнич-

---

[295] Бгажба О.Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тбилиси, 1983. С.85.

[296] По классификации Б.А. Колчина, подобные ключи схожи с ключами от замков XIV-XV вв., которые бытовали на Руси. – Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. – МИА. Т. 32. М., 1953. С. 86–87.

[297] Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юшин В.А. Могильник XIV–XVвв. в окрестностях Сухуми // Советская археология. 1982. № 2. С. 254–256.

ка из прозрачного стекла. Второй тип посуды генуэзской эпохи представлен фляговидными сосудами (рис. 7: 1, 6, 9, 10), один из них изготовлен из голубоватого стекла (рис. 7: 10). Корпус другого – из стекла цвета изумрудной зелени – в крупную гофрировку, этот сосуд с поперечным наплывом на короткой шейке (рис. 7: 9). Два сосуда с гофрированными горловинами и туловами изготовлены из золотисто-коричневого (медового) (рис. 7: 7, 6) и зеленоватого (рис. 7: 1) прозрачного стекла. Следующий тип представлен бокалом на высокой полой ножке из белого полупрозрачного стекла; стенки его оформлены сотовидным орнаментом (рис. 7: 3).

Явно был завезен генуэзцами из Западной Европы на территорию Абхазии красивый стеклянный графинчик с шаровидной формы туловом на низком кольцевом поддоне, с горлышком с четырьмя узкими перехватами в середине и с вертикальной ручкой, сверху покрытой рельефным змеевидным орнаментом (Рис. 7: 2). Его нашли в селе Михельрипш (район Гагры)[298]. Близкой формы сосуды были найдены еще в 1886 г. под Геленджиком (при раскопках генуэзской фактории Мавролако), где они датированы XIII-XIV вв., и в Сухуме[299]. Схожие изделия были выявлены также при раскопках Цандрыпшского храма[300].

Примечательно, что импортные (западноевропейские) стеклянные изделия обнаружены не только на побережье, но и в горных районах Абхазии (Цебельда, Ткуарчал)[301]. Это, возможно, свидетельствует о фактах проникновения генуэзцев вглубь Кавказа, хотя, вероятнее всего, завезенное ими дорогое стекло распространялось из прибрежных итальянских сеттльментов

---

[298] Шамба Г.К. Археологические разведки 1967 г. в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974. С. 53.

[299] Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. II. С. 146. Табл. XXVI, рис. 5.

[300] Хрушкова Л.Г. Археологические раскопки 1982 г. (рукопись).

[301] Хрушкова Л.Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977–1979 гг.) // Византийский временник.1980. Т. 43. С. 147–177.

путем торгового обмена, производившегося уже коренными жителями. На Кавказе импортные стеклянные изделия обнаружены при раскопках церквей: видимо, церковные лица обладали достаточным доходом и могли позволить себе пользоваться столь ценной посудой.

Наконец, с деятельностью генуэзцев связано широкое распространение по всей территории Абхазии (вплоть до альпийских высокогорий – Напра) специфических монет – аспр. Часть из них, судя по находкам вблизи Савастополиса, чеканилась (видимо, с помощью или при непосредственном участии генуэзцев) в этом крупном центре средневекового Кавказа. Речь идет об аспрах с именем местного владетеля Вамека Дадиани (конец XIV в.)[302].

Несмотря на то, что период генуэзской экспансии XIII–XV вв. на территории Абхазии и в прилегающей зоне с точки зрения археологии пока мало изучен, все же накопился достаточно выразительный материал, отражающий различные стороны воздействия итальянской морской республики на местную материальную культуру. Дальнейшие исследования в этом направлении представляются весьма перспективными и необходимыми.

---

[302] Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М., 1980. С. 109; Очерки истории Абхазской АССР. Ч. I. С. 89.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С нашей точки зрения, научная оценка процесса экспансии Генуи на Западном Кавказе может быть дана лишь на основе всестороннего анализа противоречивых последствий и результатов экономической, политической и духовной деятельности Генуэзской морской республики для развития региона, ее влияния на историческое бытие его народов. Анализ доступных источников, некоторые наблюдения и выводы, имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе, их сопоставление позволяют сделать попытку объективной характеристики содержания генуэзской экспансии.

Она, с одной стороны, привела к насильственному порабощению, к вывозу за пределы региона и часто последующей гибели многих тысяч кавказцев, изъятию путем неэквивалентного торгового обмена, прямого обмана, различного рода контрибуций, налогов и т. д. существенных материальных ценностей. В ходе двухвековой экспансии усилилась эксплуатация народа под двойным давлением – местных феодалов и генуэзцев – постепенно угасали многие самобытные проявления западнокавказской культуры.

Население земель, где были расположены итальянские сеттльменты, по сути дела, подвергалось двойной эксплуатации: генуэзцы прямо и/или опосредованно – через местную феодальную знать – эксплуатировали население, выкачивая часто даже не излишки, которые в принципе могли бы пойти на расширенное воспроизводство, а необходимый для развития хозяйственной базы продукт.

По генуэзским законам и распорядкам местное население даже с формальной точки зрения имело слишком много обязанностей и слишком мало прав. Принуждение со стороны иноземцев свободолюбивых западнокавказских народов, помимо внутреннего (осознанного или неосознанного) недовольства,

иногда провоцировало активный протест. Но часто протест против богатых поработителей поощрялся местными феодалами, возможно лично возглавлявшими насильственные акции. До середины XV в. нападения на фактории не ставили своей задачей окончательное изгнание иностранцев с родной земли, а сводились к прагматичным попыткам разграбить склады сеттльмента, захватить богатую добычу. Справедливость этого тезиса подтверждается сравнительно легким и быстрым восстановлением факторий дипломатическим путем (и не без помощи ценных даров местным феодалам), реже – с угрозой применения военной силы.

С другой стороны, генуэзская торговая экспансия сопровождалась известной активизацией хозяйственной деятельности, расширением земледельчества и скотоводства (в частности, производства пшеницы), ростом и развитием ремесел, совершенствованием и интенсификацией экономических, политических и культурных связей между различными районами кавказского побережья, подъемом торговли и т. д. Она стимулировала процесс так называемой внутренней колонизации – расчистки новых земельных площадей, совершенствовалась агротехника, которая при османах вновь пришла в упадок. Археологические данные свидетельствуют о развитии в XIII–XV вв. сети итальянских факторий, расширении местных поселений, создании новых (с конца XV в. некоторые из них были заброшены), строительстве более совершенных укрепленных домов-замков и т. д.

Сам тип организации торгово-предпринимательской деятельности Лигурии на Западном Кавказе, отсутствие у итальянцев реальных возможностей для тотального политического и духовного подчинения его княжеств далекой Генуэзской коммуне, слабое латинское проникновение, ряд других подобных доводов не позволяют говорить о классической колонизации. Это, скорее всего, понимали и власти морской республики. Она ориентировалась преимущественно на широкое внедрение генуэз-

ского торгового капитала в хозяйственную жизнь этого региона, на монополизацию внешнего и отчасти внутреннего торгового обмена, используя для этого все возможные рычаги более развитого во многих отношениях государства. Тем не менее, Генуя сама нуждалась в торговле с заморскими территориями для поддержания своего государственного престижа и относительно высокого для того времени уровня жизни своих граждан. По оценкам современного международного права, политическую организацию западнокавказского региона в период пика экспансии можно уподобить кондоминиуму.

Экономическое и отчасти политическое «сотрудничество» феодалов Абхазии и Мегрелии с Генуэзской морской республикой, даже осуществлявшееся на началах, далеких от равноправия, фактически содействовало укреплению различных связей этих территорий с Западной Европой, что до определенной степени было выгодным для местных владетелей, испытывавших монгольское давление, стремившихся к обособлению от Грузинской монархии. По сути дела, генуэзцы своей деятельностью экономически поддержали сепаратистские устремления этих княжеств. Если дипломатия Грузии была «повернута на Восток», то Восточное Причерноморье, видимо, предпочитало опираться на западные страны. Кроме того, Лигурия давала возможность путем торговли и работорговли обогатиться местным феодалам. Генуя оставила свой след в культуре западнокавказских народов.

Все усилия Генуи в Восточном Причерноморье имели малоудачные политические последствия. Она и не могла утвердиться на Кавказе надолго, поскольку ее связи с этим регионом были скорее конъюнктурного характера. Генуэзцам не удалось проникнуть в горные районы Кавказа, осуществлению других замыслов Коммуны воспрепятствовали сложные политические обстоятельства в регионе и на всем Черном море, военные и дипломатические конфликты, иногда даже отсутствие у нее достаточных ресурсов.

Несмотря на тяжелые субъективные последствия процесса социальной дифференциации и политического укрепления отдельных эриставств для «низов», эти явления, равно как и торговый обмен с Лигурией, преодолев определенный застой в обществе, несли в себе и прогрессивные тенденции.

К середине XV в. положение на Западном Кавказе изменилось. Обострились противоречия между чужеземцами и коренным населением. Нападения абхазов на савастопольский сеттльмент и увод в неволю многих итальянцев в 1453, 1455 гг. можно квалифицировать уже как изменение ситуации по сравнению с XIII–XIV вв. и как взрыв межнациональных противоречий между жителями княжества и иностранцами. Однако можно предположить, что такое «насильственное» лишение статуса итальянцев на абхазской земле, видимо, уменьшило способность Савастополиса выстоять в последующие годы против турецких захватчиков. С полным уходом к последней четверти XV в. генуэзцев с побережья Кавказа большинство городов-портов этого региона утратили свое значение экономических центров международной транзитной торговли, за счет еще более интенсивной работорговли, проводившейся теперь уже османами, сократились размеры прибрежных поселений, снизилась роль местных купцов и ремесленников.

Вторжения турок на территорию Западного Кавказа в 1451–1475 гг. и их закрепление на побережье ознаменовали собой конец генуэзских поселений в Восточном Причерноморье, новый этап в истории западнокавказских народностей. По деградации хозяйственной и культурной жизни этого региона в следующем столетии также можно судить об определенных позитивных факторах итальянской торгово-предпринимательской деятельности. С утверждением турецкого владычества существенно упали объемы ремесленной и сельскохозяйственной продукции, нарушились налаженные экономические и политические связи между отдельными городами и поселениями, сократился

внутренний рынок, равно как и возможности участия местных народов в международной торговле с Западом и Севером. Масштабы работорговли еще более выросли. Наметилась убыль населения, обострились социально-политические противоречия. Все это пагубно отразилось на экономической и общественной жизни кавказских народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

I.

1.1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Первый международный обзор // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7.

1.2. *Маркс К.* Капитал. Т. 2. Кн. 2; Т. 3. Кн. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24; Т. 25, 4. 1-2.

1.3. *Энгельс Ф.* Дополнения к третьему тому «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2.

1.4. *Ленин В.И.* Карл Маркс // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 43–93.

1.5. *Ленин В.И.* Статистика и социология // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 349–356.

II. ИСТОЧНИКИ

2.1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

2.2. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. статья, подготовка текстов, перев. и ком. Е.Ч. Скржинской. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.

2.3. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. – Сухуми: изд-во ин-та абх. культуры АН СССР, 1937. – 211 с.

2.4. *Иоан де Плано Карнини.* История монголов / Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введ., перев. и прим. А.И. Малиена. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. – 224 с.

2.5. История и восхваление венценосцев. – Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1954. – 110 с.

2.6. *Каухчишвили С.Г.* Георгика: Сведения византийских писателей о Грузии. – Тбилиси: Мецниереба, 1967. Т. 7. Груз.

2.7. *Карли Длониджо.* Описание Тбилиси. Итальян. текст перев. и примеч. снабдил Б. Георгадзе // В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа. –Тбилиси, 1951. Вып. 29. – С. 153–182.

2.8. *Клавихо Рюи Гонзалес де.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. / подл. текст, перев. и прим. под ред. И.И. Срезневского. – СОРЯС. СПб.,1881. Т. 28.

2.9. *Мровели Леонти.* Жизнь Картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / перев. с груз. и комм. Г.В. Цулая. – М.: Наука, 1979. – 102 с.

2.10. Путешествие и посольство Гильбера де Лануа, кавалера Золотого руна в 1399–1450 гг. – 300ИД, Одесса, 1853. Т. 3. – С. 433–466.

2.11. Сборник венецианско-генуэзских грамот. – 300ИД, Одесса, 1860. Т. 4, отд. 2-3.

2.12. Путешествие И. Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / перев. и прим. Ф. Брун. – ЗНУ, Новороссийск, 1867. Т. 1. Вып. 2.

2.13. Сведения итальянских путешественников XV в. о Грузии / перев. и примеч. Э.М. Мамиствалишвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 101 с.

2.14. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Изд. В. Юргевич. – ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. – С. 629–837.

2.15. *Шарден Ж.* Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис: Б.м., 1902. – 182 с.

2.16. *Airaldi G.* Le carte di Santa Maria delle Vigne di Genova (1103–1392). Genova, 1969.

2.17. *Balard M.* Genes et i'Outre-Mer, t.1, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. Paris-La Haye, 1973 (Documents et Recherches, 12).

2.18. *Balbi G., Raiteri S.* Notai genovesi in Oltremare.Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec.XIV). Genova, 1973.

2.19. *Banescu N.* Archives d'Etat de Genes. Officium Provisions Romaninae. – RESEE, 5. 1967. № 1-2. P. 235–263.

2.20. *Baronius C., Raynaldus Od., Laderchius J.* Annales ecclesiastici, t. XXII-XXIX. Barri-Ducis, 1870–1876.

2.21. *Bratianu G.I.* Actes des notaires g'enois de P'era et de Caffa de la fin du XIII-e siecle, Bucarest, 1927.

2.22. Caffa Massaria, 1281-1290; 1343-1344, 1371, 1374, 1381 etc; Peire Massaria, 1281, 1390 etc. – In: Balard M. G`enes et 1'Outre-Mer, t.1-2; Paris-La Haye, 1973-1975; Idem. La Romanie glnoise (XII-e d'ebut du XV-e siecle). Vol.II; Rome-Genova, 1979.

2.23. *Diustiniani A.* Annali della Repubblica di Genova, vol. 2, Genova, 1854.

2.24. *Dubois de Montperreux*.Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les AbKhazes, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. 3 vol. Paris-Neufchatel, 1839–1843.

2.25. *Gioffre D.* II debito pubblico genovese. Inventario delle compere anteriori a San Giorgio o nin consolidate nel Banco (sec. XIV-XVI), Milan, 1967.

2.26. *Heers J.* Le livre de comptes de Giovanni Piccamiglio, hommes d'affaires G6nois. 1456–1459. Paris, 1959.

2.27. *Jomard M.* Les monuments de la g'eographie. Parigi, 1886.

2.28. *Imperiale di Sant Angelo G.* Codice diplomatico della Repubblica di Genova, vol.3. Rome, 1936-1942. Imposicio officii Gazarie. In: Monumenta Historial Patriae. 'ed.L. Sauli, t. I. Torino,1838.

2.29. *lnteriano G.* La vita e sito de Zichi chiamati Circassi: Historia notabile, Venise, 1502.

2.30. *Marcel G.* Choix de cartes et de mappenondes des XIV-e et XV-e siecles. Paris, 1896.

2.31. *Morozzo della Rocca R.* Notizie di Caffa. – In: Studi in onore di Aminto Fanfani, vol.3; Milano, 1962. P. 265–295.

2.32. *Pegolotti F.B.* La Pratica della mercatura, ed. A. Evans. Cambridge Mass., 1936.

2.33. Pie'ces tire'es des archives de la Banque de Saint Georges. – In: Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothe'que du roi et autres bibliothe'ques, t .XI. Paris, 1827. P. 79–96.

2.34. Raccolta di Mappamondi e carte nautiche del XIII al XVI secolo. Venezia, 1881.

2.35. *Rossi G.* Gli Statuti della Liguria. – In: ASLSP, t.14, 1882.

2.36. Santarem, Vicomte de. Atlas compose' de mappemondes et de cartes hydrographiques et historigues depuis le XI-e Jusqu'au XII-e sie'cle. Paris, 1842.

2.37. Statuto di Caffa. – ASLSP, t.VII, parte 2, 1879. P. 567–680.

2.38. Stella G. Annales Genuenses. e'd. G.P. Balbi. – RIS N.S., t.XVII, parte 2. Bologna, 1975.

2.39. *Uzielli G. Amat P. di S. Filippo.* Studi biografici e bibliograffici di storia della geografia in Italia, t.II, Roma, 1882.

2.40. *Vigna A.* Cmdice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (HCCCCLIII-MCCCCLXXV) Parte I-2. – ASLSP, VI, 1868; VII, 1871.

III. ЛИТЕРАТУРА

3.1. *Абрамишвили Т.Н.* Западно-грузинские монеты XIII–XIV вв.: Кирманеули. – Тбилиси: изд.-во АН ГССР, 1959. – 143 с.

3.2. *Алексеева Е.П.* О происхождении и расселении абазин в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1980. С. 14–59.

3.3. *Антелава И.Г.* Вопросы социально-политической истории Грузии XI–XV вв. – Тбилиси: Мецниереба, 1980. – 264 с. Груз.

3.4. *Антелава И.Г.* К вопросу происхождения рода Дадиани. – Тбилиси: Мнатоби, 1981. № 8. С.169–170. Груз.

3.5. *Антелава И.Г.* Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. – Сухуми: Абгиз, 1951. – 197 с.

3.6. *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии. – Сухуми: Абгиз. 1959. – 306 с.

3.7. *Бадян В.В.* Генуэзская феодальная колонизация Северного Причерноморья в историографии дореформенной России // Вопросы истории народов СССР. – Харьков, 1969. Вып. 6. С. 135–141. Укр.

3.8. *Бадян В.В.* Генуэзская феодальная колонизация Северного Причерноморья в русской историографии капиталистического периода 1861–1917 // Вестник Харьковского университета. 1970. М5. С. 48–53. Укр.

3.9. *Бадян В.В.* Советская историография генуэзской колонизации Северного Причерноморья в XIII–XV вв. // Вестник Харьковского университета. 1967. № 22. С. 103–111. Укр.

3.10. *Бадян В.В., Чиперис А.М.* Торговля Каффы в XIII–XV вв. / Феодальная Таврика. – Киев, 1974. С. 174–189.

3.11. *Бгажба О.Х.* История изучения средневековых памятников Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. – Тбилиси, 1967. С. 115–129.

3.12. *Бгажба О.Х.* Очерки по ремеслу средневековой Абхазии: VII–XIV вв. – Сухуми: Алашара, 1977. – 80 с.

3.13. *Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н.* Памятники села Герзеул. – Сухуми: Алашара, 1980. – 75 с.

3.14. *Бгажба О.Х.* Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тбилиси: Мецниереба, 1983. – 104 с.

3.15. *Берадзе Т.Н.* Из исторической географии Западной Грузии: Одиши в XII–XVII вв. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – Тбилиси, 1967. – 26 с.

3.16. *Берадзе Т.Н.* Из истории морской торговли в Грузии в XIII–XVвв. – Тбилиси: Мацне, 1983. № 2. С. 61–89. Груз.

3.17. *Бердзенишвили Н.А.* История Грузии XIII-XIV вв. // Труды ТГУ,1938. Т. 6 – С. 285–301. Груз.

3.18. *Беридзе И.И.* К вопросу об отношении крестоносцев к Грузии. // Труды ТГУ, 1970. Т. 87. – С. 273–301. Груз.

3.19. *Богомолов Н.* Материалы для истории Кавказа, Закавказья и частью России: Албанские ворота // Кавказ. Тбилиси, 1950. № 11.

3.20. *Брун Ф.* Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Южной России (1852–1877). – Одесса: тип. Г.Ульриха, 1879–1880. Ч. 1-2.

3.21. *Брун Ф.* О поселениях итальянских в Газарии: Топограф. и ист. заметки // Труды I Археолог. съезда в Москве, 1869 г. – М., 1871. Т. 2. – С. 365–403.

3.22. *Брун Ф.* Восточный берег Черного моря по древним периплам и компасным картам. – 300ИД. Одесса, 1875. Т. 9. – С. 211–252.

3.23. *Вернер Э.* Византийский город в эпоху феодализма: типология и специфика. – Византийский временник, 1976. Т. 37. – С. 8–12.

3.24. *Введенский А.Н.* Замечания А.Н. Введенского на записку В. Чернявского // V Археологический съезд в Тифлисе. – М., 1882. – С. 111–132.

3.25. *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда воен. археолог. и археографии имп. русск. военно-ист. общ-ва. – Пг., 1914. Т. 3. – С. 27–96.

3.26. *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуей в XIV веке. – 300ИД. Одесса, 1860. Т. 4. С. 153–182.

3.27. *Волков М.* Четыре года города Каффа: 1453, 1454, 1455 и 1456. – 300ИД. Одесса, 1872. Т. 8. – С. 109–144.

3.28. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестности. – Краснодар, 1979. – 125 с.

3.29. *Воронов Ю.Н.* Диадскуриада – Себастополис – Цхум. – М.: Наука, 1980. – 127 с.

3.30. *Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юлин В.А.* Могильник XIV–XVI вв. в окрестностях Сухуми // Советская археология. 1982. № 2. – С. 254–259.

3.31. *Габашвили В.Н.* Внешние торговые связи Грузии в XII в. // Труды ТГУ. 1967. Т. 121. – С. 201–224. Груз.

3.32. *Габашвили В.Н.* Торговля пленными в средневековой Европе. – Тбилиси: Мацне, 1983. № 4. С. 63–87. Груз.

3.33. *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957–1958 гг. // Византийский временник. 1964. Т. 24. – С. 159–165.

3.34. *Гольдшмидт И.А.* Каффа – генуэзская колония в Крыму в конце XIII – первой половине XV в. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1952. – 16 с.

3.35. *Гольдшмидт И.А.* Некоторые данные о ремесленном производстве в Каффе в XIII–XV вв. // Средние века. 1957. Т. 10. – С. 195–201.

3.36. *Гунба М.М.* Новые материалы по археологии средневекового Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. – Тбилиси, 1979. – С. 75–84.

3.37. *Данилова Э.В.* Каффа в начале второй половины XV в.: по документам Codice // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 189–214.

3.37. *Джалагония И.Л.* Монетное дело и денежное обращение Грузии V–XIII вв.: По нумизмат. данным. – Автореф. дисс. ... д.и.н. – М., 1981. – 47 с.

3.38. *Дундуа Г.Ф.* Монетное обращение и торгово-экономические связи Грузии XV века: ист.-нумизмат. очерк. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – Тбилиси, 1965. – 17 с.

3.39. *Жужунадзе О.Г.* К истории внешней политики Грузии в первой половине XV в. // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. – Тбилиси, 1973. – С. 28–77. Груз.

3.40. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. // Ист. записки. – М., 1938. Т. 3. – С. 72–129.

3.41. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях северного Причерноморья в XV в. // Ист. записки. – М., 1940. Т. 7. – С. 3–71.

3.42. Известия об открытии карт азиатской Скифии, Сарматии, берегов Каспия в XIV и XV вв. и Черного моря в XV в. // Вестник Европы. – М., 1820. Ч. 3, III. С. 28–37.

3.43. *Измайлова Т.А.* Армянская рукопись, написанная в Генуе в 1325 г., и ее серебрянный оклад 1347 г. // Византийский временник. 1961. Т. 20. – С. 243–258.

3.44. *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми: Алашара, 1976. – 463 с.

3.45. *Каждан А.П.* К истории Византийско-Кавказских связей на рубеже XI и XII вв. // Истор. филол. журнал. – Ереван, 1967. 1(36).

3.46. *Казбек Григорий.* Итальянцы о Кавказе. – Кавказ, Тбилиси, 1867. № 4, 6, 35, 36, 40, 41, 42, 54.

3.47. *Казбек Григорий.* Еще об итальянцах, писавших о Кавказе. – Кавказ, Тбилиси, 1868. № 72, 73, 78, 79.

3.48. *Капанадзе Д.Г.* Грузинская нумизматика. – М.: изд-во АН СССР, 1955. – 186 с.

3.49. *Капанадзе Д.Г.* Продолжительность и характер монгольского владычества в Грузии по нумизматическим данным // Советская археология. М., 1964. № 2. – С. 63–78.

3.50. *Капанадзе Д.Г.* Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1953–1959 гг. // Вестник древн. ист. – М., 1966. – С. 173–179.

3.51. *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. – М.: изд-во МГУ, 1981. – 231 с.

3.52. *Катушкина Л.Г.* Термин «консул» в дипломатической практике Италии в XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – С. 297–301.

3.53. *Кацитадзе Д.В.* Из экономической истории Грузии XIV века: по данным персидских и персоязычных источников // Труды ТГУ, 1967. Т. 121. – С. 251–269. Груз.

3.54. *Кебуладзе Р.В.* Обращение европейских монет в Грузии в XV–XVIII вв. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – Тбилиси, 1966. – 17 с.

3.55. *Колли Л.* Исторические документы о падении Каффы. – ИТУ АК, 1911. Вып. 45. С. 31–62.

3.56. *Колли Л.* Каффа в период владения Банком св. Георгия – ИТУ АК, 1912. Вып. 47. – С. 75–112.

3.57. *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. – МИА. М., 1953. Т. 32. – С. 78–97.

3.58. *Коновалова И.Г.* Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. – М., 1983. – С. 35–50.

3.59. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. – BI-САИ, EI-37. – М.-Л., 1966.

3.60. *Кругликова И.Т.* Синдская гавань, Горкиппия, Анапа. – М.: Наука, 1975. – 102 с.

3.61. *Куталия Г.М.* Некоторые сведения английских хронистов XIII века о Грузии // Известия АН ГССР. – Тбилиси, 1981. – № 2. – С. 86–93. Груз.

3.62. *Леквинадзе В.А.* Оборонительные сооружения Себастополиса // Советская археология. – М., 1966. № 1. – С. 203–210.

3.63. *Леквинадзе В.А.* По поводу Анакопийской крепости. – ВГМГ. Тбилиси, 1968. Т. 25-В. – С. 73–89.

3.64. *Лучицкий И.В.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XVвв. – Киев: Унив. тип., 1886. – 56 с.

3.65. *Махмудов Я.М.* Взаимоотношения государства Аккоюнлу с Венецией: 60–70-е годы XV в. – Автореф. дисс. ... к.и.н. Баку, 1966. – 25 с.

3.66. *Медведев И.П.* Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // Византийский временник. М., 1977. Т. 38. – С. 161–172.

3.67 *Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. – Одесса: Гор.тип., 1837. – 91 с.

3.68. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма: Закавказье, Сред. Азия, Русь, Прибалтика. – М.: Наука, 1972. – 338 с.

3.69. *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья: опыт сравнительно-исторического исследования. – М.: Наука, 1980. – 286 с.

3.70. Очерки истории Абхазской АССР. – Сухуми: Абгиз, 1959. Ч. 1. – 280 с.

3.71. Очерки истории Адыгеи. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. Т. 1. – 483 с.

3.72. *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. – М.: Наука, 1983. – 199 с.

3.73. *Рогава Г.В.* К происхождению некоторых географических названий в Западной Грузии // Труды ТГУ, 1960. Т. 93. – С.179–185.

3.74. *Рутенбург В.И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XVв. // Исследования по отечественному источниковедению. – М.-Л., 1964. – С. 83–129.

3.75. *Самаркин В.В.* О роли ростовщического капитала в Северо-Восточной Италии XIII–XV вв. // Средние века, 1967. Т. 30. – С. 157–180.

3.76. *Свет Я.М.* После Марко Поло. Путешествие западных чужеземцев в страны Трех Индий. – М.: Наука, 1968. – 237 с.

3.77. *Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря // Материалы по археологии Кавказа. – М., 1889. Вып. 2. – С. 9–39.

3.78. *Скржинская Е.Ч.* Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // Византийский временник. 1947. Т. 1. – С. 215–234.

3.79. *Скржинская Е.Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде: по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник. 1973. Т. 35. – С. 103–118.

3.80. *Соколов Н.* Венеция и Византия при первых Палеологах (1263–1328) // Византийский временник. 1957. Т. 12. – С. 75–96.

3.81. *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. – 542 с.

3.82. *Соселия О.Н.* К дате возникновения Мегрельского самтавро: владетельного княжества // Мимомхилвели. Тбилиси, 1951. Т. 3. – С. 171–183. Груз.

3.83. *Соселия О.Н.* Очерки из социально-политической истории Западной Грузии феодального периода: Сеньории. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 314 с. Груз.

3.84. *Старокадомская М.К.* Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII – первой пол. XV в. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1950. – 14 с.

3.85. *Старокадомская М.К.* Солхат и Каффа в XIII–XIV вв. / Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 162–173.

3.86. *Такаишвили Е.С.* Диван абхазских царей. – Ars. Тифлис, 1918. № 2-3. – С. 62–70.

3.87. *Тарди Л.* Роль Венеции во взаимоотношениях Грузии и Персии с Венецией // Проблемы истории стран Европы. – Тбилиси, 1978. Вып. 2. – С. 197–211.

3.88. Торговля итальянцев в XIII и XIV столетиях. – СПб., 1848. – 58 с.

3.89. *Фелицин Е.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. – Кубанский сборник, Харьков, 1899. Т. 45. – С. 43–118.

3.90. *Филевский П.П.* Итальянская торговля в Азовском море и устьях Дона в XIII и XIV вв. / Записки Ростовского н/Д общества истории, древности и природы. – Ростов-на-Дону, 1912. Т. I. – С. 72–75.

3.91. *Фионова Н.А.* Венецианское кораблестроение в XIII–XV вв. // Уч. зап. Горьковский гос.ун-т, 1970. Вып. 109. – С. 28–44.

3.92. *Фионова Н.А.* Столкновение Венеции с турецкой опасностью в первой половине XIV в. / Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. – Горький, 1975. Вып. 2. – С. 89–107.

3.93. *Хасанов А.А.* Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах 1382–1517. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1975. – 22 с.

3.94. *Хрушкова Л.Г.* Три церкви в горной Абхазии: раскопки 1977–1979 гг. // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 147–177.

3.95. *Чернявский В.* Записка о памятниках Западного Закавказья исследование которых наиболее настоятельно // V Археологический съезд в Тифлисе. – М., 1882. – С. 14–25.

3.96. *Чиперис А.М.* Социально-экономическое положение и движение моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV–XV вв. // Уч. зап. Кабардинский гос. пед. ин-т. – Нальчик, 1956. Вып. 9. – С. 67–78.

3.97. *Чиперис А.М.* К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья. Вторая половина XIII в. // Уч. зап. Туркменский гос. ун-т. –Ашхабад, 1964. Вып. 27. – С. 30–48.

3.98. *Чиперис А.М.* О характере и роли генуэзской работорговли в Северном Причерноморье в конце XIII – 70-х годах XV вв. // Уч. зап. Туркменский гос. ун-т. – Ашхабад, 1969. Вып. 5. – С. 25–31.

3.99. *Чудновских Э.И.* Греческие портоланы как источник по истории торговых путей центрального и восточного Средиземноморья XII–XV вв. // Уч. зап. Уральский гос. ун-т. – Свердловск, 1965. Вып. 41. – С. 61–84.

3.100. *Чурсина С.А.* Генуэзская торговля и купечество во второй половине XII – нач. XIII в. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1967. – 19 с.

3.101. *Чурсина С.А.* Акты генуэзских нотариусов как источники для изучения средневековой торговли // Уч. зап. Ярославский гос. пед. ин-т. – Ярославль, 1970. Вып. 76. – С. 56–70.

3.102. *Чурсина С.А.* Генуэзская торговля сукном в XIII – начале XIV веков. По записям генуэзских нотариусов // Средневековый город. – Саратов, 1981. Вып. 6. – С. 125–128.

3.103. *Шамба Г.К.* Археологические разведки 1967 г. в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974. – С. 48–65.

3.104. *Шаркова И.С.* Россия и Италия: торговые отношения XV– первой четверти XVIII в. – Л.: Наука, 1981. – 208 с.

3.105. *Шитиков М.М.* Венецианское купечество в первой половине XV века в его торговых сношениях с Византией // Уч. зап. Московский гос. пед. ин-т. – М., 1965. Вып. 237. – С. 85–137.

3.106. *Шитиков М.М.* Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера // Византийский временник. 1969. Т. 30. – С. 48–62.

3.107. *Шитиков М.М.* Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в.: по данным книги счетов Джакомо Бадоера. – Антич. древность и сред. века, 1972. Вып. 8. – С. 120–127.

3.108. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры. – М.-Л., Наука, 1964. – 232 с.

3.109. *Astuti G.* Le colonie genovese del Mar Nero e i loro ordinamente giuridici. – In: Genovesii la Marea Neagra in secolo 13-14. Bucuresti, 1977.

3.110. *Balard M.* Les Genois dans l'Ouest de la Mer Noire an XIV-e siecle. – In: Actes du XIV-e Congr. Int. des Etudes Byz., vol. 2. Bucuresti, 1975, p. 21-32.

3.111. *Balard M.* Notes sur l`activit`e maritime des G`enois de Caffa `a la fin du XIII-e siecle. – In: Soci`ete`s et compaghies de commerce en Orient et dans 1'Ocean Indien. Actes du VIII`eme Colloque int. d`histoire maritime. Paris, 1970, p. 375-385.

3.112. *Balard M.* La Romanie g`enoise (XII-e – debut du XV-e si`ecle), vol. I-II. Roma-Genova, 1978.

3.113. *Balbi G.P.* Gli studi genovesi sulle colonie del Mar Nero. – In: Colloquio romeno-italiano "I genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV". Bucuresti, 1977, p. 63-86.

3.114. *Balbi G.* La schiavit`u e Genova fra secoli XII e XIII. – In: M`elanges offerts `a Ren`e Crozet. Paris, 1966.

3.115. *Balletto L.* Astigiani, alessandrini e monferrini a Caffa sulla fine del sec. XIII – Rivista di storia, arte e archeologia per le province di Alessandria e Asti, LXXXV, 1976, p. 171-184.

3.116. *Balletto L.* Genova. Mediterraneo.Mar Nero (secc. XIII-XV). Genova, 1976.

3.117. *Balletto L.* Commercio di grano dal Mar Nero all`Occidente (1290-91). In: Critica Storica, 1977, № 1, p. 57-65.

3.118. *Bautier R.H.* Notes sur les sources d'histoire `economique m`edi`evale dans les Archives italiennes. V. Genes. – In: M`elanges d'Arch`eologie et d'Histoire publies par l'Ecole franipaise de Rome. V. 60, 1948, p. 187-188.

3.119. *Brosset A.* Histoire de la Georgie, t.2. Paris, 1891.

3.120. *Bratianu G.I.* Recherches sur commerse g`enois dans la Mer Noire au XIII-e S. Paris, 1929.

3.121. *Bratianu G.I.* La Mer Noire. Des origines `a la conquete ottomane. Miinchen, 1969.

3.122. *Canale M.D.* Della Crimea, del suo commercio e del suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri, vol. I-3. Genova, 1855-1856.

3.123. *Chiaudano M.* Mercati genovesi del secolo XV. – In: Ricerche storiche ed Economiche in memoria di Corrado Barbagallo, t.2, Napoli, 1970.

3.124. Cinquant Anni di storiografia vistica italiana e sovetica: Gei insedramenti genovesi nel Mar Nero. – Genova, 1976. – 384 p.

3.125. *Day J.* Les douanes de G`enes 1376-1377, t. I, Paris, 1963.

3.126. *De Negri T.O.* Storia di Genova. Milano, 1968.

3.127. *Desimoni C.* Le prime monete d'argento della recca di Genova e il loro valore (1139-14-93) – In: ASLSP, t.19, 1887.

3.128. *Delort R.* Quelques pr`ecisions sur le commerce des `esclaves `a G`enes vers la fin du XIV si`ecle. Paris, 1974.

3.129. *Heers J.* I1 commercio nel Mediterraneo alia fine del sec. XIV e nei primi anni del XV. – Archivio Storico italiano, CXIII, 1955, № 2, p. 157-209.

3.130. *Heers J.* Geneis au XVe si`ecle. Actitit`e `economiique et probllmes sociaux. Paris, 1961.

3.131. *Heers M.L.* Les g`enois et le commerce de l'alum `a la fin du moyen age. – Revue d'histoire `economique et sociale, XXXII, 1954, № 1, p. 31-53.

3.132. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen – `age vol. I-II. Leipzig, 1885-1886.

3.133. *Gioffre D.* II mereato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova. 1971.

3.134. Histoire du Moyen `age, t. IX, Premiere partie. L'Europe orientale de 1081 `a 1453, per Ch. Diehi, R. Guilland, L. Oekonomos, R.Grousset.Paris, 1945.

3.135. Guerra et commercio nell'evoluzione della marina genovese fra XV e XVI secolo. Genova, 1973.

3.136. *Malowist M.* Kaffa – kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach. 1453-1475. Warszawa, 1947.

3.137. *Musso G.G.* Armamento e navigazione a Genova fra il Tre e Quattrocento (appunti e documenti). – In: Miscellanea storica Ligure (MSL), III, NS, t.2, NI, 1973, p. 5-77.

3.138. *Musso G.G.* La cultura genovese fra il Quattro e il Cinquecenti. – In: MSL, 1956, p. 541-560.

3.139. *Musso G.G.* Navigazione e commercio genovese com il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc. XIV-XV). Roma, 1975.

3.140. *Musso G.* Note d'archivio sulla «Massaria» de Caffa. – In: Studi Genuensi, V (1964/65), 1968, p. 62-98.

3.141. *Musso G.G.* Nuove ricerche d'Archivio su Genova e 1' Europe Centro-Orientale nell'ultimo Medio Evo. – In: Rivista storica italiana, 1971, №1, p.130-143.

3.142. *Musso G.* Nuovi documenti dell'Archivio di stato di Genova sui Genovesi e il Levante nel secondo Quattrocento. – Rassegna degli Archivi di S ato, v.27, 1967, p. 443-496.

3.143. *Musso G.G.* Gli orientali nei notai genovesi di Caffa. – Archivi e cultura, VII, 1973, p. 97-110.

3.144. *Musso G.* Per la storia del declino dell'impero genovese nel Levante nel sec. XV. – ASLSP, N. S, vol. III (LXXVII), fasc. 2, 1963, p. 265-286.

3.145. *Musso G.G.* I1 tramonto di Caffa genovese. – Miscellaneadi storia ligure in memoria di Giorgio Falco. Genova, 1966, p. 313-339.

3.146. *Musso G.G.* Le ultime speranse dei genovesi per il Levante; ricerche d'Archivio. – In: Genova, la Liguria e l'Oltremare, V-I. Genova, 1974, p. 1-39.

3.147. *Origo I.* The domestic enemy: the eastern slaves in Toscany in the XIV and XVth. Centmries. London, 1955.

3.148. *Pistarino G.* Banchi e banchieri del'300 nei centri genovesi del Mar Nero. – In: Cronache Finmare, 1974, № 5-6, p. 8-13.

3.149. *Pistarino G.* Genova medievale fra Oriente e Occidente. – In: Rivista storica italiana, 81, 1969, № 1, p. 44-73.

3.150. *Pistarino G.* Mercanti del Trecento nel Levante genovese. In: Clio, 1974, № 1, p. 33-65.

3.151. *Pistarino G.* Sul tema degli schiavi nel Quattrocento a Genova. In: Miscellanea di storie Ligure, IV, Genova, 1966, p. 424-441.

3.152. *Polonio V.* L'amministrazione della Res Publica genovese fra Tre e Quattrocento. L'archivio "Antico Comune". – Ins ASLSP, NS, t. XVII/1, 1977.

3.153. *Polonio V.* Le maggiori fonti storiche del medioevo ligure. – In: Studi Genuensi, V. 1964/65, p. 5-38.

3.154. *Renouard L.* Les villes d'ltalie – de la fin du X-e au d`ebut du XIV i`ecle, t. 2. Paris, 1969.

3.155. *Skrzinska E.* Le colonie genovesi in Crimea, Teodosia (Caffa). – In: L'Europa orientale, 14. Roma, 1954, p. 113-141.

3.156. *Surdich F.* Genova e Venezia fra tre e quattrocente. Roma, 1970.

3.157. *Verlinden Ch.* L`'esclavage dans 1'Europe m`edi`evale, t. 2. Italie colonies italiennes du Levant. – Levant latin. – Empire Byzantin. Gent, 1977.

3.158. *Verlinden Ch.* L'esclavaze dans le royaume de Naples `a la fin de moyen-`age. – In: Summario de Historia economica y sosial, vol. XIII, Roma, 1977.

3.159. *Verlinden Ch.* Le recrutement des `esclave `a Venize. – In: Summario de Historia economica y social. Roma, v. XI, 1975.

3.160. *Verlinden Ch.* Les routes m`editerran`eennes. – Bulletin de l'Assoc. Int. d'Etudes du Sud-Est Еигор`een, t. XII, 1974, N1, p. 27-42.

3.161. *Vincens E.* Histoire de la republique de G`enes, vol. I – III. Paris, 1843.

3.162. *Vitale V.* I notai genovesi del medioevo, con integrazione e appendice a cura di T.O. De Negri. Genova, 1955.

Периодические и многотомные издания

ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии

ВДИ – Вестник древней истории

ЗНУ – Записки Новороссийского университета

ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

МАК – Материалы по археологии Кавказа

МИА – Материалы по археологии СССР

СОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук

УЗ КПГИ – Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис.I. Локализация генуэзских торговых факторий на Черноморском побережье Кавказа в XIII - XV вв. (По средневековым итальянским картам и портоланам).

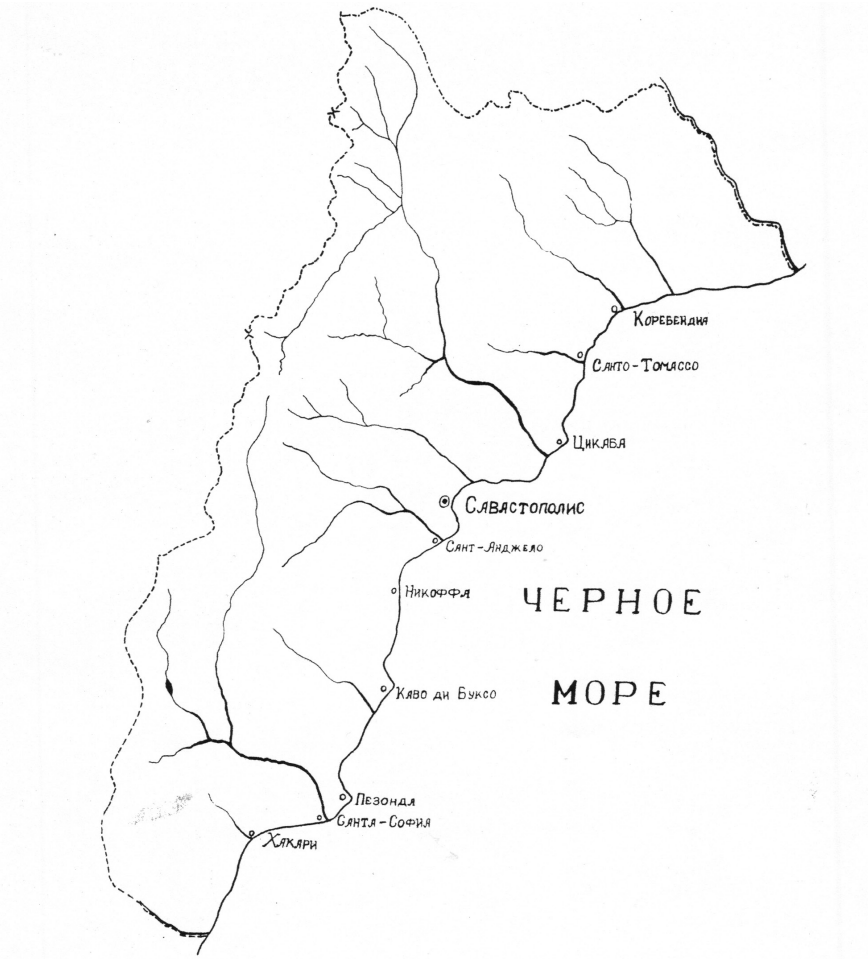

Рис.2. Локализация генуэзских торговых факторий на территории современной Абхазии. (По средневековым итальянским картам и портоланам).

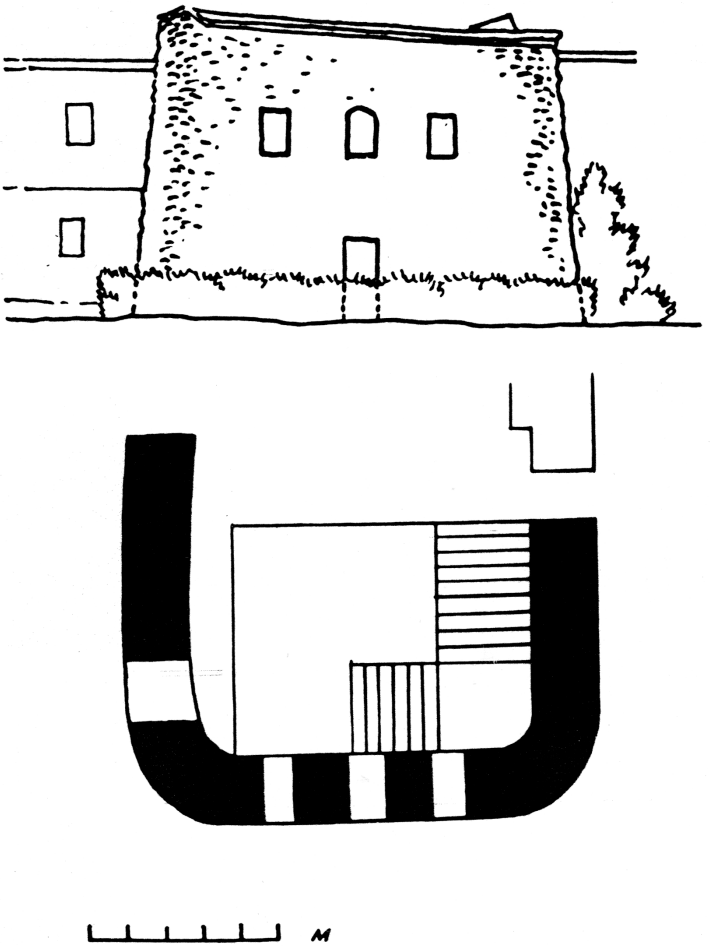

Рис.3. Фрагмент генуэзской башни XIУ - ХУ вв. в Никоффе. (Общий вид и план. Реконструкция В.Орелкина).

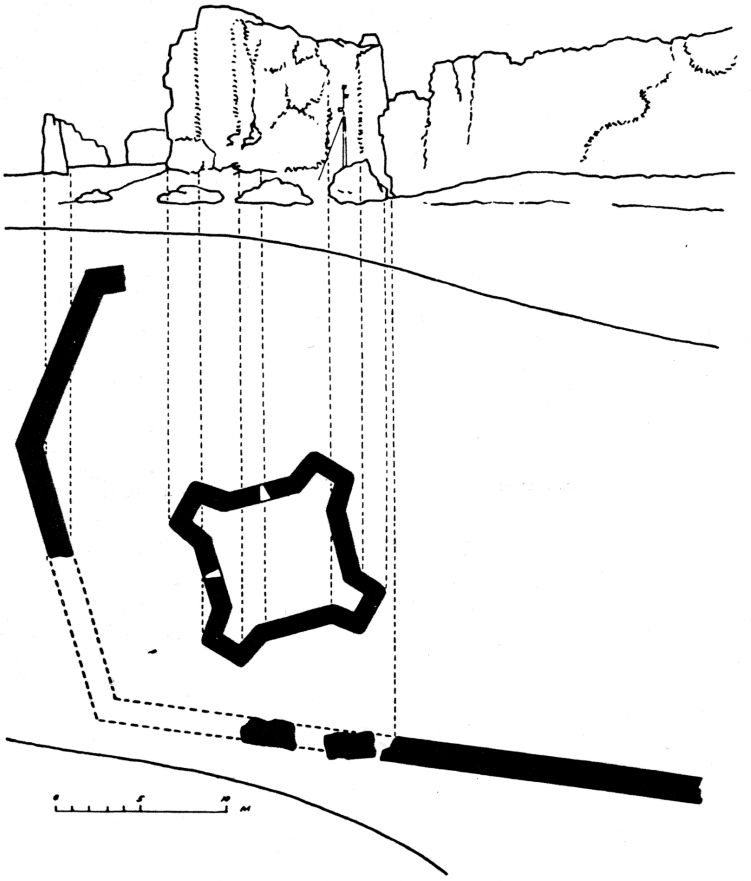

Рис.4. Схема расположения генуэзской крепости XIУ - ХУ вв. в Никоффе. (Реконструкция В.Орелкина).

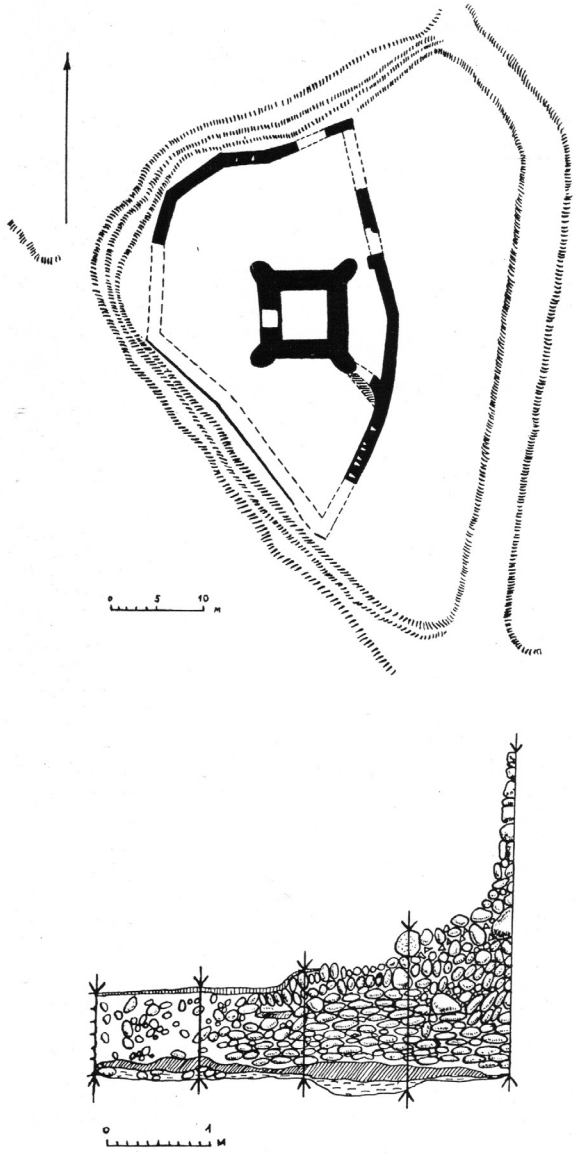

Рис.5. План генуэзского сеттльмента Санто-Томассо XIУ - ХУ вв. в окрестностях села Тамыш и разрез шурфа. (Реконструкция и рисунок Р.Н.Кация).

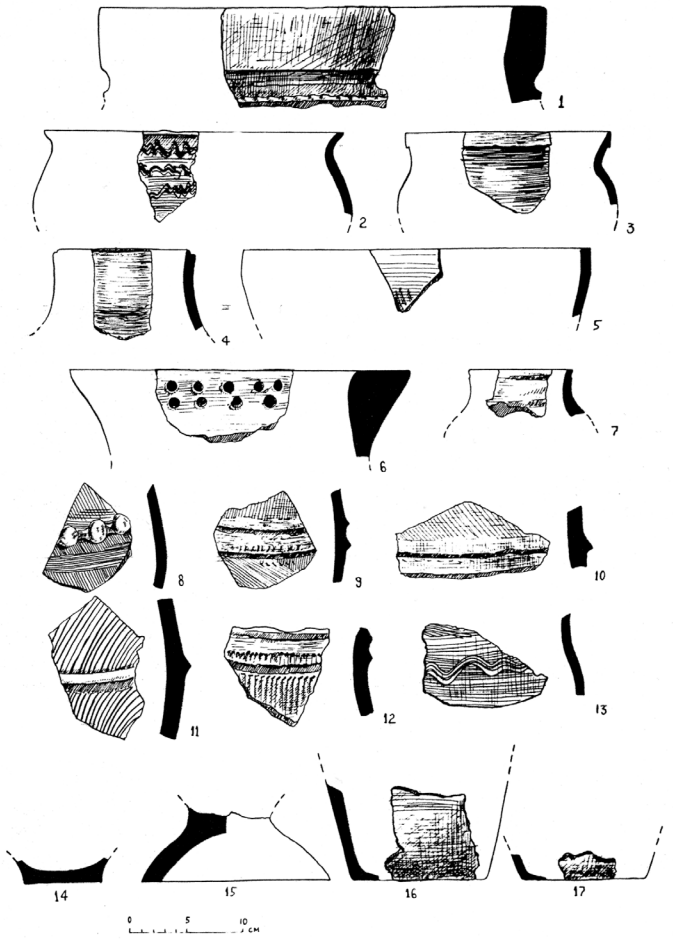

Рис.6. Образцы керамики XIУ - ХУ вв. из сеттльмента Санто-Томассо: I,4,6-I7 - фрагменты пифосов и тарных кувшинов; 2,3,5 - фрагменты кухонной посуды (горшков и миски).

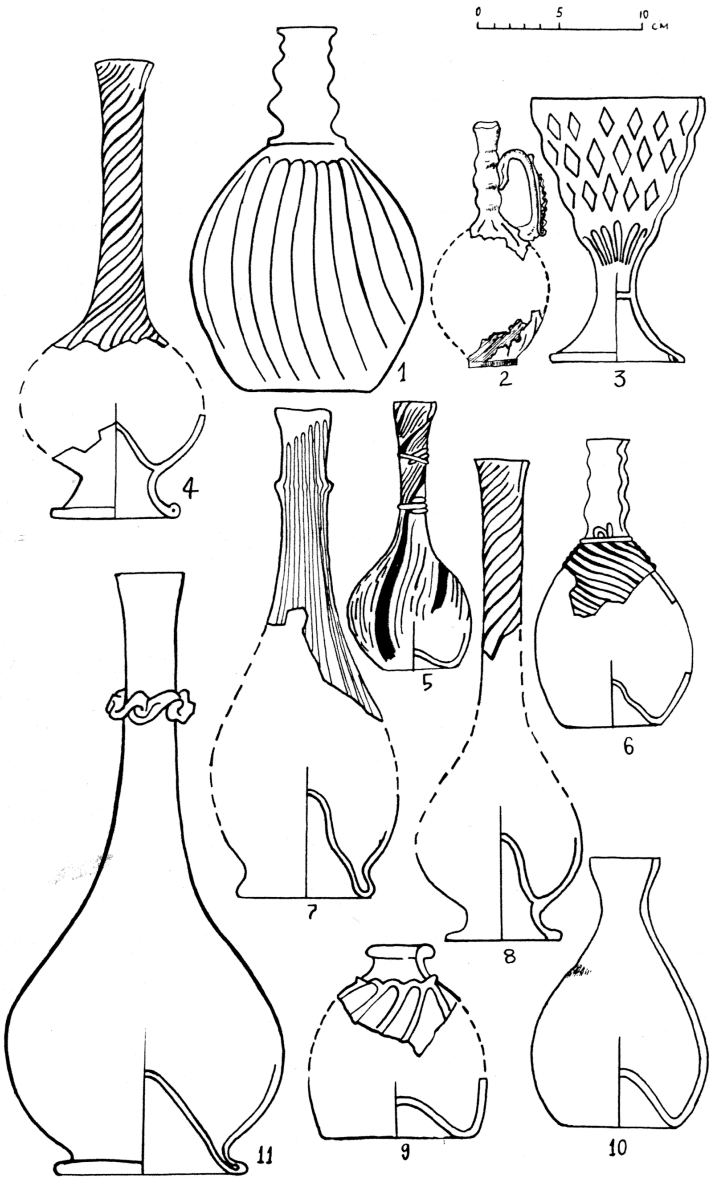

Рис.7. Образцы импортной стеклянной посуды XIV - XV вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица I.

Распределение рабов кавказского происхождения по этносу и возрасту в Генуе XVв.

Возраст	Абхазы		Мегрелы		Зихи	
	I400-I449гг.	I450-I499гг.	I400-I449гг.	I450-I499гг.	I400-I449гг.	I450-I499гг.
I-I0	3(5%)	I (I%)	-	-	I(I%)	-
II-20	30(46%)	II(I6%)	3	4(40%)	38(4I%)	38(I9%)
2I-30	24(37%)	34(49%)	-	4(40%)	39(42%)	I05(54%
3I-40	8(I2%)	2I(3I%)	-	I(I0%)	I4(I5%)	37(I9%)
4I-50	-	-	-	I(I0%)	I(I0)	I3(7%)
5I-60	-	-	-	-	-	2(I%)
6I-70	-	-	-	-	-	-
Всего:	65(I00,0)	69(I00,0)	3	I0(I00,0)	93(I00,0)	I95(I00,

Составлено по: Gioffre D. Il mercato degli schiavi a Genova nel Secolo XV, p. 277-330.

Таблица 2.

Сравнительная стоимость рабов в Генуе в первой половине XV в.

(в лирах)

Этнос	Возраст		
	II - I5 лет	I6 - 20 лет	2I - 25 лет
Русские	80	97	85
Зихи	76	86	86
Абхазы	66	97	7I

Составлено по: Ibidem.

Научное издание

Резо Николаевич Кация

Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII – XV вв.).

Редактор *И.В. Ружавинская*
Компьютерная верстка *А.Ш. Беренджи*

Подписано в печать 20.04.2026 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист 12,25

Тираж: 200 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru